

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

4. 2019

Всероссийская школа писательского мастерства СКФО, г. Нальчик, 3–7 июня 2019 года. Организатор – Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ (Москва)

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Готов
Виктор Котляров
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

---

4. 2019 ИЮЛЬ–АВГУСТ

*Юрий ТХАГАЗИТОВ,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
кабардино-черкесской литературы
ИГИ КБНЦ РАН*

МНОГОМИРИЕ

К 85-летию Танзили Зумакуловой

Танзиля Зумакулова

Новописьменные литературы народов России, сформировавшиеся после Октябрьской революции, как известно, находились в жестких рамках направленно-политизированного процесса. Выход за рамки коллективно-поэтического позиционирования национальной литературы был более чем сложным. В целом, идеология оставалась определяющим фактором и основой концептуалогии искусства народов России вплоть до 60-х годов прошлого века.

Преодоление сложившейся в национальных литературах ситуации в условиях целенаправленно поддерживаемых государством политизированных эстетических доктрин было невозможным в качестве системного

явления, базирующегося на изменениях социума. Разрыв границ официального «соцреалистического» миропонимания мог быть результатом усилий пассионарных личностей, чей уровень природной одарённости позволил бы подняться над горизонтом художественных норм, одобренных и ожидаемых партийным руководством страны. Для балкарской литературы (и не только для неё) таким человеком стал Кайсын Кулиев, в чьём творчестве наметился и оформился переход к индивидуально-неповторимому поэтическому «я».

Однако прорыв к новым поэтическим горизонтам имел свою цену. Личностное начало в новописьменных литературах, находящихся под прессингом идеологических воззрений, – как правило, выражение этнических представлений, воспринимающихся в качестве уникально-индивидуальных на контрасте со стандартизированными декларациями – продуктом политического строя. Кайсын Кулиев, будучи феноменально одарённым стихотворцем, в какой-то момент практически полностью

заполнил нишу этнообозначенной поэтики, ориентированную на специфическое балкарское отражение окружающего – естественно, в тех объёмах, которые были доступны в поле достигнутого эволюционного состояния национальной словесности.

Традиция лаконичного, подчёркнуто «вещного» выражения лирического чувства стала фирменным знаком балкарской поэзии и, одновременно, её «прокрустовым» ложем. И это продолжалось достаточно долго – потребовалось появление целого поколения авторов и смена творческого курса самого Кайсына, чтобы национальная поэтика обратилась к новым средствам художественного отражения, к новой образности и эмоциям.

Это был переломный момент в истории балкарской литературы. Обращение к «замкнутым» символьным образам Кайсына Кулиева, эксперименты с формой и автономными культурными мемами Али Байзуллы, погружение в стихию пространственно-временных представлений и обобщенных категорий Ибрагима Бабаева – всё это знаменовало начало нового этапа в развитии балкарской словесности. Плеяда ярчайших авторов выводила поэзию на совершенно новый уровень художественного мышления, практически синхронно реформировала этнические стандарты поэтической презентации, уже утвердившиеся в пространстве советской поэзии, завоевавшие к этому времени и признание, и любовь читателя.

И, оценивая роль и место Танзили Зумакуловой в истории балкарской литературы, мы должны будем признать, что в новой генерации национальных авторов она занимает совершенно особое место. Подчеркнем, на сегодняшний день, творчество поэтессы остается одной из важных составляющих поэтапной эволюции художественности балкарской поэзии. Именно мечиевско-кулиевские традиции, воспринятые не упрощенно-ученически, но серьёзно и глубоко переработанные, стали первоосновой ее известности в советской многонациональной литературе.

Реформа национальной образности в её поэзии достигла уровня диалектического отрицания наработанных ранее фондов, что позволило Зумакуловой создать свой образный код, выстроенный в границах понятных национальному читателю смыслов и, одновременно, преодолеть аксиологическую однозначность философии и символики, присущих предельно brutальному мировоззрению балкарских поэтов. Уже на уровне выразительных конструкций она создала новый мир – столь же национальный, как и у предшественников, но обогащенный открытыми и неудержимыми эмоциями. «Двоемирие» Зумакуловой было первым шагом по трудной дороге, приведшей горянку к истинному мультикультурализму, амбивалентности эстетических оценок – в конечном итоге, к широчайшему гуманистическому отражению окружающего мира.

Это был шаг навстречу читателю, ориентированному не на этническую семантику стиха, не на его региональную специфику. Феномен Танзили Зумакуловой – движение в пространство интересов, объединя-

ющих Восток и Запад, Россию и Кавказ, Европу и Азию. Её культурный универсализм являет нам живое доказательство жизнеспособности морали, этики, этикетности, философии и эстетики горцев. И сегодня, чувствуя нашу землячку, мы ещё раз констатируем: если Кулиев и Кешоков, если представители старшего поколения стихотворцев Кабардино-Балкарии сумели показать миру необычность и яркость национального миропонимания, то Танзиля Зумакулова самым рельефным и безусловным способом выразила органическое единство человеческой души и идеалов, не знающее границ и национальных различий. Миры её многочисленны, чувства чисты и безграничны. Так было, так есть, и пусть так ещё долго будет.

*Борис ЗУМАКУЛОВ,
Уполномоченный по правам человека в КБР*

СЛОВО О СЕСТРЕ

Меня могут спросить: любишь ли ты свою сестру Танзилю? Я отвечаю – а кто не любит сестру? Нам, семерым братьям, она досталась одна! Но не мы, а она прославила нашу фамилию, аул Герхожан, где родилась, весь наш малочисленный и древний народ.

*Д. А. Медведев и Т. М. Зумакулова
на встрече в Кремле*

В конце декабря 2012 года Президент Российской Федерации вручал в Кремле государственные награды. Вручил он Орден Почета Танзиле. Я при этом впервые присутствовал как «сопровождающее лицо» и был несказанно рад, когда, после вручения, на фуршете Президент подошел к Танзиле и очень тепло с ней заговорил, как почитатель ее таланта.

Потом мы фотографировались, гуляли по Кремлю, и я невольно вспомнил нашу жизнь в депортации, сестру, с утра до ночи половшую свекловичные грядки, а потом качавшую колыбель младших братьев-близнецов. Тогда можно было только мечтать, что пройдет время и мы вернемся на родную землю, что здесь вновь зазвучит родная речь, а Танзиля на своём – тогда запрещённом – языке напишет книги, которые войдут в учебники и энциклопедии, в антологии мировой поэзии.

Я, как брат и ваш земляк, тоже родившийся в Герхожане, хочу выразить сердечную благодарность людям за их доброе отношение к Танзиле, и пусть всем им воздастся за доброту и любовь к поэзии Зумакуловой.

Кайсын КУЛИЕВ,
народный поэт КБАССР

СЧАСТЛИВОЕ ПРАВО

...Лучшие поэты Балкарии черпали серьезность, человечность и образность из устной поэзии родного народа.

Глубина, своеобразная образность, яркость и пронзительность чувства характерны также и для Танзили Зумакуловой, стихи которой переведены на многие языки. Теперь она встала в один ряд со славными мастерами многонациональной советской поэзии.

У неё есть строки:

*Пусть будет славен сочинитель тот,
Кто знает, что писать имеет право.*

Сказано сильно и мудро. Это свидетельство углубленного, строгого и счастливого отношения мастера к святому делу поэта.

Танзиля Зумакулова – творец серьезный, мыслящий, отсюда – эта убежденность и понимание того, что художник, прежде всего, обязан быть совестливым, честным, открытым, что эти качества для него так же необходимы, как и дарование. Без этой искренней убежденности немислим большой поэт. И мы можем смело, не погрешив против истины, сказать, что Танзиля обладает счастливым правом – правом писать.

Стихи поэтессы, отличающиеся содержательностью, проникнутые подлинной и высокой гражданственностью, ныне знает вся страна, сегодня ее имя называют среди крупных мастеров советской поэзии.

С Кайсыном Кулиевым

И балкарский народ, так много переживший, но не погибший в самые жестокие периоды своей глубоко драматической истории, слагавший прекрасные песни, может гордиться, что сумел вскормить таких поэтов, как Танзиля Зумакулова.

Девочка-балкарка, бегавшая по каменистым тропинкам, ведущим в аул Герхожан, затерянный в глубине Баксанских гор, стала поэтом, известным всем, кому дорога и близка наша многонациональная советская поэзия. Что и говорить, счастливая судьба! Такое могло случиться с балкаркой только при советской власти. Это хорошо понимает и знает

Танзиля. Не о том ли свидетельствуют проникновенные строки ее стихотворения «Горские поэтессы», давно ставшего знаменитым:

*Как много поэтесс лежит безмолвно
На кладбищах в селениях у нас.
Они ль виновны, что беспрекословно
При жизни были немы, как сейчас?*

*Праматери мои, мне хватать нечем,
Из сердца слово я могу извлечь
Не потому ль, что вас лишали речи,
А мне сегодня подарили речь?*

Балкарские поэтессы, которым принадлежат шедевры нашей устной народной поэзии, навсегда остались неизвестными. Однако именно к ним обращаемся мы со словами благодарности за то, что в их сердцах родились строки, которыми восхищаемся и над которыми мы плачем сегодня. И первой балкаркой-поэтессой, ставшей известной всему миру, является Танзиля Зумакулова. Поэтому мы относимся к ней особенно сердечно.

Танзиля Зумакулова также первой из писателей-женщин, представляющих национальные республики и области Российской Федерации, стала лауреатом Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Говоря о художнике, мне думается, необходимо сказать о земле, где он родился и рос, об истоках его творчества. Поэт зорче всех должен видеть облик родной земли и понимать ее язык. Так повелось от века. Так было с Гете, Пушкиным и нашим Кязимом Мечиевым. Так должно быть всегда. Я смею утверждать, что Танзиля Зумакулова понимает язык родных гор, язык дорог, деревьев, колосьев, подсолнухов, камней и звезд, посылающих свой вечный свет на притихшие дороги и дворы. Да, она понимает их язык. Она – поэт. Сказанное мною легко подтвердят ее стихи. Лучших свидетелей не бывает, ибо притворяться в поэзии невозможно, ведь поэт «говорит, как дышит». Приэльбрусье, над которым сияет знаменитый Кавказский хребет, где высятся известные всему миру горы Эльбрус, Ушба, Шхельда, является красивейшим, уникальным творением природы, ее шедевром. Те, кто впервые видит этот край, обычно говорят, что родиться и жить здесь и не быть поэтом нельзя. Думаю, что можно родиться и жить на земле с весьма скромным обликом и быть великим поэтом. Но дело не в этом. Мне хочется сказать о счастье Танзили Зумакуловой родиться в таком сказочном краю, известном своей красотой всему человечеству, о счастье родиться талантливой и стать истинным поэтом, своим дарованием умножившим славу чудесной земли. И быть певцом такой земли – это, разумеется, редкая удача. Стало быть, Танзиле повезло вдвойне.

Верная традициям, завещанным нам Кязимом Мечиевым, Танзиля Зумакулова пишет: «Я требую правды любой ценой!» Это не только серьезное, но чрезвычайно ответственное заявление. Большую и трудную задачу ставит перед собой поэт, хотя известно, что задача художника всегда трудна. Быть верным тому заявлению, которое сделала Танзиля, значит – быть истинным художником.

Мне всегда было по душе, радует и сегодня требовательное отношение Танзили к поэзии, своему труду, работе стихотворца.

Танзиля, разумеется, училась не только у балкарских поэтов старшего поколения, ей преподали серьезные уроки великие мастера русской и мировой поэзии, лучшие советские писатели. Без такого углубленного отношения к мировому поэтическому наследию нельзя двигаться вперед. И это Зумакулова хорошо понимает. Недаром она написала:

*И оттого так строго и сурово
Сужу я каждый мной рожденный стих.*

Она не зря произносит слово «сурово», и я недаром говорил о суровости балкарской Музы. Эта особенность нашей литературы связана с обликом родной земли, а также с трудной и суровой исторической судьбой балкарского народа. Наша поэзия учила и учит людей стойкости, жизнелюбию, мужеству и трудолюбию. Балкарская Муза похожа на балкарских женщин, на наших матерей, которым мы обязаны за свет доброты и жизнестойкость, за преданную любовь, за небывалую терпеливость.

Творчество поэтессы вобрало в себя многообразие красок нашей прекрасной отчей земли и – самое главное – лучшие этнические черты балкарцев. Об этом Танзиля сама сказала очень хорошо, подчеркнув свою признательность и благодарность родной земле и народу.

Мы выше уже говорили о счастливом праве писать, которое дает только талант. Да, конечно, в любом случае обладание талантом – участь счастливая. Такая «избранность», делая художника счастливым даже в его трудной судьбе, в то же время налагает на него серьезную ответственность. Такая доля тяжка. Надо иметь очень крепкие плечи и мудрое сердце.

Мне радостно сознавать, что балкарская поэтесса Танзиля Зумакулова, приняв на свои плечи эту ношу, несет ее достойно, как это и суждено поэтам от века. Танзиля Зумакулова – славная дочь балкарской земли и советской Отчизны. Читатели и знатоки поэзии всюду в стране называют Танзилю замечательным поэтом. Этим сказано все. Такое признание – счастье для художника.

Расул ГАМЗАТОВ,
народный поэт Дагестана

ТАНЗИЛЯ

Четверть века тому назад, впервые перелистывая стихи Танзили Зумакуловой, я обнаружил в них много неожиданного и привлекательного. Они захватили меня, и я стал внимательно читать одно стихотворение, другое, третье. Мною овладело радостное волнение, я понял – в балкарских горах родилась поэтесса. Своими ощущениями от этого волнующего открытия я поделился с земляком Танзили Зумакуловой, моим давним другом Кайсыном Кулиевым. Он сказал, что Танзиля Зумакулова – действительно, большая надежда балкарской поэзии. С тех пор я знаю Танзилю по многим замечательным книгам. Её стихи прекрасны, и, единственное, что мне не нравится – она подписывает их «Танзиля Зумакулова». Не потому, что я против фамилии Зумакуловой. Однако она настолько сильна, как художник, что ей не нужны уточнения. Хорошо бы просто писать «Танзиля», этого достаточно – и по мере её известности, и по узнаваемости стихов.

Я люблю её поэзию, её светлый талант. Стихи Танзили Зумакуловой привлекают своей искренностью, откровенностью; её лирический герой неповторим, а по ее поэтическому почерку, по уникальной образности всегда можно понять, откуда она родом, какой у нее адрес. И это не только Кабардино-Балкария, не только город Нальчик. Ее мир – средоточие всего прекрасного, подлинного и благородного на земле. А ее книги являются продолжением поэзии Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева и выражают дух и характер многострадального балкарского этноса.

Эти страдания Танзиля испытала на себе с детских лет, ведь она была дочерью насильственно высланного народа. И после тринадцати лет пребывания на чужбине Танзиля возвращается на родину со стихами, рожденными вдали от милой Балкарии:

*Аллах! Услышь меня! Я погибаю!
Верни меня на родину, Аллах!
Родные горы жажду видеть я!
К нагорным травам приложит уста!..*

По мысли А. Блока, поэт должен иметь не карьеру, а судьбу. И, действительно, Танзиля имеет судьбу, переплетенную с судьбой народа, являющуюся продолжением и подтверждением его истории. Танзиля могла быть озлобленной, мстительной за обиду, нанесенную балкарцам, но она «мстила» только добротой и мужеством, ибо природа настоящей поэзии – это мужество и доброта.

Только поэтесса, наделенная большим мужеством и подлинной добротой, могла сказать так:

*И хоть радость моя не обильна,
Мне раздать ее хочется всем,
И хоть горе мое непосильно,
Не хочу с ним делиться ни с кем.*

И другое:

*Близко мне сиротство и вдовство
Оттого, что я хлебнула горя,
Старых я жалею оттого,
Что сама, глядишь, состарюсь вскоре.*

Или же:

*Я не ловчу, пусть будет путь гористым,
Тернистым будет пусть, но будет чистым.*

К Танзиле в полной мере относятся слова А. Твардовского об Анне Андреевне Ахматовой: «У нее есть достоинство таланта».

Ни браслеты на руках, ни серьги в ушах ничего не добавляют и не могут прибавить истинному таланту. А у Танзили самое драгоценное украшение – это ее поэзия, в основе которой глубокая мысль, щедрость души и любовь ко всему прекрасному.

Хочу еще раз повторить, что на Кавказе – на родине гордых мужчин и прекрасных женщин – живет замечательный поэт Танзиля Зумакулова. Жду ее новых стихов.

Ее рядовой поклонник Расул Гамзатов

*Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС,
народный поэт Литвы*

ЭЛЬБРУССКАЯ САПФО

С Танзилей Зумакуловой я познакомился на Пушкинском празднике поэзии – на родине великого поэта.

На поэтические размышления наводило уже само место, поэтически настроивали и окрыляли чудесные весенние дни, поэтически заставила биться мое сердце удивительная женщина, имя которой Танзиля. Это имя осталось в моем сердце и в моей памяти, в лирической книге и во сне, так я ее здесь и буду называть – Танзиля. Для меня звучит словно рифма. Бродил я по дорогам и тропам, которых когда-то касалась нога гения, и повторял:

*Я помню чудное мгновение:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное видение,
Как гений чистой красоты.*

Декламация этих пушкинских строф была посвящена ей – Танзили. Все кругом дышало поэзией. Мы были все время вместе, обменивались мыслями о поэзии, а мой интуитивный слух все время ловил пульс ее поэтического слова. Мы только что познакомились, и мне хотелось установить или, словно медику, диагностировать пульсацию ее поэтического таланта. Кроме всего этого, яркие, искрящиеся, словно звезды в горах, ее глаза жгли мою душу и пробуждали то, что мы привыкли называть расхожим словом – «вдохновение». Настоящая поэзия всегда проходит через сердце – поэзия бьёт в сердце, как стрела. Иногда, как стрела горского охотника, иногда, как стрела крылатого амура. Но во всех случаях слово должно сотрясать души. Такое уж призвание истинного искусства. Такое сотрясение тогда почувствовал и я. Я понял, что небо свело меня с настоящим поэтом – с много выстрадавшим и очистившим свою душу до кристального блеска поэтом. Общались наши сердца. И поэтому я до сих пор не могу забыть то мгновение, которое гениальный поэт назвал «чудным мгновением».

Великий Пушкин нас и свел. И с того «чудного мгновения» я и стал постоянным читателем и ценителем поэзии дорогой мне Танзили.

Когда я читаю ее стихи, пронизанные горным солнцем, я воспринимаю не отдельные слова, не строфы, не отдельные образы – я слышу ее выступление на Пушкинском празднике поэзии. Тогда многие поэты декламировали свои стихи, звучали самые разные, а в моей памяти остался только один. Когда Танзиля читала с трибуны свои стихи, ее интонации и манера подачи строки напомнили мне прекрасную литовскую поэтессу Саломею Нерис.

Саломея Нерис была моей учительницей в гимназии и учительницей в поэзии. Мне выпало счастье общаться с нею, слушать ее чтение, ее лирический голос!

Она писала мужественные стихи, но читала их нежным, мягким женским тембром. Она плакала стихами. Она не читала – она пела свои стихи серебряным голосом весеннего соловья – как, собственно, литовский народ и называл свою глубоко национальную поэтессу. Этот контраст между мужественными интонациями содержания стихов и интонациями чтения, когда их читала сама поэтесса, создавал какое-то особое настроение. Такого теперь больше нет. Это было неповторимое, уникальное явление – настоящий подарок самой природы. И вот это ощущение повторилось – с чтением Танзили. Это тоже дар самой природы. Я внимательно слушал читаемые нежным женским голосом ее

мужественные стихи, и мне казалось, что я слушаю знакомую мне речь Саломеи Нерис.

И теперь, когда я читаю в периодической печати строки Танзили, прекрасные ее книги, я просто люблю ее лирическим голосом – голосом ее лирического героя, реальной жизненной тематикой ее стихов, теплом ее женского и материнского сердца.

Танзиля не пишет – она поет. Она не пишет – из ее щедрого сердца чистым горным ключом бьет сама поэзия. О чем бы она ни писала – о своей матери, о своей горной родине, о ее трудолюбивых людях, о прекрасной природе, о земле, об истории и сегодняшнем дне, о прекрасном, об искусстве, наконец, о самой себе – и о горестных, драматических, сложных и счастливых своих переживаниях – все это глубоко меня волнует. Ибо это не только слова, не только строфы, не только стихи – это молекулы ее сердца и атомы ее души. А это и есть свойство большого, врожденного, неповторимого таланта.

Я не разделяю поэзию на мужскую и женскую. Многие поэтессы писали и пишут мужественную поэзию, многие поэты выдают слабодушные и серые стихи. Поэзия прежде всего – поэзия, и не имеет никакого значения, кто ее пишет. Главное, чтобы творил тот, кто родился поэтом. Разве не мужественно звучит голос Танзили, когда она говорит:

*Родина! С тобою радостью делюсь.
А коснется сердца огорченье, грусть,
Я в твои объятия кинусь, как дитя.
Буду твои камни, плача, обнимать.
Быть с тобою – счастье, даже и грусть...
Ты незаменима, как ребенку – мать!*

Лирика Танзили – словно серебряные вершины ее родных гор, над которыми витает благородный дух. В серебряном ее голосе много женского тепла, доброты и нежности. Танзиля, кроме всего сказанного, очень человечный поэт. А это меня, автора человеческой темы, особенно волнует. Она любит каждого человека – и очень близкого, и очень далекого, – неважно, на каких меридианах он живет, чем занят, каким говорит языком. Нашел я в ее последней книге стихи, посвященные и людям моей янтарной Прибалтики, за которые я бесконечно ей благодарен. Так поэзия помогает связывать крепкими узами дружбы целые народы и отдельных людей разных национальностей. Это благородная гуманистическая миссия поэзии. Не останусь перед ней в долгу. Давно ношу в своем сердце, словно рифму, красивое ее имя Танзиля – оно звучит, как музыка, и в день ее рождения ложится в новое, ей посвященное стихотворение. В дружеское стихотворение, в котором я желаю смелого и далекого поэтического полета нашей эльбрусской Сапфо.

*Давид КУГУЛЬТИНОВ,
народный поэт Калмыкии*

ЕЁ ПОЭЗИЯ МУДРА

С Давидом Кугультиновым

Поэзия Танзили Зумакуловой – удивительное явление в нашей многонациональной литературе. Ее никак не назовешь женской. И, уж тем более, Танзилю не назовешь просто поэтессой...

Поэзия ее, прежде всего, мудра.

Но одновременно она и нежна, и лирична, и тут есть чему поучиться у нее нам, мужчинам.

Стихи Танзили Зумакуловой давно перешагнули грани-

цы Кабардино-Балкарии и границы балкарского языка. Я свидетель того, как воспринимаются они разными людьми в Нуреке и на Ярославщине, в Подмосковье и на Рязанщине, я слышал ее стихи во Вьетнаме и Болгарии, в Чехословакии и Польше, в ГДР и Австрии, в Канаде и на Кипре.

Такой славы наверняка захотел бы любой поэт.

Но Танзиля – человек поразительной скромности и высокой требовательности, житейской простоты и спокойного мужества.

Такой я знаю ее сегодня. Такой знал и вчера, и позавчера.

Я счастлив, что многие стихи в переводах на русский этого великолепного поэта открыл читателям наш журнал «Дружба народов», что я причастен к этому яркому открытию.

У Танзили Зумакуловой есть, пожалуй, все, что нужно настоящему поэту, большой талант, вечная молодость и опыт жизни.

Что же пожелать ей на будущее?

Пусть все эти прекрасные качества никогда не покидают ее.

Ну, а мы, ее читатели и почитатели, будем всегда с радостью ждать ее новых стихов и новых открытий, которые они несут.

*ЗУЛЬФИЯ,
народный поэт Узбекистана*

ТАЛАНТ В ДАННОМ СЛУЧАЕ БЕССПОРЕН

Не каждому поэту удается говорить с читателем, как с самым близким другом, зная, что тебя поймут, что тебе поверят. И дело здесь не столько в читательском восприятии, сколько в таланте самого поэта. Причем в данном случае талант – понятие очень емкое. Это – и чисто поэтические данные, и высокая гражданственность, и умение чувствовать дыхание времени, и огромная любовь к тому, о чем пишешь, и многое-многое другое. Если все это есть у поэта, то его смело можно причислить к выдающимся литераторам. К ним, на мой взгляд, принадлежит и поэтесса Танзиля Зумакулова, верная дочь Кабардино-Балкарии, зрелый, сложившийся и мощный талант.

Стихи Танзили Зумакуловой никогда не спутаешь с произведениями других авторов. У нее свой, индивидуальный, очень своеобразный почерк, отработанный мастерством, огромным жизненным опытом, глубоким проникновением в жизнь, в душу народа. Именно отсюда черпает она темы, образы, наблюдения. Черпает, а потом пропускает все через собственное сердце, через свою душу. Вот почему так взволнованно и проникновенно звучит ее стих, которому всегда чужды холодность, черствость, высокопарность, всегда идущие от пассивности души и разума. О чем бы ни писала Танзиля, всюду видишь, в первую очередь, умное, щедрое сердце самой поэтессы. Пишет ли она о прошлом, заглядывает ли в будущее – все ею самой выстрадано, пережито. Отсюда – неподдельная искренность, полное отсутствие малейшей фальши. Это тем более ценно, что стихи Танзили Зумакуловой, наряду с глубокой лиричностью, отличает высокая гражданственность. Просто, емко, честно пишет она о своем крае, где родилась, выросла, с которым навсегда связала свою судьбу. И каждое четверостишие – словно один из эпизодов жизни Кабардино-Балкарии, один из моментов жизни ее народа. Стих ее очень ярок, но не в погоне за украшательством, а благодаря страстному желанию говорить с читателем голосом народа. И Зумакуловой это вполне удается. Отсюда – мудрость ее слова, глубина содержания, оптимизм, национальный колорит, сочетание национального и интернационального.

Талант в данном случае бесспорен. Но он, на мой взгляд (я знакома с поэтессой), подкреплен еще замечательными человеческими качествами самой Зумакуловой и, прежде всего, честностью во всем, в том числе и в творчестве.

Все это делает ее стихи доступными многим народам и народностям, выводит их за границы Кабардино-Балкарии, к многомиллионному читателю всей нашей страны.

«ОТ НЕМОТЫ К РОЖДЕНЬЮ МОНОЛОГА...»

У Танзили Зумакуловой есть стихотворение, стоящее у входа во все ее сборники и в ее поэзию вообще

*В краю балкарцев, где снега и скалы
От века молчаливы и тихи,
До моего рожденья не бывало,
Чтоб сочиняли женщины стихи...*

Это всего лишь номинальная истина, и далее поэтесса поясняет это:

*Так говорят, но я не верю в это.
Я знаю о не знаемых никем
Создательницах песен непропетых,
Баллад неизреченных и поэм.*

В народной лирике балкарцев наиболее активно было именно женское творчество. Неудовлетворенность любовного чувства, долго скрываемого от близких и друзей в тесноте сердца, вырывается в девичьих песнях то вздохом, то упреком, то криком или заклинанием.

Единственно возможным действием против косности быта и сознания людей становится акт творчества – излияние своего личного в песне, идущей к людям. Действие, освобождающее и поднимающее над немотой и бесправием.

Вот так же осознает свой взлет в поэзию и Танзила Зумакулова – не от литературных предтеч (у балкарцев не было письменной литературы до Октября), не от волнующей и привычной близости общей мировой культуры, а из молчания.

Молчание – это название сборника, это – одна из главных лирических тем. Женщина, по обычаю, подавляющая крик на похоронах своего ребенка и застывшая в жесте безмолвного горя (стихотворение «Мать-земля»); девушка, которая идет замуж за немилого, и глаза ее под свадебным покрывалом застлал туман... Эти раскаленные реликвии невысказанного чувства снова и снова потрясают душу поэтессы, сообщая ей непрерывную энергию взрыва. Отсюда – эта безудержная горячая радость нарушения запрета:

«Не в силах себя неволить, я всласть говорю сейчас, о сестры, не оттого ли, что в радости я и боли гораздо слабее вас?»

Поэтессе, для которой молчание ее предшественниц было не только следствием запрета и ограничения, но и «молчанием во славу гор», но и

мудростью в противовес суете и многословию, нужно было переступить и внутренний запрет.

Решимость нарушить молчание творчеством судьба подарила поэтессе, сочетающую в себе трепет первооткрывателя и почти старческую мудрость, воспринятую от народного опыта, характер труженицы и раскованность служительницы муз, интонации плакальщицы и вакханки, слитые в ее стихах воедино, как в народных песнях.

«Нежно и ответственно» обживает она молчащее пространство стиха звуком собственного голоса, не мир, стесненный узким полем воображения, а большой и широкий мир, воссоздаваемый из молчания предков.

Целесообразность, основательность, лаконизм характерны для постройки и убранства горского жилища. Эти же качества идеальны при постройке поэмы, размышляет поэтесса в предисловии к «Антивоенной поэме». Поэма – дом о четырех стенах, с добротной признанностью частей, с необходимой утварью: «Со всеми четырьмя углами, с покрашенными потолками, с обитым жестью сундуком, и даже с белой постелью, и со скамейкой под окном, с ребенком в узкой колыбели...».

Материальный мир в ее стихах – это мир притчи, с его укрупненностью главных частей и строгостью, граненой мыслью и плотно ложащимся в стихи опытом души.

Период ученичества проходит в творчестве Танзили за гранью видимости, – так здесь личное сразу находит себя в существенном для всех, мысль находит себя в чувстве и, в целом, поэтическом кредо – в мастерстве словесного воплощения. Объяснить это можно тем, что судьбой ее таланта распорядилось само Время. Первой из женщин войдя в балкарскую поэзию, она воплотила в себе судьбы и поэзию трех поколений женщин-поэтесс, так или иначе представленных в других братских литературах. Поэтесс-просветительниц 30-х гг., поэтесс военного и послевоенного призыва и поэтесс – наших современниц, поскольку она долго еще условно числилась в «молодых».

Это помогло преодолеть ей период ученичества практически мгновенно – бунт взорванного молчания, необходимый и давший возможность открыть свой собственный мир. Осознание своего места в поэзии, ранее не заполненного никем, простор первооткрытия и первосказанности и породили столь полный эпический и, одновременно, лирический состав ее поэзии. Ей оказались подвластны многие формы стиха, классического и современного. Четверостишия, ограненные мыслью и опытом души, в то же время сохраняющие свежесть и непринужденность только что изреченного в беседе слова, соседствуют с сюжетной балладой, элегией, гротескно-сатирическая поэма с лиро-эпической, где рядом – история и судьба человеческая.

Если бы Танзиля не знала грамоты, она стала бы ашугом – так естественно и легко ее творческое «включение» в жизнь.

Стих ее часто смотрится афоризмом ручной отделки, примером тому – едва ли не каждое произведение:

*Иной из нас не потому, что сыт,
Свой скудный хлеб голодным предлагает,
И мать не от бессонницы не спит
И люльку полуночную качает.*

Традиционная для восточного и народного горского стиха структурность (кольцевое и ступенчатое развитие образа, прием оппозиции, разлагающий бытие на части в стремлении к сложному единству) становится в стихах Зумакуловой языком ее современного мышления.

Обычная метафора становится метаморфозой, в которой расплываются границы природного и человеческого.

*Та гора – как женщина с вязаньем,
Та – как старец, что сосет чилим.
Горы принимают очертанья
Тех, кто любит их и сам любим...*

Природа для поэтессы – «не град пресветлый» и не стихия, а арена действия сегодняшних сил зла и добра, понятия меры и разумности здесь человечески определены. Солнце счастливо тем, что служит травинке («Ни век, ни вечность»), яблоня по-человечески грустит о старости и, преодолевая это чувство, предает себя топорю.

Многие стихи Зумакуловой отталкиваются от готовой народной мудрости, а поэмы, дистанцируясь с привычными литературными канонами, строятся так, будто поэтесса на виду у читателя проявляет тайнопись своего народа.

Ее поэмы «Изгнанник», «Чужбина» и «Антивоенная поэма» являются достижением не только балкарской поэзии, но и достижением жанра вообще, так как современной поэме редко удастся столь органически слить масштаб воображения и выражения, сохранить чистоту лирики, не принизив при этом свойств эпоса. Совершенная естественность, как бы первичность лирического чувства, строит поэзное повествование. Поэмы Танзили в равной мере опираются на национальный опыт рассказывания и на изменившийся опыт современного человека в восприятии войны. В такой поэме нет линейного непрерывного сюжета, словно векторальное время уступает место метроному, сдвигающему с места синхронность действия и переживания. Неподвижное (явления природы, предметы) обретает голос, мифологическое участвует в самом процессе осмысления. Голос автора то погружается в зону молчания, уступая голосам персонажей, которые произвольно монтируются поэтессой, то приближается к нам из прошлого, то снова возвращается в былое.

Голос Ведущего, видящего героев сквозь время и судьбу, и есть то проникающее лирическое начало, которое озвучивает действия и переживания героев. Он бессилён вмешаться в событие, но зато у него – голос, которого лишены герои, обращенные к нам только своей трудной и прекрасной судьбой. И поэтому так проникновенно лирическое вмешательство Ведущего, могущего шепнуть в минуту затишья слова надежды и веры, или поддержать на крутой тропе перевала, или покачать ребенка в люльке, когда у матери недостает рук, или предупредить страстным заклинанием:

*Вот раздался с дороги
Скрип солдатских сапог...
Упади ему в ноги, запыленный порог!*

Что такое ее поэзия в общем поэтическом хоре сегодня? Эпика или лирика, натура или автопортрет, исповедь или проповедь?

И все-таки это – лирика, способная вместить в себя все эти составляющие. Ибо инструментом лирического познания, по признанию самой поэтессы, является сердце, инструментом старомодным, но единственно безукоризненным, исключаяющим всякую фальшь. Арнаудов пишет о «той бессознательности, интуитивности поэзии», проявляющейся в «тканевых образах», в которых присутствует «элемент психомоторного, иннервационного перевоплощения», провоцирующей эмоциональное переживание.

Вот эта сильная эмоциональная вибрация лирического переживания становится цементирующим, структурирующим началом, способным растворять в ткани стиха как данные фольклором готовые однокомпонентные структуры (рапсодические коды, аффектно-эмоциональные структуры), так и классические трехкомпонентные структуры (первичный объект – ассоциативная связь – вторичный объект) в органическом единстве неповторимо индивидуального переживания. Рапсодические коды (языческого плача, молитвы, заклинания) становятся, благодаря способности поэтессы к «психомоторному перевоплощению», индивидуально-поэтическими, и мифологизация поэтического сознания подчинена структурности современного поэзного мышления. В поэмах «Мольба», «Беспокойная земля», «Антivoенная поэма» Т. Зумакулова ищет адекватности космическим масштабам грозящей атомной катастрофы, тотальному мифу войны в нерасчлененном еще тотемическом сознании, в языческом мифе. Женское начало, причастное к рождению, созиданию всего живого, демиургическое в самой своей сути, ассоциируется у нее с Землей. В ступенчатом построении реализуется модель природных взаимоотношений, где в космическом действе участвуют и говорят природные субстанции, ранее неподвижные, но сдвинутые мощной волной самодвижения природы – Реки, Деревья, Поля, Ветер, Солнце,

в космической мольбе-плаче участвуют и сущности духовные: Шаиры и Могилы, противостоящие стихии. Все кричит в предчувствии нависшей тотальной угрозы, все говорит о себе, в рамках своей природной пластики, артистически воспроизведенной, ибо именно женское начало способно вобрать в себя все эти природные и духовные ипостаси на правах причастности и ответственности.

Понимание поэзии как демиургической сущности, предшествующей миру (вспомним библейское «В начале мира было слово» или экзистенциалистское «Поэзия – Дом Бытия»), идущей не от осознанных философских определений, а от автономного поэтического открытия, дающегося поэту каждый раз заново, сходно у Танзили Зумакуловой и у поэтесс, казалось бы, разных с ней поэтических школ – Беллы Ахмадулиной и Юнны Мориц.

«Совпадение» нравственных максим природы и заветов предков не случайно, это становится возможным благодаря вмешательству третьего компонента – творческой личности, избирающей в природе нужные соответствия. Это придает исходным нравственным истинам убедительность природного бытия. Такая «двойная проверка» душевного опыта вовлекает и читателя в процесс осуществления художественной мысли, доставляя ему эстетическую радость сотворчества.

*Что, ветер, стих ты, будто бы залег?
Перед собой не вижу я преграды!
Что ты умолк, текущий с гор поток?
Нет на пути камней и перепадов!*

Стихи эти, подтверждая сказанное о развитии образа-мысли, раскрывают многое и в лирическом характере. Ткань бытия в поэзии Зумакуловой состоит из постоянного чередования горя и радости, испытаний и надежд, и требует от героини ее лирики упругой, жизненной силы. Только преодоление проявляет свойства явлений, дает им плоть.

Об этом – многие ее стихи.

Преодоление и вторжение, ломающие условности и устоявшиеся связи – слов, привычек, представлений.

Может, впервые в балкарской поэзии так крупно является на суд читателю непосредственный опыт души, чувство, не отстраненное, а поданное крупным планом.

Объяснить это можно особенностью этого чуткого дарования – очень современным ощущением своего читателя, большой потребностью отразиться в людях, живущих рядом.

И, возвращаясь снова к «работе сердцем», – о познании. Поистине, оно для Т. Зумакуловой, – как сказали древние, – не «сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь».

Ведь для поэтессы жить – значит писать, а писать – значит любить, любить – значит страдать. Формула не новая и давно нашедшая свое поэтическое выражение: «Страдай, страдай, чтобы для всех // Твои стихи звучали» (Зебуниссо, таджикская поэтесса XVIII века).

Эту высокую жертвенность – творческую и гражданскую – унаследовала Танзиля у традиции. Познание по законам любви, когда выбор уже сделан и отступать поздно:

*Кирке себя подставит камень гор,
Сама чинара встанет под топор,
И мотылек спасти себя не сможет,
Вокруг свечи свершая свой полет.*

Мотив самосожжения мотылька, влюбленного в свечу, как образ вечного стремления к идеалу, естественно входит и в ее поэзию, как образ стремления к познанию.

Познание поэтессы движется как бы по кругам чувства, переживаемого во всей его полноте, а не вертикально, ценой смерти чувства, уложенного затем в один из ровных ящичков мнимого знания. В его огне сгорает поэтесса, чтобы возродиться в новом чувстве – начале нового постижения. Каждая утрата, как и каждая радость, имеет свое неповторимое лицо, и поэтесса хочет получить все сполна.

*Как мне знать, что думал он тогда, –
Может, верил в доброту теченья
Человек, шептавший в миг паденья:
«Пусть несет, несет меня вода...»*

Страх нелюбви как смерти жизни и творчества выражен с присущей ей страстностью в стихотворении «Меня жалеть не надо»:

*...Вот если строже стану и ровней
И ревновать тебя не стану к ней,
И боль пройдет... Тогда меня жалей!
Ну а пока меня жалеть не надо!*

Уподобляя «движение, совершаемое в стихе», движению чувства любви, Роберт Фрост пишет: «...Настоящее стихотворение открывает само себя по мере того, как оно складывается, и узнает, что самое лучшее ждет его впереди, на последнем отрезке, когда мудрость сольется с печалью».

Не этой ли природы и стихи Зумакуловой, если они так нетерпимы ко всему чужеродному для поэзии: ко лжи, скуке, пустоте, суесловию... – всему, что нарушило бы движение стиха?

В последнее время, словно следуя закону экономии творческих сил, поэтесса от автопортрета все чаще обращается вовне себя, к натуре.

Голоса человеческого общежития – посвящения друзьям, жанровые картинки и портреты (соседки, моющие лестницу, горец-каменотес, гардеробщик, у которого она, как Элиза у Бетховена, берет заветную тетрадь)...

Совершенствуется в работе душа, в обыденном укрепляя мускулы красоты, и добра, и боли... Но подключенность к коду большой поэзии, к коду времени 70–80-х гг. по-прежнему определяет главный круг тем. Как можно сформулировать стержневую тему поэзии 70–80-х гг.?

Культура и цивилизация, универсальное и национальное сознание, судьба родного языка как формы жизни, отторжение человека от бытия и попытка вернуться к «корням».

«Верните нам нашу смерть!» – читаем мы в стихах грузинского поэта новейшего поколения Бесика Харанаули. Это – протест против тотальной смерти, по сравнению с которой нормальная «патриархальная» смерть – это форма жизни. Весь этот новейший словарь органичен для словаря Т. Зумакуловой, спонтанно и взаимосвязано существует в ней.

Тема антивоенная вообще органична для горской поэзии по антологическим и эстетическим ее корням, ибо преданность земле, своему языку, этической традиции жгуче актуализировалась сейчас и звучит в контексте общечеловеческих проблем как отрицание универсализации сознания, отчуждения, конформизма. «Мама и нейтронная бомба» Е. Евтушенко, «Мольба» Т. Зумакуловой – в таких семантических обозначениях национальное поэтическое сознание противостоит цивилизованному одичанию, поэзии холода, энтропии. «Космический плач» и «бунт» природы против поджигателей войны в поэме Т. Зумакуловой «Беспокойная земля» – эти приемы уходят корнями в мифологию, но звучат у поэтессы очень современно, художественно «снимая» эффект нейтронной бомбы. Не меньшее в масштабе ее лирики бедствие для человека сегодня – потеря своей Родины, как потеря своего «я», потеря права умереть на родной земле, даже если на весах – обретение личной свободы («Назым Хикмет»), смерть языка в бесталанном переводе. Так же нарушится мировой порядок, так же «сойдут с ума стихии».

Критики всерьез говорят сейчас о том, что феномен лирики становится все более редкостным, что он даже нуждается в защите от окружающей среды, в «экологических нишах», чтобы спрятаться, чтобы выжить. Лирика Танзили Зумакуловой опровергает это утверждение.

Александр ПРЯЖНИКОВ,
поэт, переводчик

СОБСТВЕННОЕ ИМЯ

Вместо эпиграфа

В наше время найдется немного поэтов, имеющих право повторить
вслед за великой Анной Ахматовой:

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

Танзиля Мустафаевна Зумакулова была со своим народом всегда. Даже год ее рождения по странному совпадению определил не только жизнь балкарцев, но и дальнейшее развитие Приэльбрусья. Во время экспедиции 1934 года молодой геолог из Новочеркасска Вера Флерова открыла месторождение вольфрамомолибденовых руд в ущелье реки Баксан. Когда Танзиле исполнилось три года, началось строительство первых комбинатов. Десятилетним ребенком вместе со своим народом она отправилась в сталинскую ссылку. Вместе со своим народом вернулась домой через тринадцать лет взрослой девушкой и сложившимся талантливым поэтом, только рабочий поселок Нижний Баксан за эти годы превратился в город Тырныауз.

Потом пришла слава, успех, награды, звания. Но ничто так и не смогло разлучить ее ни с любимыми горами, ни с любимыми соплеменниками.

*Стихи слагали стихотворцы
О высях гор, но ни один
Не знал, насколько выше горцы
Своих подоблачных вершин.*

Ниспосланная свыше

На мой взгляд, в искусстве существует два вида успеха. В первом случае явлению героя предшествует невероятно долгое перечисление чинов, орденов, медалей и прочего, а слушатель, зритель, читатель мучается, будучи не в состоянии вспомнить, что же такого значимого создал на своем веку титулованный мастер.

Во втором случае стоит произнести одно лишь имя, и память мгновенно выдает:

*Я говорю горе: – Гора!
Ты тоже не стоишь без дела.*

*От зла земного и добра
Твоя вершина поседела.*

Здесь, у подножия гор, имя человека набирается силой куда быстрее и надежнее, чем среди лесов и болот среднерусской равнины. В служении литературному слову есть нечто апостольское, что не раз доказала история. Основоположником балкарской литературы был Кязим Мечиев. Его последователем и преемником стал Кайсын Кулиев. Потом в литературу пришла Танзиля Зумакулова, вокруг которой сегодня сформировался ближний круг молодых стихотворцев. Традиционно, говоря о поэтах такого ранга, называют одни лишь имена: Кязим, Кайсын, Танзиля... И все понимают, о ком идет речь.

На протяжении веков мудрые люди вырабатывали наиболее верную систему мер и весов, при помощи которой можно определить значение отдельно взятого человека. Отбросив все лишнее, они, в конце концов, оставили имя.

Это не просто мудро, но и справедливо. Империи рушатся и хоронят под своими обломками, казавшиеся вечными, табели о рангах. Ордена и титулы, вызывавшие зависть и почтение сверстников, оставляют равнодушными правнуков и внуков, поскольку те родились под другим солнцем и другими звездами. Короткий век гонимых и премий определяет ненасытная и неугомонная жизнь. Исчезают академии и творческие союзы, и только имя остается навсегда.

*Во сне и наяву твержу, как заклинанье:
«Пусть ранее тебя умрет твоя Танзи!»
А ты, о том узнав, опять произнеси:
«Танзи, «Танзи», «Танзи», – как в первое свиданье.*

На Кавказе поэт не просто стихотворец. Он еще просветитель, учитель и хранитель вербального наследия нации.

Общее количество балкарцев, живущих на свете, не превышает численности населения заштатного российского городка. В двадцатом веке преступная власть, охраняемая многомиллионной армией, объявила их вне закона. Но они не просто выжили. Они сохранили свой язык, не в пример многим другим народам. Так случилось, на мой взгляд, в силу двух основных причин. В балкарских семьях настоящий культ детей. Маленький ребенок в центре внимания большой семьи, и лишь только он впервые осмысленно оглядывается по сторонам, взрослые начинают говорить с ним по-балкарски. Потом на помощь родителям, дядьям, братьям и сестрам приходят ниспосланные свыше учителя, просветители, стихотворцы.

*Пусть бураном, пусть метелью
Нас зима пугает зло.*

*Над твою колыбелью
Я склонилась, мне тепло.*

*За окном собака лает,
Не стихает вьюги вой.
Ничего нас не пугает:
Я склонилась над тобой.*

Так вместе с первой колыбельной маленький человек запоминает Имя, а потом, смешно надувая щеки, выговаривает заветное «Танзи», еще не подозревая о том, что носительница имени на всю жизнь останется проводницей в царство родного языка. Что может быть выше и прекрасней этого?

Я – одна сестра у семерых...

Так начинается знаменитое стихотворение «Братья мои».

Очевидная уникальность подобной семьи не могла не отразиться как на характере, так и на творчестве поэта. Тот, кто впервые читает стихи Танзили, обязательно обратит внимание, сколько неженской силы и *творческого мужества* вложено в каждую строку. Об этом качестве стоит поговорить особо. Я бы определил его как способность человека соответствовать своему таланту. Увы, человек, состоящий из плоти и крови, слаб, подвержен сомнениям и соблазнам, отсутствие творческого мужества слишком часто губит художника, приводя одного в психиатрическую лечебницу, другого – в наркологический диспансер, а третьего – в петлю. Увы, если перечислить имена современников нашей героини, сломавшихся под грузом своего дара, получится еще одна объемистая статья. Но разве можно быть слабой, если ты выросла рядом с семью братьями, и семь сердец влились в твое сердце. Противостоять и бороться, бороться и противостоять – вот естественная сущность сестры, должной быть примером для младших. Это едва ли не главная тема поэзии Танзили Зумакуловой.

*Я помню, дерево стояло,
Теря листья на ветру,
Над ним стихия бушевала,
И молния, как нож, взрезала
Его корявую кору.*

*Но, упершись корнями в землю,
Над осыпавшейся горой,
Громам разгневанным не внемля,
Стояло дерево-герой...*

Для полноты восприятия нужно хоть немного представлять себе природу Балкарии, ее суровую повседневность. В горах человеческая жизнь зависит от тысячи случайностей. Ни с того ни с сего налетевший буран, камень, сорвавшийся с уступа, или предательски подтаявший мартовский снег могут облачить в траур огромную семью. И тот, что отправляется на охоту, за дровами или в соседний аул, никогда не знает точно, вернется ли он назад.

Стихия страшна: она разрушает, но она же созидает, она отнимает, но, отнимая, дарит бесценный опыт, учит мудрости, а чуткий шаир получает от нее удивительные, бессмертные образы.

*Когда река в своем пределе
Течет, размеренно-строга,
Она тогда и в самом деле
Оберегает берега.*

Поэт, обретая мудрость от стихии, делится ею со своими слушателями. А мудрость состоит в том, что в вечном противостоянии слепой и бездумной силе, человеческому злу и просто жизненным обстоятельствам, можно проиграть, но даже поражение не будет напрасным. Старая бесплодная яблоня, падая под топором, отдает людям последнее, что у нее есть, – тепло. Навсегда исчезает весенний снег, чтобы напитать траву своей влагой. Больно бьет ветер, но от этой боли рождается песня. Даже в одном из самых страшных стихотворений «Рожденный на один день», обреченный ребенок учит нас ценить каждое мгновение земной жизни.

И, конечно, своеобразным творческим манифестом звучит стихотворение «Цветок»:

*Цветок, растущий над расщелиной,
Пробившийся между камней,
Он жизни не знал размеренной,
Безоблачных, спокойных дней.
Его трепали ветры горные,
Палил его полдневный зной,
Но рос он с цепкостью упорною
И вот – сияет белизной.*

Восемью строками Танзиле удалось описать всю историю собственного народа: не всегда веселую и радужную, но, безусловно, достойную уважения.

Горной речки журчала речь...

Незадолго до своей гибели Лермонтов писал Раевскому: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе...» Какой именно язык поэт выбрал для из-

учения, теперь сказать трудно. К сожалению, даже лучшие из сынов навсегда исчезнувшей империи не утруждали себя изучением этнического разнообразия на завоеванных землях. К тому же, славяне, проживая бок о бок с представителями огромного тюркоязычного мира, перенимая у них привычки, полезные умения, слова, даже кровно породнившись с ними, использовали слово «татарин», поскольку другого из-за нелюбопытства, о котором говорил Пушкин, не знали. А этот мир заявлял о себе повсюду. Поднимал свои минареты посреди лесов и болот, формировал топонимику огромных регионов, украшал бархатные книги фамилиями Юсуповых, Ахматовых, Муратовых и прочих.

Древней и мощной была и остается тюркоязычная литература. Произведения Низами, Навои, Насими, Физули известны всякому мало-мальски образованному человеку. Надо же было такому случиться, что изящную словесность, доступную десяткам миллионов людей, живущих в разных уголках земного шара, столь щедро обогатил стотысячный народ, расселившийся всего-навсего в пяти ущельях Северного Кавказа. И уж одним только чудом можно объяснить появление в ряду прославленных стихотворцев Женщины.

*В краю балкарцев, где снега и скалы
От века молчаливы и тихи,
До моего рожденья не бывало,
Чтоб сочиняли женщины стихи.
Так говорят, но я не верю в это,
Я знаю о неизвестных никем
Создательницах песен не пропетых,
Баллад неизреченных и поэм.*

Однако легенды легендами, но если мы говорим о литературе тюрков, то, исследуя прошлое, сможем отыскать не так уж много женских имен, самое известное из которых – Надира – жена Умар-хана, правителя Коканда.

Как известно, путь в Среднюю Азию балкарцы проложили не по собственной воле, но именно там юная Танзиля опубликовала свои первые стихи в 1954 году, когда после смерти диктатора бесправные получили право хотя бы на дыхание.

Мне много раз приходилось встречаться и беседовать с людьми, пережившими гражданскую казнь, шельмование и депортацию, разными чувствами полнились их речи, но ни разу я не слышал худого слова о земле, давшей им пристанище на долгие годы.

*Киргизия, земля моя,
Ты приняла меня, как дочку.
Здесь первый сноп связала я
И первую сложила строчку.*

*Тебя я славлю всю, как есть,
От имени юнцов и старцев,
От имени рожденных здесь
И погребенных здесь балкарцев.*

Возможность пожить среди народа, одарившего человечество великим сокровищем «Манаса», – удача для молодого поэта, если, конечно, слово «удача» уместно в контексте разговора о насильственной высылке. Однако без борьбы с непреодолимыми обстоятельствами, без умения жить вопреки всему, поэта Танзили Зумакуловой, возможно, не было бы на свете.

Риску предположить, что на Востоке слово талантливой балкарки обрело редкое ныне свойство, именуемое лапидарностью. Ее строки просятся быть увековеченными в камне, и любой камень почтет подобное за честь.

*Если нет тебя в доме, и дома – нет,
Свет зажгли... Для меня не зажегся свет.*

Тюркоязычные поэты Северного Кавказа находятся в более выгодном положении, чем адыги или вайнахи, хотя бы потому, что, покидая пределы национальных республик, имеют возможность читать свои произведения в оригинале. Людей поверхностных и банальных завистников это заставляет думать, что международное признание как-то связано с происхождением. Увы. Для получения пропуска в единую мировую литературу национальность не важна. Важно только Имя.

Трудности перевода

О представителях народов, связанных единым языковым и культурным пространством, сказано достаточно. О корифеях, полиглотях, узких специалистах и знатоках беспокоиться не стоит вовсе – их знания подобны универсальной отмычке, позволяющей открыть любую дверь. Как быть тем, кто даже свой «великий и могучий» знает на школьную «троечку», но, несмотря на это, любит поэзию и хочет ее читать. Как донести всю эту мудрость и музыку через условные границы национальных барьеров. Тут как раз являются терпеливые, мало кому известные и бессловесные труженики, которых Жуковский называл рабами, Пушкин – лошадьми, а циничный Набоков и вовсе ослами.

Из всех видов литературной деятельности труд переводчика – самый тяжелый. Тот, кто пытается идти по стопам Святого Иеронима – покровителя всех толмачей, должен обладать недюжинным поэтическим даром, интуицией, эрудицией и музыкальным слухом. Но это еще не все. Переводчику необходимо отречься от себя, раствориться в творческой сущности автора, натянуть колки своих собственных струн так,

как того требует оригинал. И за все титанические усилия безропотный ясырь удостоивается упоминания о себе мелким шрифтом в конце публикации. Таковы неписанные законы профессии. В противном случае получается халтура.

Танзиле повезло. Ее переводили великие Наум Гребнев, Юлия Нейман, Римма Казакова. С ними она творила, дружила, поскольку без душевного сродства между автором оригинала и переводчиком ничего путного получиться не может. С ними рука об руку она навсегда вошла в Антологию современной поэзии народов России:

*Ты говорил, что я – твоя душа,
Быть неизменно вместе заклиная...
Как без души живешь, душа родная?
Неужто жизнь, как прежде, хороша?!*

Но, к сожалению, подобное случалось не всегда. Не слишком наделенные талантом, зато напористые и сребролюбивые торгаши от литературы воспринимали и продолжают воспринимать искусство перевода как некую предпринимательскую деятельность, где авторская строчка обозначает, в первую очередь, денежный знак того или иного достоинства. Подобное отношение больно ранит настоящего художника. Знаменитый американский поэт Роберт Фрост однажды горько пошутил: «Poetry is what dies in translation» (Поэзия – то, что гибнет в переводе).

Танзиля Зумакулова написала на эту тему очень горькое и очень честное стихотворение «Разговор с переводчиком», а у Юлии Нейман хватило мужества так же честно это стихотворение перевести:

*Я взорвалась: – Когда ты так бескрыл,
Зачем же ты творенье это тронул?! –
А он в ответ: – В него я перелил
Всю кровь мою... Я – донор! Да, я – донор!
Я думала: давно в могиле спит
Создатель этой светлой сказки-были,
Иначе зарыдал бы он навзрыд,
Увидев, что с ней нынче натворили.
Он, может быть, в могилу лег бы вновь,
В своих стихах дурную видя кровь!..*

Как это ни грустно, но никаких маркеров, при помощи которых можно определить качество крови творца, не существует, поэтому проблемы литературного перевода останутся нерешенными, и наши потомки, спустя сто и двести лет, будут искать ответы на те же самые вопросы, на которые пытаемся ответить мы, если, конечно, сохранится поэзия. Вот как раз для того, чтобы поэзия пережила нас, переводить необходимо.

P.S. Перечитывая стихи Танзили Зумакуловой, я в который раз убедился, что сомнения и тревоги терзают самого большого мастера:

*Да, спят они. Конечно, крепко спят...
Те, что наперебой мне руку жали,
Все-все мои стихи хваля подряд...
(А вспомнят завтра хоть строку?.. Едва ли!)*

Вспомнят, уважаемая Танзиля Мустафаевна, обязательно вспомнят. И завтра, и послезавтра, и через много лет. Я не знаю, будут ли среди них крикуны, рвущиеся к трибунам на юбилейных вечерах, чтобы всем напомнить о своей значимости. Но Ваши верные читатели и почитатели, безмолвные, потому что им хватило мудрости молчать, как Вы сами о том писали, Ваших стихов не забудут никогда, поскольку у этих людей самая крепкая память.

***

*Фатима УЗДЕНОВА,
кандидат филологических наук*

ОБРАЗНЫЙ ПОЛИМОРФИЗМ ТАНЗИЛИ ЗУМАКУЛОВОЙ

Как правило, исследователи творчества Танзили Мустафаевны Зумакуловой сходятся во мнении об особой реформаторской черте мышления поэтессы – её стремлении к кардинальному аксиологическому переосмыслению устойчивых для балкарской поэзии универсалий и пересмотру базовых образов, определяющих характер эстетической рефлексии в этническом виде. Эта мысль звучит в работах практически всех учёных, обращавшихся к текстам балкарской поэтессы. Некоторые видят неповторимость и новационность поэзии Зумакуловой в самом факте появления на Северном Кавказе автора-женщины. Это наиболее простое объяснение открытости переживаний, рельефной гендерной атрибутики и тенденций к реабилитации акцентированного эмоционального отражения мира. Другие, продолжая эту линию осмысления творчества поэтессы, отмечают системное тяготение к «взлому» традиционных представлений, выражающееся на всех уровнях текста, вплоть до образного. И, действительно, одним из её сквозных символов, так сказать, устойчивых знаков индивидуального стиля является визуальная картина цветка, расколовшего камень.

Трактовать этот зумакуловский образ иначе, как оппозиционный общеэтническому культурному мему, столь хорошо знакомому нам по творчеству К. Кулиева, по всей видимости, невозможно. В ряде исследовательских работ прямо указывается, что эволюционная роль по-

этессы – именно в кардинальной ломке и переделке сформировавшегося в произведениях авторов старшего поколения образного фонда, в его новой эмоциональной и философской интерпретации.

Оспорить данное утверждение невозможно – Танзиля Зумакулова действительно выступила и продолжает оставаться автором, чьё творчество оказывает сильнейшее трансформирующее влияние на все порядки национального поэтического опыта. Часто её трактовки не просто вносят изменения в существующую семантику художественных представлений, но радикально меняют эстетическую оценку поэтического объекта, его функцию в пределах национального художественного мышления. Дискуссионным представляется другой момент – коль скоро речь идёт об авторском вмешательстве в устойчивую словесную традицию – насколько пространны интервенции поэтессы, наблюдаем ли мы её влияние на наработки старшего поколения собратьев по перу, или же мы имеем нечто большее, чем эволюционное антитетическое наслоение на разработанные первым поколением авторов форманты текста? Вопрос не праздный, ибо его решение определяет место Зумакуловой в истории национальной и всей северокавказской литературы – использование стабильной образности предшественников в пределах разработанных ими фондов и системная интеграция в несколько векторов развития балкарского поэтического слова – вещи разные. В первом случае мы имеем частный вариант уже сформировавшегося опыта – некое продолжение национальных практик художественного слова с неким новым гендерным оттенком; во втором – автономное и самодостаточное явление, открывающее нам совершенно незнакомую область эстетического осмысления мира – феномен, известный во всём мире как «женская» лирика. Не желая развязывать дискуссий по поводу семантики последнего оборота и его систематизационной состоятельности, укажем лишь на то, что женское авторство в физическом смысле совершенно не гарантирует содержания текста, типологически отличающегося от творения мужчины.

И в этой связи мы посчитали возможным обратиться к известному творению Т. Зумакуловой – небольшой поэме «Анам от жагъада от жагъа» («Мама моя у очага разжигает огонь»). Первое же прочтение убеждает нас в том, что в рамках изначального замысла поэтессы произведение должно было тесно увязываться с историей выселения балкарского народа, с тринадцатью годами жизни на чужбине. Во всяком случае, деление текста на тринадцать частей – по количеству лет депортации – говорит в пользу этого предположения. Но в итоге прямому описанию депортации и жизни на чужбине посвящены всего две части поэмы.

Даже в них авторское внимание обращено не на перипетии коллективных переживаний, а на непосредственное окружение автора. Погружённость Зумакуловой в собственные субъективные ощущения и воспоминания – постоянная, стабильно пренебрегающая «граждан-

скими» и идеологическими ожиданиями, неизбежными в произведении подобного рода – свидетельствует о принадлежности «Анам от жагда от жагъа» к особой разновидности поэмого жанра, отдельно никогда не описывавшейся, но, тем не менее, очевидно выделяющейся в ряду крупноформатной поэзии – поэма-исповедь, поэма, резюмирующая определенный этап жизни своего творца.

Тексты подобного рода, как правило, отмечены рефлексивной полифонией, их образный и выразительный инструментарий являет максимально широкий набор авторских навыков и умений, демонстрирует все, или почти все, особенности индивидуального лирического нарратива. И вот здесь мы сталкиваемся с удивительным явлением превращения диапазона механизмов художественного отражения Танзили Зумакуловой над комплексом аналогичных средств, бытующих в национальной поэзии – даже в творчестве выдающихся её представителей.

Как рудименты и реликты, быть может, даже регрессивные, в тексте присутствует значительное число варваризмов идеологического наполнения, что было свойственно всем младописьменным системам. Как мы помним, образная система соцреализма предполагала использование маркеров идеологического толка в качестве ключевых, ударных образов, однако у Зумакуловой их использование имело вид органического, суггестивно значимого переживания с ярко выраженным саспенс-эффектом. Последний достигался разными способами – это могло быть сопряжение с изначально «высокими» понятиями, в живой речи народа употреблявшимися в качестве особых терминов исключительно «духовного» качества:

...К власти и партии

Состояние-отношение (его) чисто, незамутнено... – в данном случае употребление слова «ниет», реализованного в балкарском языке лишь в понятийных смыслах и имеющего ярко выраженный оттенок позитивной духовности, нивелирует рациональность и чужеродность «власти» и «партии», выводит последние на уровень исконной отвлечённой концептуалистики этноса. И «власть» и «партия» в данном контексте ощущаются органическим продолжением ряда абстрактных, но исконно национальных терминов, что, естественно, обеспечивает им и достаточный ассоциативный шлейф и художественную убедительность.

Ещё более показательный пример «естественного» использования идеологических объектов:

...Перестань таскать (ему) еду,

Время этого (таких действий) ушло.

А если не так – положишь

На этот стол партбилет... – трудно сегодня судить, насколько сензитивно полноценным был такой объект, как партбилет для национального читателя. Однако Зумакулова обыгрывает не его «вещность»

и материальную, физическую значимость. Партбилет не мог восприниматься в качестве простого объекта в ощущениях автора и читателя. Поэтесса использует культурный жест, ставший устойчивым реальным воплощением идеологического действия и приобретшего в СССР статус социально-значимого события, закреплённого в идиоматике языка – «Партбилет на стол!». Конкретно в данном эпизоде мы можем говорить, что освоенность варваризмов и идеологических мемов у Зумакуловой была настолько высока, что она использовала их для коррекции эмотивного содержания образов бытового, обыденного плана.

Естественно, поэтическая ткань её стиха насыщена и узнаваемыми сенсорными представлениями, уже к 60-м годам прошлого века ставшими отличительной чертой всей балкарской поэзии. Однако и здесь Зумакулова идёт дальше своих предшественников и учителей – в поисках суггестивной достоверности она прибегает к средствам, которые до неё не использовались в силу негласных табу на прямое описание некоторых сцен и переживаний:

*...Скрутив (болью) живот матери,
Готовая к боли (почувствовать боль),
Я задёргалась – резко зашевелилась, причинила боль,*

Торопясь в этот мир... – следует заметить, что такой откровенности в представлении физиологических моментов балкарская поэзия не знает и по сей день. Но Зумакулова явно не озабочена визуальной и сенсорной наполненностью своей поэтической речи. Этническая языковая конкретика присутствует в её стихе совершенно естественно, независимо от желания поэтессы, ибо она стремится не к сензитивному отражению, столь экзотичному и выигрышному в контексте понятийной традиции соцреализма, а к точному воспроизведению ситуаций. И только в границах этой точности она видит смысл в использовании чувственного представления, что, в свою очередь, обуславливает преимущество картин, построенных не на визуальных, тактильных и прочих внешних реакций, а основанных на непосредственных ощущениях субъекта:

*...Мама, расчесав мне волосы,
Заплетает мне косички,
А на огне – именно для меня
Варится вкусная еда...*

Таково же отношение Зумакуловой к фольклорным источникам. Её не притягивают точные апелляции к народной словесности, к традиционным образам и вообще к объёмам информации вербального характера. Танзиля устремлена к воспроизведению национального мира, национального мировосприятия, а посему этнические включения в её текстах имеют вид бытийного этнического контента:

*...Мой большой палец
Бабушка согнула вверх.
Говорит: «Будешь ты
Искусной, очень талантливой.
У того, чей палец (так) сгинается,
Рука бывает умелой-мастеровитой...*

– крайне редкая в балкарской поэзии апелляция к народной культуре невербальных представлений, причём в текстах Зумакуловой обращения подобного рода имеют регулярный, стилеобразующий характер, являя её истинное отношение к народной поэтической традиции. Сверхзадачей поэтессы, очевидно, можно считать не столько этнический характер текста, сколько воссоздание этнической бытийности, фиксацию национальной вселенной в её целостности, понимаемой автором, как, прежде всего, совокупность морально-этических ситуаций в их экстремальных и повседневных локациях.

Совершенно неожиданными конструктами поэмы смотрятся буддийские мотивы, связанные с идеями множественности жизней человека, с кармическим переселением душ, их земных воплощений. Это часть концептуологии поэмы не дана Зумакуловой в парадигмально полном виде, однако в целом идеи индийской философии присутствуют в тексте абсолютно неоспоримо и вполне узнаваемо:

*...В те времена я,
Не знаю, где находилась-оставалась?
Не в состоянии прийти в этот мир,
Много ли веков я страдала?..
...Не ждал меня никто,
Проходили года и века,
И воды, которые я должна была пить,
Утекли-ушли в моря...*

Можно полагать, что постулаты индийских воззрений перекочевали в поэзию балкарской поэтессы не напрямую из аутентичных священных текстов – хотя универсализм Зумакуловой, культурная вариабельность её мышления вполне позволяет высказать и обосновать и такую версию, – а через некие посреднические цивилизационные зоны. Думается, что для балкарки, чье образование и общий эрудиционный уровень сверх обязательных норм для гражданина СССР базировались на информационных этнических ресурсах, такой зоной мог стать суфизм. В истории народа было несколько деятелей движения, по крайней мере, один из них – Сулемен Чабдаров – по всей видимости, достиг в иерархии суфизма высшей точки, став шейхом. И версия об опосредованном проникновении идеологии буддизма в представления Зумакуловой подтверждается самим текстом поэмы.

Во всяком случае, второй фрагмент «Анам от жагъада от жагъа» чётко ассоциируется с восточными арузными практиками. Связь с по-

следними настолько явна, что, вполне вероятно, мы имеем возможность рассматривать данный отрывок, как сознательную стилизацию. Таковая выглядела бы вполне логичной в свете предшествующих суфийских апеллятивов, но, главное – бесспорный бейтовый характер стиха, подкрепленный если и не классическими формами арузной тропики, то, по крайней мере, единицами, весьма напоминающими последние:

*...Так (сильно) скручивая живот своей матери,
Заставляя думать-верить, что если она (ребёнок)
откроет глаза, придёт счастье,*

Родилась утром красивая девочка,

Не зная, что мне, глупой, будет матерью... – в оригинале оборот «мне, глупой», синтаксически локализован таким образом, что вполне может быть классифицирован, как традиционная восточная ссылка на автора – тахаллус. Кроме этого полустигия зумакуловских бейтов имеют дополнительную цезуру, смещённую к началу строки, и сама регулярность такой ритмической схемы, не являясь доказательством арузного строения текста, однозначно говорит о вполне целенаправленном формировании рисунка стихотворения. А вообще, надо отметить, что большинство обращений к себе, или упоминаний о себе в дистанцированном виде, – прерогатива восточного поэтического опыта, и в балкарской поэзии, после перехода её в режим ускоренного развития, они практически не встречаются, хотя вполне обычны в текстах Д.-Х. Шаваева и К. Мечиева, т.е. тех авторов, опыт которых непосредственно связан с арабским, точнее, восточным стихосложением.

Суфизм, концепты и образы, связанные с его философией, арузные конструкты, эволюционное качество единиц фольклорной и советской формации – всё это уже делало спектр рефлексивного инструментария Зумакуловой явлением особым, по многообразию своих генерационных истоков выделяющимся в общем потоке национальной и региональной поэзии. Однако полиморфизм её образного мышления не исчерпывался даже этим исключительным реестром. Её обращения к семантике священных текстов также абсолютно уникальны.

Балкарская поэтесса одной из первых ввела в практику, точнее, легитимизировала в новой национальной литературе ассоциативность Корана. В рассматриваемой поэме мы несколько раз сталкиваемся с обращениями к Аллаху, в большинстве своём – неакцентированных, выступающих в роли событийного форманта:

(...Вот, в день, особенно отмеченный (возлюбленный) Аллахом... – или:

...Аллах не даёт сестры...

В этом нет ничего необычного, хотя даже в последние годы существования Советского Союза проявления исламской самоидентификации государством воспринимались весьма болезненно. Однако само

качество и статус религиозных апеллятивов, выступающих в стихе Зумакуловой, совершенно свободно и органично сочетающихся с различными структурами любого происхождения, говорят о сущностной специфической черте мышления поэтессы – о её свободе трактовки возможного и невозможного, о свободе понимания красивого и прекрасного. Образный генерационный универсализм Танзили – следствие её инстинктивного (но и вполне осознанного) стремления к отрицанию любых ограничений. Гуманистический ресурс её самосознания требует лояльного отношения ко всем проявлениям человеческого начала в его освященных культурой формах, и этот внутренний посыл Зумакуловой никак не ориентирован на нормы и стандарты регионального вида. Личность поэтессы реализована в мире, не имеющем культурных барьеров, и это неизбежно сказалось на характере селективности её образного мышления. Определяющим параметром отбора семантики её выразительных структур было общечеловеческое понимание прекрасного, базировавшееся на цивилизационных моделях самого различного происхождения. Лишь Зумакулова может соединить в одном эмоционально-оценочном послы антагонистические по своей изначальной природе художественные феномены, и сделать это так, что, казалось бы, неизбежное напряжение между ними полностью нивелировано её аксиологической мобильностью:

...Я в долгу, я в долгу

Перед большим (необъятным) Аллахом, перед страной... – напомним, что в этих строках, речь априори идёт о социалистическом государстве, весьма жёстком к исламской культуре. Однако поэтический мир Зумакуловой в части его мусульманской составляющей – это, прежде всего, не сами религиозные стандарты и схемы реакций на окружающее, а ценностные гуманистические основы веры. Поэтому неудивительно, что идеологическое и даже партийное в её текстах инкорпорировано в конфессионально маркированное поле представлений. Религия в понимании поэтессы – комплексная духовная парадигма, отмеченная милосердным и спокойным отношением к личности, нечто, дающее надежду и помощь. В такой трактовке конкретика той или иной веры отступает на второй план, и вполне логичными воспринимаются скрытые адресации автора и к буддизму, и к христианскому Священному Писанию. Относительно последнего – мы не встретим в творчестве балкарской поэтессы прямых связей, цитат и мемов христианского происхождения. Но её абсолютно толерантное отношение к ним, как к кодексам духовности, демонстрируется латентными обращениями к этической нормативике Библии:

...Нет здесь нечистой еды-пищи,

Здесь питаются трудом своих рук... – считаем нужным упомянуть, что ни один скотоводческий народ не имеет архаичных идеоматически

оформленных оценок ручного труда. Это естественно вытекает из жизнеобеспечивающих систем воспроизводства пастушеских народов и в крайних вариантах может приобретать вид строгих запретов на работу на земле – как, например, у монголов. Высокая, превосходящая оценка ручного труда, возведение его в степень главной добродетели человека в фольклорных текстах скотоводческих народов отсутствует. Балкарцы, естественно, находятся в этом смысле, в особом положении, и, тем не менее, понимание ручного труда, как эстетически значимого процесса, по всей видимости, должно признать благоприобретённым явлением. Ссылка же Зумакуловой на слова из Ветхого Завета – «В поте лица твоего будешь есть хлеб» – вполне узнаваема.

Подводя краткий итог сказанному, мы можем констатировать, что балкарская поэзия к концу своего советского периода развития основывалась на трёх основных этиологических основаниях. Это национальный фольклор, идеология и эстетика социалистического реализма и, главное, стихия родного языка и образности, отмеченная метафоричностью и сензитивной конкретностью даже в обыденной повседневной речи. Опыт и традиции восточного стихосложения, столь чётко отслеживаемые в текстах К. Мечиева и Д.-Х. Шаваева, в советский период развития не получили. Кроме этого балкарские поэты использовали фольклор в его сугубо «литературном», словесном виде.

Индивидуальный же стиль Танзили Зумакуловой имеет более широкий фундамент. Помимо перечисленных элементов – при расширенном понимании и ощущении этнической культурной традиции, подразумевавшими использование фольклорных формант невербального вида – она вполне органична в арузной поэтике, коранической и православной идеоматике, концептологии суфизма и буддизма. Типологическое многообразие её образных структур вполне согласующееся с многовалентной эмотивностью поэтессы, берёт своё начало именно в свободе культурных предпочтений, в лояльном и естественном восприятии контента различных цивилизационных пространств. Возвращаясь к отмеченному во многих исследованиях стремлению Зумакуловой к «расшатыванию» и демонтажу сложившихся этнических мемов, к её излюбленному приёму изменения устойчивой ценностной семантики традиционных образов – её попросту не интересует прочность и стабильность камня, её интересует цветок, раскалывающий этот камень. И мы констатируем, что это не протестная, феминистическая декларация женщины-поэтессы, живущей и творящей в патерналистской среде, не отрицание привычных смыслов и их культурного статуса. Это эволюционное наращение и дальнейшее их развитие, гарантированное и инициированное уникальной широтой мировоззренческих позиций автора.

Письма и телеграммы из архива «ЛКБ»

Дорогая Танзиля Мустафаевна!

Каждый день вспоминаем Вас. Днем – работа, а вечер проводим с Вашими стихами.

...Вчера, 17 августа, по Кабульскому телевидению встретились и с Вашей семьей, мамой, земляками и Кавказскими горами. Договорился с самым крупным поэтом о переводе Ваших стихов на дари и пушту. Всегда с теплотой вспоминаю наши встречи и не тороплюсь закончить чтение Вашего сборника стихов. Не хочу расставаться с умным, красивым человеком.

Мир Вашему дому.

Беспокойства Вашему сердцу.

*Виктор Поляничко
Кабул, Афганистан*

***

Дорогая Танзиля, гордимся твоим успехом, местом в советской литературе. Ты самая талантливая из горских поэтов, представляющих наш Кавказ всему советскому народу, читающим людям мира. Желаем прекрасной дочери кавказских народов еще больших творческих успехов, здоровья, счастья, радостей жизни. Обнимаем.

*Керашев, Машибаш, Тлюстен, Костанов, Ашинов
Майкоп*

***

Дорогая, очаровательная Танзиля!

Вашу книгу читаю, перечитываю. Ваша поэзия меня потрясла. Удивительно, такая чарующая женская красота, такое человеческое обаяние, такой высокий талант, такое красивое имя – Танзиля – все дано одному человеку, женщине. Расул прав, называя Вас «чудесным созданием природы». Вы чудесное создание, дар природы, который очаровывает людей, вселяя в их сердца счастье, тепло, свет, как солнце, и, как солнце, оставаясь на высоте.

Жду новой встречи с Вашими мужественными стихами и с Вами.

С любовью и наилучшими пожеланиями

*Ваш Мирзо Турсун-заде
Душанбе*

***

Глубокоуважаемая Танзиля Зумакулова!

Сердечно благодарю Вас за «Избранное» с дарственной надписью. Радуюсь и горжусь Вашей книгой, время от времени читаю ее, восхи-

щаюсь Вашим талантом, нахожу и узнаю в Ваших стихах творящую, чудную, любящую душу – песня созвучна ее глубине. Я никогда не был в Ваших краях и землю Вашу, Ваш народ знаю лишь по книгам. Как хорошо, что в стихах Ваших живет Ваша небольшая великая Родина. Спасибо Вам, что помогаете нам, Вашим читателям, узнать и полюбить ее. В этом я вижу основную миссию поэта, и Ваша книга, мне кажется, подтверждает это.

Кланяюсь Вам и Вашим близким. Высокого вдохновения Вам, глубокоуважаемая Танзиля Зумакулова, – на радость Вашим читателям. В их числе – и мне.

*Юстинас Марцинкявичюс
Вильнюс*

***

Дорогая Танзиля!

Пишу из Монголии. Меня здесь встретили очень хорошо. Пью кумыс, на все смотрю с большим интересом, делаю записи. Кроме прочего, решил написать тебе, потому что мне было очень приятно, приехав в МНР, узнать, что монгольские поэты и любители поэзии знают тебя. И они стали меня спрашивать о тебе. Даже читали моё интервью в «Литературной газете». Спрашивали о книге «Дым очага», читали все твои вещи, которые печатались в центральной прессе. Все это им очень нравится. Очень жалею, что не взял с собой хотя бы десяток экземпляров «Дыма очага».

Думаю, что у Вас все хорошо.

Желаю тебе вдохновения и радостей. Обнимаю. До свидания.

*Ваш старый Кайсын
Улан-Батор*

***

Дорогая Танзиля!

С гордостью и волнением поздравляю тебя с выходом замечательного однотомника, это явление не рядовое и для тебя, и для твоей родной литературы. Спасибо, что ты удостоила меня таким подарком. Мне о твоём творчестве хочется сказать: ты выросла на моих глазах. Очень хочу, чтобы у тебя было все хорошо.

*Мустай Карим
Уфа*

***

Милая Танзиля!

Вы сегодня самая высокая гора в нашей феминистской поэзии, Вы – настоящий человек и настоящая женщина – вот за это я Вас люблю и уважаю.

Желаю Вам глубокого поэтического вдохновения и просто человеческого счастья.

По-братски целую Вас. Всегда Ваш

*Эдуардас Межелайтис
Вильнюс*

***

Милая Танзиля!

От души поздравляю Вас с прекрасной книгой стихов в «Современнике». Книга, право, отличная, и я с наслаждением прочитал ее. К слову, журнал «Дружба народов» выдвигает ее на Республиканскую премию имени М. Горького.

Очень хотел бы видеть экземпляры Вашей книги для себя и для подшефных журнала «ДН» нурекчан. Буду ждать. Всех-всех Вам благ!

*Всегда Ваш С. Баруздин
Москва*

***

Саид ЧАХКИЕВ

ТАНЗИЛЯ

А в Балкарии – что за погода! –
Благодатная зреет земля.
И под звуки волшебных мелодий
Слышу имя твоё – Танзиля.

Ты у гор, у высоких и снежных,
Все приемлешь, но только не ложь.
Ты среди женщин, и мудрых, и нежных,
Самой мудрой и нежной слывешь.

Испытала ты беды и горе
Был жесток и коварен твой враг.
Но ты знала, что ждут тебя горы,
Герхожан, где твой дом и очаг.

И ты шла, возрождаясь из пепла,
О спасенье народа моля,
Ты в невзгодах мужала и крепла,
Танзиля, Танзиля. Танзиля.

***

Владимир ПОРТНОВ

Как хорошо тебя в горах назвали.
Не кони ли, копытами звеня,
Из камня искры звонко высекали,
И камни отзывались: Тан-зи-ля...

Цвела земля, трезвонили цикады.
И ландыш, обновлению внемля,
Жемчужной капелькой прохлады
Прозванивал тихонько: Тан-зи-ля...

***

Аскер ДОДУЕВ

ТАНЗИЛЯ

В созвездии Большой Медведицы семь верных братьев неспроста,
И мне ночной порою верится, что ты – Полярная Звезда.
И только счастье пусть опорой тебе послужит на пути,
В тот день, когда туман рассеется, открыв небесные врата.

Я знаю: ангелу подобная, ты не слуга земным царям,
А помыслы твои бездонные под стать неведомым морям.
В груди не сердце – солнце носишь ты, и эта ноша тяжела,
Но свет твой сквозь стекло оконное погожим утром лется к нам.

И правда, чистотою полная, струится горным родником.
И под ее живыми волнами я стану легким лепестком.
Стихи твои цветами выросли на дикой, каменной скале,
Пленяя музыкую новою и совершенным языком.

Ты в дни народного смятения одна поешь на голоса,
И этот плач, и это пение летит азаном в небеса.
Ты забрала себе до капельки всю нашу верную любовь,
Взамен на радость пробуждения и на прозревшие глаза.

Перевод с балкарского А. Пряжникова

ТАНЗИЛЯ ЗУМАКУЛОВА – ПОЭТ, СОГРЕВАЮЩИЙ СЕРДЦЕ

Танзиля Зумукулова известна нам, как Сапфо балкарской поэзии. Когда мы с Каншаубием Мизиевым стали переводить стихи Танзили, я был безмерно рад тому, что могу познакомить турецких читателей с ее прекрасной поэзией. Я полюбил творчество Зумакуловой, ибо она умеет говорить с читателем искренно и доверительно, от всего своего доброго и щедрого сердца. В ее поэзии глубоко раскрываются такие вечные темы, как любовь, одиночество и смерть.

Танзиля испытала немало трудностей – голод, холод и моральные унижения, связанные с репрессиями сталинского режима. Да и стихи Танзили были опубликованы лишь после окончания ссылки и снятия обвинений против малочисленного, но гордого и талантливого балкарского народа.

Стихи Зумакуловой пришлось по душе читателям, она стала любимой и почитаемой не только на своей малой родине – Балкарии – но и во всем Советском Союзе. Они переведены на многие иностранные языки. Признанием заслуг Поэта явилось присуждение Зумакуловой Государственных премий Российской Федерации, Кабардино-Балкарской республики, присвоение ей званий Народного Поэта Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Республики Чувашия. Будучи народным депутатом СССР, она занимала активную жизненную позицию, участвовала в защите прав женщин, в демократических преобразованиях в стране, сохранении мира и национального согласия, дружбы и братства между народами. Танзиля в составе делегаций писателей СССР посетила многие страны, в том числе и Турцию. На торжествах, организованных министерством культуры Турции и Фондом Ахмеда Ясеви и посвященных памяти Кайсына Кулиева, выступление Танзили и ее стихи были встречены очень тепло.

Поэма Зумакуловой, посвященная Назиму Хикмету, опубликованная на балкарском языке в Нальчике и на русском языке в Москве, свидетельствует о том, что Назима Хикмета, нашего турецкого поэта и общественного деятеля, почитают за пределами нашей страны. В знак нашего уважения к творчеству Танзили мы и издаем книгу ее стихов и поэм на турецком языке.

*Анъл Меричелли,
турецкий поэт и общественный деятель*

***

В ее стихах живет добрый человек, признательный, благородный и умный. Нравственный исток поэзии Танзили Зумакуловой в народе, и оттого он надежен, и оттого мы можем говорить о далекой перспектив-

ности того, что привносит Танзиля Зумакулова в поэзию Кабардино-Балкарии и в современную поэзию в целом.

*Инна Кашежева
Москва*

ТАНЗИЛЯ-АЙНАЛАЙЫН

Я с большим удовольствием читаю стихи Танзили Зумакуловой. В них я слышу, улавливаю, чувствую, помимо пульса сегодняшнего дня, мелодии песен наших древних предков. Каждый поэт, пишущий на одном из тюркских языков, конечно же, если он по-настоящему талантлив, обогащая нашу советскую литературу, становится достоянием всех тюркоязычных народов нашей необъятной страны.

Такие писатели и поэты, как Мухтар Ауэзов, Чингиз Айтматов, Кайсын Кулиев, Мустай Карим, очень много сделали для развития и становления многонациональной советской литературы и всех литератур на тюркском языке.

Сегодня я с большой радостью хочу сказать, что и Ваше имя в этом ряду, Танзиля-айналайын.

*Олжас Сулейменов
Казахстан*

***

Счастлив и обрадован тем, что на Кавказе живет такая прекрасная, великая поэтесса, как Танзиля Зумакулова. Очень рад тому, что мне довелось с нею познакомиться.

Она сама похожа на старинные, но вечно молодые фрески Константинополя, на строки подлинно народной, бессмертной песни.

*Энвер Эржан,
турецкий поэт, издатель*

***

Танзиля – действительно выдающийся поэт, гордость родной литературы, замечательный мастер советской поэзии.

Кто знает ее творчество так, как я, иначе не может его оценить. В моих словах нет тени преувеличения или снисходительного отношения. Я не могу иначе подходить к творчеству этой действительно высокоодаренной женщины.

Кайсын Кулиев

***

Дорогая Танзиля, твоя поэзия стала белой вершиной, откуда обозреваются пройденные пути, среди которых есть дальние, магистральные, полевые и крутые, горные и степные, и все они отмечены большими

творческими свершениями на радость твоего народа, твоих многочисленных друзей и нашей общей с тобой яркой литературы.

Алим Кешоков

***

У Танзили самое драгоценное украшение – это ее поэзия, в основе которой глубокая мысль, щедрость души и любовь ко всему прекрасному. Я всегда уважал Танзилю, любил ее поэзию и высоко ценил. Как поэту творческое бессмертие ей обеспечено.

Расул Гамзатов

С Чингизом Айтматовым

***

Я знаю Танзилю как одного из видных тюркоязычных поэтов мира. У нас в Средней Азии звезда первой величины среди женщин – Зульфия. Для Кавказа такой звездой является балкарская поэтесса Танзиля.

Чингиз Айтматов

***

Я знаю этого горского соловья много лет, но лучшее в Танзиле остается неизменным: ее человеческая красота, распахнутость души навстречу людям, ее желание активно сострадать их бедам и будить своим творчеством в душах лучшие струны, поднимаясь над суетой и устремляясь в светлые выси.

Сергей Михалков

***

В стихах Танзили Зумакуловой нет ни слезливого уныния, ни фальшивого бодрячества. Удивительные стихи – тонкие, пронзительные. Уметь чувствовать так может только талант высокого благородства...

Давид Кугультинов

***

Творчество Танзили Зумакуловой – это уровень поэзии Александра Твардовского, Расула Гамзатова, Мустая Карима и Михаила Исаковского, Эдуардаса Межелайтиса и Ярослава Смелякова, Павло Тычины и Петруся Бровки, Давида Кугультинова и Кайсына Кулиева, Юстинаса Марцинкявичюса и Миколы Бажана, Алима Кешокова, Зульфии и всех прекрасных поэтов, составляющих ныне гордость нашей, а значит, и мировой литературы.

Сергей Баруздин

***

У Танзили Зумакуловой умное сердце, где присутствуют и высокая радость, и высокая боль.

Назар Наджми

***

Танзиля – крупнейший поэт современности, символ кавказской женщины.

Саид Чахкиев

В кругу друзей

***

Танзиля Зумакулова – проникновенный, тонкий лирик, обладающий волнующей достоверностью чувства и высотой мысли.

Николай Доризо

***

Я думаю, что Танзиля Зумакулова – это думающий и нежный поэт. Она умеет своим словом проникнуть в сердце человека.

Лев Ошанин

Дни Кабардино-Балкарии в Москве

Адам Мухамедович Гутов – член Союза писателей России с 1991 года. Доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором адыгского фольклора Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (КБИГИ), литературовед, критик, прозаик, публицист.

Он родился 24 июля 1944 г. в с. Аушигер. В 1969 г. получил диплом Кабардино-Балкарского госуниверситета им. Х. М. Бербекова по специальности «Русский язык и литература». В 1974 г. окончил целевую аспирантуру Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР по специальности «Фольклористика». С 1975 г. и по сей день работает в КБИГИ. Прошёл путь от лаборанта до заведующего отделом, в настоящее время является заведующим сектором адыгского фольклора.

Адам Мухамедович внёс свою лепту во ВСЕ исследовательские проекты, посвящённые адыгскому фольклору за последние сорок лет. Вклад его в адыгское литературоведение и фольклористику переоценить трудно, скорее всего – невозможно. Он опубликовал более 250 литературных, научных, научно-популярных, публицистических работ, в том числе 175 научных и научно-популярных. Издал 5 монографий, 2 сборника литературоведческих и литературно-критических работ, учебное пособие, сборник новелл, учебник, хрестоматию по кабардино-черкесской литературе; был членом редколлегии и автором нескольких разделов «Адыгской энциклопедии». При подготовке издания «История кабардино-черкесской литературы» Адам Гутов выступил как создатель самого проекта, руководитель рабочего коллектива учёных и непосредственный автор нескольких глав исследования.

Как уже говорилось, без его активного участия не обошлось ни одно из изданий адыгского фольклора. В подавляющем большинстве таких Адам Гутов является соавтором-составителем. Он – научный редактор изданий народных текстов, сборников произведений представителей адыгского просветительства, автор вступительных статей к сочинениям Алима Кешокова, Аскерби Шортанова, Заура Налоева, других деятелей адыгской литературы и культуры, антологии «Кабардинская поэзия: XX век» и других.

Впервые в истории адыгской фольклористики Адам Мухамедович сформулировал значительную часть специфических этнообозначенных характеристик национальной словесности, выяснил эволюционные параметральные черты различных стадий развития устного народного творчества. Подход Адама Гутова к интерпретации устных текстов в координатах современных методологических, терминологических и аналитических норм, фактически, являет собой подъём адыгской науки

о народном творчестве и адыговедении, в целом, на новый уровень научной достоверности и аргументационной состоятельности.

Кроме всего прочего, Адам Гутов зарекомендовал себя как тонкий и высокопрофессиональный прозаик, поэт, литературный критик и публицист. Его чуткость к вопросам социального плана, к проблемам этнического характера, виртуозное владение словом и интонацией не раз продемонстрировано в многочисленных рассказах, стихах, журнальных и газетных статьях, запомнившихся читателям своим неоспоримым мастерством в подаче сути и формы описываемого. Он и в этой части своего творчества остаётся верным себе, своему природному универсализму, и одинаково хорошо пишет как на кабардино-черкесском, так и на русском языках.

Адам ГУТОВ

ЕМУК

Рассказ

Помнится, сидели мы в кабинете моего коллеги по службе и, что нечасто случалось на работе, увлеченно вели восточные разговоры. Мы сотрудники научного учреждения, но Заурби, мой собеседник, еще и известный писатель, к тому же он старше меня лет на пятнадцать, поэтому больше говорил он, а я, соблюдая этикет, наслаждался его рассказами, тем более, что рассказчик он был необыкновенный. Между другими темами разговор зашел и о нашем языке, который под напором всемогущей глобализации все сужает и сужает сферу своего употребления. Однако разговор у нас шел не просто о его мрачном будущем, а еще и о том, что в жизни иногда случаются курьезы: вдруг, где-нибудь вдали от родных мест, когда такого и ожидать нельзя, негаданно встречается носитель твоего редкого языка. А то прямо в центре Москвы или Питера, среди людского моря, вдруг тебя окликнет по имени твой сосед из далекого селения. Да, случалось и такое, чего только не бывает в этом мире.

Тут Заур вспомнил, как много лет назад, в одной из командировок в Москву, случай свел его в гостиничном номере с одним пожилым человеком, ветераном войны, на что указывала внушительная орденская планка на груди. Гостиничные знакомства происходили в советские времена легко, и, как обычно случалось в те времена, в урочный час они не пошли в ресторан, а скромно сели вместе перекусить тем, что перед отъездом жены положили им в чемоданы. А поскольку к минеральной водичке и пирожкам, которыми снабдила заботливая супруга, принято было украдкой от нее брать еще нечто, более располагающее к откровенным разговорам, случайное знакомство вскорости окрепло чуть ли не до обращения на «ты».

***

Сосед оказался человеком открытым и словоохотливым, – рассказывал Заурби, – из тех типично русских людей, с которыми и стеснения не ощущаешь, но и панибратства себе не позволишь. Что совсем естественно, после того, как мы успели заполовинить содержимое известных емкостей, а к тому времени уже поведать друг другу о роде своих занятий и цели своего приезда в столицу, в определенный момент он меня спросил:

– Ты говоришь, что с Кавказа, но это же, как у вас говорят, гора языков. Какой же ты национальности?

– Я адыг. Кабардинец.

Услышав это, он как-то встрепенулся, прищурил один глаз и неожиданно заявил:

– Нет, ты не кабардинец!

– Почему это я не кабардинец? – удивился я.

– А потому что если ты и вправду кабардинец, ты мне объяснишь значение слова «емук».

Я усмехнулся: надо же, сам уральский, а вот где-то услышал единственное кабардинское слово, причем трудное для перевода, и решил надо мной посмеяться. Кто бы его этому ни научил, он не на того напал, я ведь худо-бедно, филолог. Тоже мне нашелся – знаток языков. Однако попробовал деликатно объяснить:

– Видите ли, это из таких случаев, когда на другой язык одним словом не перевести. Нет в русском языке абсолютно точного соответствия. Кто вам его сказал? Наверное, мои земляки и по Уралу гуляют, или вы сами бывали в наших краях?

– Это неважно, – как бы отмахнулся собеседник. – А ты мне все же растолкуй, что оно означает, ну хотя бы своими словами.

– Приблизительно оно значит что-то вроде того: «неприлично», «некрасиво», «неудобно». Сделать емук – значит совершить что-то не очень достойное, не делающее чести, опозориться, может быть. Этим словом оценивают поведение человека.

– Вот-вот, – прервал меня мой новый знакомый, – поведение человека. Это совсем близко к тому, как он говорил. Только вместо русского языка у него был какой-то винегрет. Я его почти не понимал. Одно слово только и запомнил.

– Кто это «он»?

Сосед немного помолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли размышляя о том, стоит ли доверяться почти незнакомому человеку. Он зачем-то вышел в ванную, вернулся, немного потоптался в тесном номере, наконец, будто решившись, начал рассказывать.

– Было такое. Под Сталинградом. «Емук» – это был его принцип. Я ему говорил: «Пригнись, браток, стреляют!», а он на это отвечал:

«Емук». Не мог он склоняться под пулями, гордость, видишь ли, ему не позволяла. И, что интересно, не брала его пуля.

Собеседник снова помолчал немного и добавил:

– До поры не брала... И повернуться спиной в сторону немцев для него было «емук», и даже небритым ходить – «емук». Как бы нам тяжело ни было, в каких мы переделках ни бывали, он считал обязательным, чтобы все у него было в полном порядке – оружие чтобы сверкало, одежда была чистой и опрятной, даже окоп на один бой он прибирал, как жильё. Притом, было это не напоказ. Просто иное – «емук». Однажды во время вылазки сильно ранило нашего старшину. Тот просил и даже приказывал оставить его, чтобы самим не погибнуть. Так он его из-под такого огня вынес – силы небесные, как они только живыми остались! Как же – оставить раненого товарища, даже тело убитого, – для него это «емук».

А когда его все же зацепило шальной пулей, он посчитал, что бегать из-за этого с передовой на перевязку, когда враг вот-вот снова в атаку пойдет, будет «ба-альшой емук». Так же было и когда к нам доставляли еду с полевой кухни, и когда надо было делить последний сухарь, и когда воды оставалось каждому по глотку. Тут он был последним. Ни в чем себе поблажки не позволял, только самое малое и самое необходимое. Остальное все – «емук»!..

Случилось это уже поздней осенью: немец с такой яростью наседавал, что видно было – не удержим позицию, сами зря погибнем и фрицам дорогу откроем, уж лучше отступить на новые позиции до подхода свежих сил. Он молча выслушал приказ, потом твердо заявил: «Наша бежать – емук». И, несмотря на приказной тон и наши уговоры, настоял, чтобы тот же самый старшина оставил его, как мы говорили «на съедение», то есть прикрывать собою отход остатков нашего взвода.

Он так и не отступил. И пока сам был жив, не пропустил фрицев. До последнего стоял. Благодаря ему мы тогда отошли боевым порядком, не погибли в суматошном отступлении. Его «емука» хватило ровно на то, чтобы мы заняли новую позицию и закрепились на ней.

На следующий день мы дождались подкрепления и уже всем фронтом пошли вперед. Тогда мы и нашли его тело. Да какое там тело – одни клочки, исколотые и пулями изрешеченные... Вокруг – опухающие немецкие трупы...

Да, бежать, наклоняться под пулями или спину врагу показать он не мог. А вот погибнуть оказалось *не емук*... Видишь, как получается. Столько лет прошло, ни имени его не помню, ни фамилии, а самого до могилы не забуду. Мне повезло: я всю войну прошел, много всякого перевидал, и вот ведь, сам удивляюсь, что живым остался. Сколько всего было, а слово его любимое и его самого запомнил на всю жизнь. И в самые тяжелые часы на войне я чаще других вспоминал именно его.

Понимаешь, он будто в том своем последнем бою в меня вселился, что ли, со своим этим принципом: «емук». «Емук» – это, по его мнению, все дурное, все недостойное человека, это все, что налипает на него, как грязь. Он потом всю войну меня оберегал своим духом. Не выжить помогал, а много выше – сохранить достоинство.

Мой собеседник немного помолчал, затянулся сигаретой, потом продолжил, будто про себя рассуждая:

– Ты, говоришь, – кабардинец. Вот он был кабардинец – это да. Потому что через его память я весь народ его уважаю. Может, вы не все такие, как он. Но точно, что он был настоящим сыном своего народа. Не знаю, как это понятнее сказать, но ведь я и сам в некоторой степени – он. Почему так говорю? А ты подумай, был бы я таким, если бы не знал его? Нет, я бы был другой, хоть немного, но другой. Не будь таких людей, мы все были бы чуть-чуть другими, похуже, чем есть.

... Вот такой я услышал рассказ. После этой беседы мы прожили в одном гостиничном номере чуть ли не целую неделю. Но как-то получилось, что не нашлось у нас времени еще так же спокойно поговорить или хотя бы обменяться адресами. Командированный в Москве себе не принадлежит, каждый бегал целый день по своим делам. Мы надеялись, что как-нибудь еще успеется и поговорить, и адреса записать. Как встретились неожиданно, так вдруг и расстались. Сейчас даже имени его не припомню. Да и сам я тогда не придавал его рассказу такого значения, которое увидел в нем позднее.

Думаю, что хранить в своей памяти такие истории из своей жизни может только чистый и благородный человек. Произошло это совсем не в светлые времена, но без вот таких историй времена были бы еще тяжелее. А быть может, и времен тех бы вовсе и не было: дела обернулись бы совсем иначе. Хотя и сама эта история лишь одна из многих тысяч подобных. И рассказал ее один из миллионов. Кто их нынче помнит, в какие документы можно занести то, что поведал мне этот человек в минуту откровения? Но ведь пронес он это через всю войну с ее отступлениями и наступлениями, боями и ранениями, множеством людей и судеб; и после нее через долгие годы пронес, считай – через всю жизнь. Поэтому от таких рассказов на душе становится чище. А еще потому истории эти светлые, что только чистый духом человек из всего, что с ним случается в этом мире, в памяти сохраняет вот такие светлые образы. Значит, он и сам такой же чистый и светлый. Плохой бы и не запомнил, давно бы забыл. А если бы и запомнил этого странного горца, то какими-нибудь нелепостями, которые легче увидеть в человеке другого языка и культуры. Что ни говори, а родственные это были души. Хотя один и был русский с Урала, другой – кабардинец с Кавказа. Теперь-то я понимаю, почему мой собеседник колебался прежде, чем рассказать

мне про «емук». Он носил это в себе, для него оно было сокровенное. И не всякому встречному мог рассказать. Я благодарен ему за то, что мне он доверился. Такая история.

***

– Это же готовый рассказ! – воскликнул я. – Тут особо ничего и придумывать не надо, почему бы Вам не использовать этот сюжет? Ведь Вы, уважаемый Заурби, сами писатель, прирожденный новеллист. Вам, как говорится, и карты в руки. Напишите!

Заурби грустно улыбнулся в усы:

– Думаешь, не пробовал – ничего не получается. В том-то все и дело, что, как ты говоришь, и добавлять от себя не надо. Не смог я сделать из этой истории ничего художественного. Вот парадокс: сюжет готовый, вроде бы сам просится на бумагу, а никак на нее не ложится. Бывает же такое. Видишь ли, в творчестве материал должен как-то сопротивляться, чтобы искра была. Или же он оказался сильнее меня. Он у меня всю фантазию забирает, не дает мне свободы самовыражения. А просто так записать услышанное, послушно идти за информацией – это разве творчество. И написать не могу, и забыть тоже не могу. Жалко терять. Да и тот мой собеседник рассказал эту историю, я думаю, не просто так, а чтобы не унести ее с собой в могилу...

***

Конечно же, его «ничего не получается» было гораздо выразительнее того, как я здесь это неумело пересказал. Но я все же решился. Дело в том, что несколько лет уже как не стало и самого Заурби. А ветераны... Наверное, уже давно нет в живых того рассказчика-уральца, который считал, что в него вселилась душа боевого товарища. И получается, что я теперь на всем свете единственный, кто знает эту историю. Получается, больше некому рассказать про то, что старый солдат с таким трепетом пронес через всю свою жизнь. А мы только суетимся и суетимся, всечасно занятые одними своими заботами.

Такая вот история. Как мог, так я ее и рассказал.

ТЕОРИЯ НЕПЕРЕВОДИМОСТИ: А ЕСТЬ ЛИ ОНА?

А не начать ли с избитой сентенции о том, что путь переводчика тернист? Пожалуй. Ведь мы с вами не синхронисты (при всем уважении и понимании повышенной сложности синхронного перевода), и наша задача – не просто дословно передать чужую речь, а перенести художественное произведение с одной культурной почвы на другую. И в определенной степени стать соавтором, постаравшись при этом не утратить эстетическую и эмоциональную ценность оригинала. А если уж очень повезет, то сохранить и стиль автора.

Так вот о терниях. Что именно может стать настоящей преградой на пути к желаемому результату (помимо отсутствия опыта и таланта)? Такая страшная вещь, как непереводаемость. В переводеведении уже не первый век бытует этот термин, и базируется он на концепции немецкого лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835). Суть теории Гумбольдта в том, что абсолютное тождество текстов оригинала и перевода практически невозможно. В письме к критику и переводчику Августу Шлегелю он категорично заявлял: «Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только труднодостижимо, но и просто невозможно».

Кстати, и А. Шлегель, которому адресовалось письмо, не просто соглашался с оппонентом, но шел дальше, приравнивая процесс перевода с поединком, в котором должен погибнуть либо автор, либо переводчик.

С течением времени у лингвистов и переводчиков категоричности поубавилось, и выражения стали мягче: главная функция перевода – коммуникативная, и отсутствие абсолютного тождества не означает невозможности передать смысл и эмоциональную окраску оригинала. Более того, появилось обратное утверждение: нет ничего непереводаемого. Любая мысль или идея может быть изложена на другом языке, пусть и с определенной долей потерь.

Итого, современное переводческое искусство берет на себя смелость утверждать, что ему по плечу любое слово и любой текст. При этом освобождает себя от обязанности дышать одним воздухом с автором под-

линника и стремиться к абсолютной идентичности с манерой и стилем оригинала. Приходится согласиться, что это практически невозможно. Если переводчику удастся сохранить определенную окраску исходного текста – это уже большая удача. Стремление к абсолютному может обернуться нелепицей, в лучшем случае – непониманием для читателя, которому, в сущности, и адресован перевод. Образцов можно привести сколько угодно. Да взять хотя бы самый известный пример: первую строфу из «Евгения Онегина»:

*Мой дядя самых честных правил:
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил.
И лучше выдумать не мог.*

Не переводил «Евгения Онегина» только ленивый, с разной степенью удачи. Роман в стихах переведен почти на 100 языков мира. Плюс малые и большие народности СССР и России – на большинство языков он уже переложен. В том числе на кабардинский и балкарский. Не берусь судить обо всех вариантах, но оба наших переводчика допустили одну и ту же ошибку. То есть фраза «он уважать себя заставил» понята дословно: мой дядя – человек, который заслуживает уважения. А ведь в данном контексте она означает не что иное, как «умер, приказал долго жить». Налицо непонимание переводчиками тонкостей чужого языка, даже если они владеют им блестяще. То есть интерпретация «темных мест» текста, когда не все мысли лежат на поверхности, на свой лад.

Вот здесь-то и зарыта собака, именуемая неперевоодимостью. Переводчики переложили устойчивое выражение с максимальной точностью – и ошиблись. Просто опустив строки классика, сославшись на отсутствие эквивалента, они бы тоже ошиблись. Есть, помимо прочих сложностей, такое понятие в переводческой науке, как реалии. Толковый переводоведческий словарь Нелюбина (рекомендую, кстати, полезно для работы) дает такой расклад реалий, не поддающихся переводу:

- ситуации, слова, выражения, которые абсолютно чужды и непонятны для носителя другого языка;
- государственное устройство, особенности быта и культуры страны;
- предметы материального порядка, присущие только этой культуре;
- особенности жизни и быта, присущие только этому народу.

И что с этим делать нам? В частности, автору статьи? Это вопрос, на который нет ответа. Мы на каждом шагу сталкиваемся с трудностями подобного рода. Речь здесь идет о попытке передать словами психологию, дух народа. Это могут быть выражения национального или религиозного характера, особенности социальной культуры, обычаев, процедур. (Про фразеологизмы вообще молчим. С ними как раз проще – часто можно найти эквиваленты или красиво перевести без утраты смысла и с со-

хранением национального колорита.) Но как быть, например, с именами собственными, с прозвищами, кличками – ведь каждое из них дается неспроста, они говорят сами за себя. Надо ли ограничиться только транскрипцией, или проявить переводческую свободу и расшифровать? Я – за второе. Например, если в адыгском тексте есть персонаж Дышэнэ – что мешает мне добавить уточнение – Златоглазая? То же касается терминологии бытового характера – домашней утвари, инструментов, кухни. К слову, не всем на русском языке понятно простейшее для нас слово «паста» – оно на разных языках может означать совершенно разные вещи. Приходим к выводу: в переводе реалии должны быть узнаваемы и понимаемы. Для этого мы используем традиционные и вполне допустимые закономерности и приемы – опущение, дополнение, компенсация и проч. Умение интерпретировать содержание оригинала на другом языке – вот высшее искусство перевода, какими бы средствами это ни достигалось. Не стоит пренебрегать и внетекстовыми ссылками и примечаниями.

Заключение. Чего нам следует избегать:

1. Давайте не пытаться в погоне за точностью перевода переносить автора на русскую почву. Необходимо сохранять национальный дух произведения.

2. Давайте не позволять себе излишнюю свободу и трактовать непереводимые вещи с искажением аутентичного смысла.

3. Давайте избегать ремеслизации перевода. Распространенная ошибка, когда переводчик полагает, будто хорошего знания языка достаточно для переложения текста на другой язык.

4. Давайте не бояться ничего. Теория непереводимости есть. Но есть и обратная теория – принципиальной переводимости всего. И то, и другое относительно. Нам приходится преодолевать множество препятствий как лингвистического, так и нелингвистического характера. Не всегда работа дает тот результат, которого ждет и автор, и сам переводчик. Абсолюта не существует. Но существует многовековой опыт коммуникации между народами и языками – перевод. Потому продолжаем работать и стремиться к совершенству.

Аскерби ШОРТАНОВ

ГОРЦЫ

Книга 4

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ¹

1

– Трудно мне приходится, имам, очень трудно. Весьма обширные земли ты мне определил, расстояния большие, народ разрозненно живет, указам подчиняться не привык. Мне бы, имам, получить одного мюрида, чтобы людей обучать, кадиев человек пять-шесть, да полсотни муртазаков, чтобы при мне были и порядок блюли... Я недавно от султана, он меня в паши возвел. Тебя же удостоили звания мушира-паши. Для тебя специально изготовлена аба с алмазным османским знаком, я слово дал, что доставлю ее и передам тебе в руки...

Эмин диктовал, расхаживая по комнате, за ним старательно, красивым почерком записывал Закрей, изредка поднимая голову и выжидающе поглядывая на Эмина. С некоторых пор приказом имама Закрей был приставлен к нему писарем. Нельзя сказать, что его это сильно огорчало, но радости тоже не доставляло. Временами он и вовсе начинал злиться: для чего Шамиль поставил его прислуживать Эмину? Чем он лучше его, разве он знает и умеет больше, или в грамоте лучше преуспел? Но слушаться воли имама Закрей не мог, и он успокаивал себя и молча делал свое дело. Потом вдруг снова закипала в нем обида: а что хорошего он видел от Эмина? Уж он-то навидался всякого за годы, что провел с ним бок о бок. Разве мог он забыть, что творилось на сожженной кошаре Умара, прозванной позже Умар-юрт? А как женщин окунали головой в поток? Много, много плохого приходит на ум Закрею, но он старается обуздать свой гнев.

– Пиши дальше, – велит Эмин. – Высокочитимый имам, благословенный султан Абдул-Меджид, солнце всех мусульман, шлет тебе свой салам, после салама он справляется о твоём драгоценном здоровье. А теперь дозволей перейти к сути моего письма. Нет сомнения, что Турция выступит против русских, не сегодня, так завтра. Мне одно не понятно. На словах туркам нет равных, они бьют себя в грудь и перевозносятся своей мощью. Но всякое их слово заканчивается одним – просьбой! Они постоянно просят нас помочь силой, людьми, оружием. Будучи в Стамбуле, я уяснил, что с турками заодно готовы выступить и англичане,

¹ Продолжение. Начало в №№ 1, 2017 г., 2, 2019 г.

и французы. А коли так, они понимают, что в одиночку с Россией не совладать. Во дворце султана к груди моей прикололи знак Меджида. Там же рассказали мне, что мне лично надлежит здесь исполнить. А надлежит мне, едва начнется война, напасть на русские укрепления на побережье, разгромить их и предать огню. Дай мне Аллах сил на это, на Него одного моя надежда. Наш светлый луноподобный имам, ты даже не представляешь, что здесь предстало перед нашими глазами. Живущие здесь не следуют единой вере, рядом с правоверными – язычники-мажусий, есть и христиане. Получается, один слушает азан, другой приносит в жертву черную курицу, третий молится на крест, четвертый и вовсе непонятной веры. Хоть и трудно нам приходится, светлейший наш имам, в душе и перед глазами держим всегда твой образ, и на тебя лишь наша надежда.

С последними словами Закрей не мог не согласиться. Перед глазами у него каждый миг, в самом деле, стоял облик Шамиля...

Поздней ночью имам призвал их к себе. После приветствия Шамиль пригласил их присесть. Закрею показалось, что имам выглядит усталым. Некоторое время он молчал, искоса, словно оценивая, поглядывая на гостей. Затем, по обыкновению прищутив левый глаз, начал тихим голосом: «Черкесы ходят ко мне чередой. Ходят со своими бедами, будто мне своих мало. Просят к ним приехать, я даже согласился было, да не смог. Вы знаете, что я один раз и в Кабарде побывал. А просят наши братья помочь установить у них такую жизнь и порядок, как у нас, то же почтение к вере, языку. Просят научить, как лучше совладать с проклятыми гяурами... Вот я и позвал вас. Ты, Закрей, там родился и вырос, тамошние порядки и хабза знаешь. Будешь помощником Эмину во всем, будешь при нем вроде писаря. Ты и сам мог бы делать то же, что Эмин, но ты там свой, а я хорошо знаю повадки горцев: «А, мы с ним мальчишками в бабки играли... А он не сын того, кто заглядывал в котел, когда весь аул вышел помогать соседу дом строить»... Так и будет. А Эмин – он там чужой, его слово будет больше значить.

Как на место прибудете, первым делом заручитесь поддержкой. С умом подходите к делу, натравливайте слабых на сильных, бедных на богатых. Но не на всех, а лишь на тех, кто против вас идет. Не делайте различий меж людьми ни по силе, ни по достатку. Одно лишь важно: кто с вами и кто против вас. Соратников себе выбирайте среди тех, кто сразу плечо подставит. Я тоже буду подмогу присылать. Более всего остерегайтесь чужаков, снующих вдоль побережья. Веры им не давайте. И людей учите никому не доверять и беречь себя. Сидя тут, я всех советов не могу дать, вы на месте все увидите своими глазами, там же и поймете, что делать». – Говоря все это, Шамиль оставался спокойным и беспристрастным. Крупные длинные пальцы его привычно перебирали четки: одна фраза – одна бусина. Лицо его оставалось непроницаемым,

однако Закрей упорно относил эту особенность имама за счет многодневной усталости...

– Пиши дальше, – голос Эмина отвлек Закрея от раздумий. – Мой имам, был я не так давно в городе Варне, где находится военачальник наших союзников. Зовут его Сент-Арно. Мы с ним о многом договорились, он крепкое слово дал, что будет помогать мне, как только я выступлю. Сошлись на том, что я буду нападать на русские укрепления по суше, а он – с моря. Общими силами должны мы взять Анапу, Суджук-кале, Геленджик. И возьмем, Милостью Аллаха. Написал?

Поверишь ли, мой имам, они мне оказывали самый теплый прием и всяческие почести. Неотлучно при мне находились три офицера – турок, инглиз и франдж. Куда я, туда и они, даже во время омовения надо мной стояли, не приседая. Если где есть хабза, так это у них...

Эмин вновь стал вышагивать по комнате, придумывая, что бы еще записать в послании имаму. А Закрей опять погрузился в свои воспоминания.

...Шамиль не мог знать доподлинно, с чем придется столкнуться его посланцам, но старался затвердить в их памяти, что им надлежит делать: «Ясная голова, зоркий глаз, а особенно – зоркое сердце должно быть у вас. Кто нас признает – те наши друзья, кто не признает – враги, и к ним никакой пощады. Без жалости забивайте им глотки свинцом и заливайте кровью! Бойтесь промахнуться – не стреляйте! Если выстрелили – назад пути не будет. Итак, Аллах вам в помощь. Завтра в путь».

Наутро они тронулись. Для такого пути нужно было иметь на руках «русские бумаги». У Закрея был дафтар, по которому он мог беспрепятственно переходить Кубань. Другое дело Эмин. Как его переправить? Закрей ломал над этим голову, а когда его что-то донимало, у него начинало чесаться ухо, которое когда-то прокусила Салимат. Вот и сейчас он так яростно скреб свое ухо, что оно покраснело, будто налилось кровью. Так и доехали до кубанской переправы. Но если уж везет, то везет. Попали они в самую суматоху, когда всем было не до них. Незадолго до этого на казачью станицу напал Берзедж с пятью сотнями всадников, а когда уходил, началась резня, и нападавшие оставили за собой много убитых. Теперь они подогнули упряжки, чтобы выкупить трупы. Закрей решил затесаться между ними. Возле стана старого вояки Турка сидела большая группа казаков, ожидая ходоков. Вот подошла первая подвода, запряженная двумя волами, которых вел на поводу Закрей.

– Сколько у тебя? – спросил дед Турок, подходя ближе.

– Пятерых везу, – ответил Закрей.

– Бедолаги, жизнь ни за что положили, – покачал головой старик, – заглядывая в подводу. – Этот совсем еще малец, и куда его понесло, ведь едва от материнной титьки оторвался... Ох уж этот Берзедж, сам

уже старик, свое пожил, так нет же, никак не уgomонится, знай народ баламутит, чума его разрази!

– Чтoб его разразило! – поддакнул Закрей. – Ни себе, ни другим покоя не дает! – Дед кивнул, почесывая за ухом у своего верного козла, который не отставал от него ни на шаг.

– Дай-ка твой пропуск. Ну-ка, Гришутка, поди сюда, читай.

Мальчoнка развернул бумагу:

– О-о, деда, тут подпись самого Раевского стоит.

– Раевского? Моего генерала? Когда это было...

Дед Турок когда-то служил в частях генерала Раевского, предводителя причерноморской армии.

– Сколько везешь, говоришь? – переспросил он.

– Пятерых, уважаемый.

Дед взял свежий прут, сделал на нем пять надрезов, затем разрезал его вдоль, одну половинку протянул Закрею, другую положил в висевший через плечо хурджин.

– Вот как жизнь-то у иных заканчивается – насечками на прутике, – сочувственно покачал он головой. – Эй, парни, подмогните!

Двое молодых казаков с готовностью вскочили, скинули одежду до исподнего и принялись подталкивать подводу. Помогли пройти глубокие места, а когда начался брод, вернулись обратно, сказав на прощание:

– Больше к нам за трупамн не приезжай!

Выбравшись из потока, подвода тяжело пошла по прибрежному илу, а потом Закрей с трудом направил волов по узкой глинистой дороге вверх по склону. Наконец пойма позади, упряжка выбралась на ровное зеленое поле. Под раскидистым деревом Закрей остановился.

– Уф, слава Аллаху, выбрались. – Он выронил поводья и обессилено опустилс на траву. Тут же зашевелился один из трупов, тот, что посередине, подвинул близлежащие тела и выкарабкался из подводы. Это был Эмин...

– Пиши дальше, – раздался голос Эмина, который хотел поскорее закончить письмо Шамилю. – Какой у тебя почерк красивый, – удивился он, заглядывая в бумагу.

– У меня-то что, видел бы ты почерк Шоры Нoгма, – отозвался Закрей.

– И где он теперь обитает?

– Нигде. Помер он.

– Да что ты! Да простит Аллах его грехи.

– Да, помер в Петербурге. У царя служил.

– Одного этого греха ему достаточно...

– Мусульманин все-таки. Да простит его Аллах.

– Пиши так: «Мой драгоценный имам, заканчиваю свое письмо большой просьбой: пришли ко мне одного мюршида, человек шесть-семь, чтоб могли муфтиями быть, муртазаков и мюридов сколько сможешь,

для меня лично, лучше дагестанцев, чтобы сразу за шашки хватались. И так, надежда наша на Аллаха Всевышнего, а потом на тебя».

Закончив диктовать, Эмин поставил на письме свою печать и свернул его трубочкой. Взял нищенский посох, выжженный изнутри, вложил в отверстие бумагу, забил дыру клином. Посох вручил бородатому горцу, одетому оборванцем.

– Голову сложи, а палку сбереги, – велел Эмин, – и доставь послание кому следует.

– Я понял, – ответил горец.

– Дай тебе Аллах легкой дороги!

Письмо к имаму отправилось в путь. Теперь Закрей мог предаваться своим воспоминаниям о том, как он привел Эмина к адыгам.

Целый месяц Эмин ходил от аула к аулу. Не осталось в Кабарде места, где он не побывал и не встретился с жителями. По ущельям пронесся слух: прибыл посланец самого Шамиля, настоящий шейх, святой, ученый человек и мужественный воитель. Хорошим имамом для нас будет. Горцы даже, как у них водится, приукрашивали слухи, даже говорили, будто Эмин – то ли сын Шамиля, то ли единокровный брат. Кто-то договорился до того, что гость этот – младший брат султана.

Эмину, что и говорить, приятны были эти толки, да и Закрей им только поддакивал. Спросят у него, правда ли, что Эмин – брат Шамиля, он подтверждал: да, брат. Скажут, что гость – младший брат самого султана, и тут Закрей согласно кивал. Так шло время, и никто Эмину не смел чинить препятствий.

Но всему приходит конец. Однажды после очередной проповеди, когда Эмин мирно устроился на намазлыке и собирался приступить к молитве, до него донесся шепот. Говорил князь Лостанбек Балатоко: «Не зря говорят: не видевший царя Аллахом его считает. Не хватало еще нам дагестанского пастуха предводителем ставить! Слухи это все, будто он султану братом доводится! Поклясться могу, что он его сроду в глаза не видел! И Шамилю он никакой не брат, тут Шамилем и не пахнет! Хватит его слушать! Жука поводырем сделаешь – он в навоз приведет! Он подбивает нас с русскими сразиться, а это нам боком выйдет!»

Эмин сошел с намазлыка, подошел к говорящему и, выхватив из голенища сапога камчу, хлестнул его по лицу. Затем так же молча вернулся на намазлык.

Изумленные горцы стояли, не в силах проронить ни слова. Они не могли поверить, что на их глазах только что отхлестали по лицу их князя.

2

Шамилю слышались обрывки фраз, и он спросонья не мог сложить их в единое целое: «Излюбленные Аллахом люди... стар и млад, слушайте...». Сперва он подумал, что вызывает с минарета муэдзин, при-

зывая аульчан к намазу. Потом прислушался: «Слушайте, правоверные! Пусть никто из мужчин, будь он мальчик или старик, не выйдет из дома поутру, пока женщины не сходят за водой и не вернуться в свои дома! Слушайте все, пусть ни один мужчина не выходит из дома до того, пока женщины не вернулись по домам с водой!». Так мог кричать не муэдзин, а аульский гоу-глашатай.

Шамиль позвал Саадула и велел узнать, что там случилось. Тот направился к мечети и крикнул вверх:

– Эй, ты, ажагафа, ну-ка слезь! Чего разорался?

– Не слезу! Я исполняю волю старейшин!

– Слезай, по-хорошему говорю! Как смеешь ты голосить на возвышении, с которого звучит имя Аллаха!

– Не слезу! Мне старшие велели известить народ!

– Ну, погоди у меня! – Саадул достал обрез и пальнул в воздух. Гоу мешком свалился на землю, хорошо, что минарет был невысок.

– Ты совсем очумел? – возмутился гоу, отряхиваясь от пыли. – Уже не знаю, кого слушать!

– На минарете только имя Аллаха можно произносить, а ты новости свои вещаешь! А что случилось хоть? Почему мужчинам нельзя выходить на улицу?

– Старейшины так повелели, чтобы женщины наши не стыдились своего вида – ведь ходят в рванье, тело сквозь одежду видно! Ни у одной целого платья нет! Вот и придумали выход.

– Постой, почему у них одежды нет?

– Откуда ей взяться! Мы из ущелья никуда не выбираемся, в последние два десятка лет только и знаем, что воевать!

Саадул пересказал все услышанное имаму. Пока он говорил, Шамиль неспешно одевался. Он никогда не любил богато одеваться, считая, что красота в мужской одежде допустима разве что в папахе и газырях, да еще в доспехах. Хотя кубачинский кинжал его был с черненой рукоятью и черненными же ножнами, но газыри всегда носил деревянные или костяные. Никакой роскоши, золота, серебра он не терпел ни в одеянии, ни в доспехах. У него были и дорогие генеральские сапоги, и богатое горское платье, добытое в походах. Но носил он простую черкеску, и на ногах, как все горцы, носил сырмятные гоншарыки и войлочные с кожаными вставками ноговицы.

В народе ходили легенды о том, почему презирал имам всякую роскошь и богатство. Говорили, что он однажды тяжело заболел. К нему чередой водили лекарей да знахарей, но ему становилось все хуже. Потом и вовсе лечить перестали, думая, что недолго ему осталось. Тогда он спросил свою первую жену Патимат: «В этом доме есть золото или серебро?» Та, ответила, что нет. Но потом вспомнила, что есть у нее серебряный с позолотой нагрудник и пояс, доставшийся от бабушки. «Убери это из дома!» – закричал на жену Шамиль. Она подчинилась

воле мужа и унесла свои драгоценности. Вскоре имам поправился. Так говорили горцы.

Конечно же, в казне Шамиля было немало и золота, и серебра, и дорогого оружия, покрытого драгоценными металлами и камнями. Но для себя он никогда ничего не брал оттуда, все уходило на главное дело его жизни – на войну.

Шамиль шагнул из дома. За ним поспешил Саадул. Эти двое были настолько разные, что можно было только удивляться – почему имам приблизил к себе именно этого мюрида и сделал своим бейголем. Шамиль ступал мягко, неспешно, руками не размахивал, и все в нем выдавало человека умного, благородной крови. А Саадул ходил грузными шагами, при этом суетился, размахивал руками, подергивал короткой шеей, которая к тому же была чуть искривлена и имела наклон налево, и смотрел он из-за этого искоса. Про таких горцы говорили: «Голова пуста, зато шкура толста». Шамиль, однако, не отпускал его от себя ни на шаг, видно, ценил его за преданность и надежность. Если случалось Саадулу пройти по аулу в одиночку, каждая собака считала своим долгом облаять его. Но если он шел вместе с Шамилем, ни одна собака не подавала голоса. Это Саадул считал одним из признаков святости имама.

Шамиль любил бывать в мечети, куда они сейчас направлялись. Она стояла посреди сада на невысоком склоне. С двух сторон огибали ее два говорливых ручейка, возле которых горцы совершали омовение. Дальше ручьи сливались в один поток, который весело бежал вниз к реке.

– Гляди, Саадул, – сказал имам, – если глаза меня не обманывают, там, впереди, женщины собрались?

– Да, имам, женщины.

– И зачем они там толпятся?

– Не иначе как лицеизреть хотят своего имама, – подобострастно ответил Саадул.

– Э, сейчас мало кто хочет видеть имама.

– Не говори так, мой имам.

– Пойдем другой дорогой.

Но не прошли они и десяти шагов, как в другой стороне увидели такую же толпу женщин.

– Что-то эти женщины задумали, имам, – предположил Саадул.

– Сворачиваем.

Повернули в сторону другой улочки. И так несколько раз они пытались подойти к мечети незамеченными. Но делать нечего, время намаза уже близко. Пришлось идти напрямик к ожидавшим женщинам.

– Что же ты, геройский сын Шамиль, – вместо приветствия подала голос старая женщина, что сидела на круглом камне, другие женщины обступали ее полукругом, – увидел нас и по закоулкам прячешься? Да ты меня не узнаешь, а я-то тебя хорошо знаю. Мы с твоей матерью, да уготовит ей Аллах место в раю, подругами были. Я тебя на руках но-

сила, и не раз ты меня обмочил по малолетству... Ты меня, наверно, не признал, да ничего. Я Гуага. Не вспомнил? Хорошая у нас тогда была жизнь, не то что нынешняя.

Шамилю неприятно было, что эта старуха распустила язык. Он от-вернулся, собираясь пройти мимо, но женщина, казалось, не заметила этого и продолжала:

– Да, жизнь у нас была красивая, и в жизни той лошади резвились, песни пелись и пляски плясались... А теперь что? Нет среди нас ни одной, кому промеж лопаток не досталось от жизни. У всякой из нас юбки в ошметках, свет в глазах потух. Ни кожи, ни рожи ты нам не оставил, Шамиль.

Старуха и вправду годилась в матери Шамилю. Смуглая и долговязая, она, казалось, состояла из одних костей. Иссохшей длинной рукой она прижимала к тощей груди мальчонку лет четырех-пяти и гладила его по головке.

– Времени не осталось, Шамиль, ни у нас, ни у тебя. Давно ли люди мечтали заполучить волос из хвоста твоей лошади, чтобы сделать из него дуа – оберег для дома? А теперь? Нам осталось только вспоминать, как велел ты гогоны для воды меньше делать, чтобы нам легче было нести. Как ты приказал в домах огонь разводить по ночам, чтобы мы после близости с мужьями обмывались теплой водой. Все это ушло, как сон. Видишь мальчика? Это сын внучки моей. Гляди на него, у нас лоскута нет, рубаху ему зашить.

Мальчик понял, что говорят о нем, соскочил с колен прабабушки и подбежал к одной из женщин. Тут же, не стесняясь никого, выпростал из рваного платья матери обвисшую грудь и стал ее сосать, время от времени выпуская сосок и поглядывая на Шамиля.

– Ушло то время, когда вы из походов тюками шелк да красавиц ворованных за седлами привозили, – продолжала старуха. – Где оно, то изобильное, незабываемое время?

Шамиль стоял с поникшей головой, и каждое слово старой женщины словно придавливало его к земле. А та протянула длинную руку, вытянула из толпы одну из женщин.

– Глянь на нее, осталось у нее хоть одно прикрытое место? А у этой? – Старуха указала на другую женщину. – Смотри, имам, не опускай глаза! – Вконец взбесившись, она швыряла перед ним одну женщину за другой, и все они пытались как-нибудь прикрыть просвечивающие через рваную одежду тела. – У нас иголки с ниткой нет, чтобы зашить обноски! Говорилось в старинных сказаниях, что наступит время, когда соль уйдет из земли, а у людей не останется и наперстка зерна. Значит, пришло это время, Шамиль! Тебе только и нужно, что газават, а твой газават принес нам только страдания. Людям в рот положить нечего, наготу прикрыть нечем.

Шамиль стоял молча, и ему казалось, что кровь его капля за каплей уходит в землю. Сказать что-то в ответ, а тем более оборвать, накричать на старую женщину он не мог. И другие женщины стояли вокруг него, пытаясь хоть как-то закрыть руками дыры на платьях. Стыд и боль одолели Шамиля, и он не знал, куда деть глаза.

Гуага потянулась к нему длинной тощей рукой и ухватила его за рукав.

– Погляди в небо, имам! Погляди! В нашем небе орлов не осталось. А что им тут делать, если в аулах поживиться нечем.

3

На лезвии кинжала, подаренного Хаджи-Исмелу самим Шамилем, было написано арабской вязью: «Вся надежда на Аллаха, после Аллаха – На Тебя». Хаджи-Исмел гордился этим подарком и беззастенчиво показывал его всем. Надпись можно было понимать по-всякому. Например, можно было подумать, что после Аллаха вся надежда на кинжал, или на все оружие мира, или же на того, кто носит этот кинжал. Разумеется, последнее значение нравилось Хаджи-Исмелу больше. Он хотел считать, что именно для него имам сделал на клинке эту надпись, утверждающую, что он, Хаджи, первый после Аллаха...

С некоторых пор Хаджи-Исмел зачастил к своим братьям по вере. Съездил несколько раз к Казий-Мухаммеду, а потом пригласил его в Кабарду. После этого он вслед за Казий-Мухаммедом стал вхож к Шамилю. Имам почитал его, зная, что Хаджи побывал в священных Мекке и Медине. Бывало, что Шамиль беседовал с ним на равных, иногда даже спрашивал у него совета. Он ездил к имаму довольно часто. Иногда не заставал его и, подождав несколько дней, возвращался ни с чем, однако аульчанам говорил, что все эти дни провел рядом с имамом, тот просил у него совета по важным делам, и он, Хаджи-Исмел, с радостью просветил Шамиля, а имам с радостью воспользовался его наущениями.

Несомненно, Хаджи-Исмел высоко чтит имама и считал пророком Мухаммедом в новом обличье. Он преклонялся перед ним и любил всей душой. Порой даже сам боялся такого слепого обожания. Он хотел подражать имаму во всем. И это было не так трудно, потому что у Хаджи-Исмела было в жизни два мерил: все, что во благо веры – хорошо. А все, что вредит вере – плохо. Коротко и ясно. Такими же короткими и ясными были речи и дела Хаджи. Правда, бывало и так, что он выходил за пределы своего принципа, и тогда остановить его было трудно. Сегодня как раз выдался такой случай. Он говорил, и слова его лились нескончаемым потоком, ложились в один ряд:

– Русские пошли войной на нас, чтобы принести нам свою веру. Истинно так, для укрепления своей веры они хотят обратить нас в христианство.

В саду при мечети, под раскидистым деревом сидели на расстеленном арджене Шамиль и Хаджи-Исмел. После неприятной стычки с женщинами имам никак не мог забыть горьких слов, брошенных ему в лицо, и сейчас он готов был слушать что угодно и кого угодно, лишь бы отвлечься от обуревавших его мыслей и чувств. Не потому ли он с такой готовностью поддерживал разговор с Хаджи-Исмаилом, и даже готов был спорить с гостем, вопреки горскому обычаю.

– Ошибаешься, Хаджи, – покачал он головой, – русские ведут с нами эту проклятую, бесконечную войну вовсе не за веру.

– А за что же?

– За землю, за родину нашу, за наши реки и горы, поля и озера! Они хотят завоевать нас, но и мы им не нужны! Им нужна та земля, что под ногами у нас. И если бы жили на ней не мы, а другие люди, русские воевали бы и с ними.

– По-твоему, они хотят получить только землю? Но ведь у них самих ее немало.

– Да, Хаджи, у них ее очень много, но Россия жадная до земли, ненасытная! Так и ждет, у кого бы еще оттяпать кусок! Если война идет за веру – это я понимаю. Наш пророк меч обнажал за слово Аллаха. Но все прочие – и Искандер, и Тимур, и Чингиз-Хан – и не помышляли о боге, они были просто алчными завоевателями. Они хотели владеть миром. – Шамиль говорил негромко, но горячо, перебирая длинными белыми пальцами. – Они завоевывали народы, но даже не пытались принести им свою веру, нет. Они всего лишь грабили их и собирали дань. Да, они были великие воители, но до нашего пророка Мухаммеда им очень далеко. Наш пророк подобен божеству. Так-то, Хаджи, одна война на другую не похожа.

– А ты, имам, – Хаджи-Исмел взглянул на Шамиля с хитрецей, – тобою что больше движет – вера или корысть?

Шамиль сидел довольно долго в задумчивости, словно взвешивая каждое слово. Потом переспросил:

– За что я воюю?.. За себя. Я воюю за то, чтобы сбросить то, что мне принадлежит, чтобы не отдать это чужому. Никакого насилия не потерплю. И никакая религия не поощряет насилия. Так-то, Хаджи.

С этим Хаджи-Исмел был согласен в полной мере. Да, вера не терпит насилия. Хотя он, как и Шамиль, хорошо знал, что это всего лишь слова, а на самом деле вера неразрывна с насилием. Сам пророк Мухаммед нес ислам народам с помощью огня и меча, и крови он пролил немерено.

– Нельзя жить на свете без истинной веры, – продолжал между тем имам. – Нельзя жить, мечась из стороны в сторону, это грех великий. Ты думаешь, меня не одолевают сомнения? Как думаешь, Хаджи, людям легче бы жилось, будь они свободны – от тисков религии, от закона, от хабза, от приличий? Взять бы да смешать все, забыть все границы, снять все запреты?

– Это что же – никаких запретов, мужчины, женщины – все в одну кучу? – удивился Хаджи-Исмел.

– Именно так.

– Что ты, Аллах такого не допустит.

– А может, и вправду все проще бы стало, не осталось бы на земле страждущих и враждующих?

– Неожее говоришь, имам.

– Знаю, знаю. Но ведь и вправду, человеку прежде всего приходит на ум то, что не нужно ему, что недосягаемо. А жил он просто, ничего иного не желая, кроме как есть, пить, одеваться, просто жить своей жизнью. А все прочее излишне, это только путает человека и не дает ему покоя.

– То, что ты сейчас говоришь, имам, и есть самая большая путаница.

– Знаю, Хаджи.

– А знаешь – так не говори, к чему эти пустые разговоры?

– Так мысли не дают покоя.

– От таких мыслей никакой пользы.

– Не все измеряется пользой, Хаджи.

Хаджи-Исмел взирал на Шамиля с нескрываемым восхищением. Вспомнились слова его покойного зятя Шоры Ногма: «Даже после смерти Шамиля потомки будут кланяться ему за подвиги, что совершил он во имя своего народа. Ах, если бы со своим талантом он не только клинком размахивал, а книги писал, – вот было бы счастье». До слов Шоры мне нет дела, думал про себя Хаджи, но что правда, то правда: имя Шамиля останется потомкам, как пример героизма и мужества. Дай Аллах ему долгой жизни!

Вдруг их внимание привлек шум над головой. В кроне дерева два ворона охотились за белкой, она неистово отбивалась, прыгая с ветки на ветку.

– Посмотри, она прыгнула на это дерево, надеясь на нашу защиту, – произнес Шамиль. Белочка же, не дождавшись помощи от сидевших в тени мужчин, переметнулась на другое дерево, за ней взмыли остервенелые вороны, затем она спрыгнула на землю, преследователи за ней.

И тут Шамиль не выдержал, вскочил на ноги, как молодой, схватил палку и кинул ею в хищников, потом бросил камень. Так и бегал вокруг дерева, отгоняя воронов. Белка прыгнула на дерево и по ветвям ускакала в конец сада, увлекая за собой своих преследователей. Шамиль побежал в ту сторону и, встретив по пути молодого горца, выхватил обрез у него из-за пояса и пальнул в птиц, не целясь. Наконец вороны отстали от зверька и улетели. Белка сидела высоко на дереве и испуганными черными глазками смотрела на своего спасителя.

– Не выношу насилия! – сказал Шамиль и, отдышавшись, вернул обрез хозяину.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

– Гляди на мой палец, имам, волос на моем пальце старше тебя. Гляди, мой палец уже слаб, чтобы взводить курок, – старый лезгин протянул к лицу Шамиля короткий палец с железным кольцом. – Мой палец слаб, но на нем кольцо, которым я могу сладить с курком. Я с этим кольцом смог выпустить заряд пороха в персидского шаха! И ты берегись, Шамиль! Хватит, наше терпение закончилось. Уходи с нашей земли. Хочешь войны – воюй у себя дома. Мила тебе Турция – убирайся туда. И воителей своих заberi. Помни, что кольцо на моем пальце не для красоты. С ружьем еще справляюсь. И не будет тебе пощады! Когда ты гостем к нам пришел – приняли тебя со всей душой, отдали все, что было, и даже нашли то, чего не было. А теперь довольно, убирайся отсюда, и войско твое пусть убирается!

У Шамиля не было повода усомниться в словах старика. Этот бывалый разбойник был известен на весь Кавказ своими похождениями. Он славился бесстрашием и крутым нравом, а свирепая внешность его довершала впечатление. Борода и усы на его лице давно сошлись в одни заросли, и даже из ноздрей и ушей торчали жесткие пучки волос.

И Шамиль понимал, что старик не шутит, и даже испытал нечто похожее на робость.

– Как хочешь, имам, а своих людей ты должен увести от нас. Мы не хотим воевать с русскими. И на грузин нападать не хотим, – продолжал старый лезгин. – Недосуг нам. В поле работы много, просо поспело, кукуруза скоро подойдет, и за скотиной присмотр нужен. Да и не можем мы больше гостей привечать, поиздержались. Как видишь, мы люди небогатые, а вы, слава Аллаху, гостите у нас три недели кряду.

В молодые годы этот бесстрашный лезгин не пропускал ни одной стычке на Кавказе. Когда Тифлис захватил Ага-Магомет-Али, он был среди тех, кто первым поспешил на подмогу грузинам. Тогда он сумел пленить двух персидских ханов и привезти их в дар грузинским князьям от народов Дагестана.

Шамиль, по привычке хитро прищутив левый глаз, молча поглядывал на говорящего. В голове роились мысли, он думал о том, что спорить со старым горцем нет резона. Он, имам, не привык уступать, тем более не привык бояться угроз, но сейчас надо попытаться обратить все в шутку. А старик бросил взгляд из-под мохнатых бровей на кинжал, блестящий на бедре имама.

– Помню, когда вы, мюриды, только начинали свои богоугодные мирные шествия по Кавказу, у вас на коленях лежал Коран. А теперь что? Погляди на себя, имам: вместо священной книги ты трешься о клинок. Мир теперь держится на оружии и страхе, знаю. Но мы, лезгины, не

привыкли сжиматься при виде оружия, на испуг нас не взять. Вот ты, имам, борец за веру, но веру нельзя принести устрашением.

– Все эти слова – они твои или исходят от всех лезгин? – Шамиль приоткрыл прищуренный глаз.

– А какая тебе разница? Тебя Аллах создал высоколобым, вот и думай сам, от чьего имени я говорю. Вы, конечно, гости наши, но вспомни, что лезгины за одну ночь перерезали всех гостей, которых привел на их землю Надир-шах.

Шамиль и сам понимал, что затянувшийся постой его войска стал в тягость этим простым горцам – землепашцам и скотоводам. Дерзкие речи старика возмутили его, он закипал изнутри, и было у него огромное желание разрубить этого наглеца пополам. Но он понимал: нельзя.

– Хорошо, почтенный, я подумаю, – сказал Шамиль как можно спокойнее.

– Я не пришел сюда просить тебя, – возразил лезгин. – Я требую, чтобы завтра утром ни тебя, ни твоих людей в нашем краю не было. А нет – тогда мы найдем на вас управу.

– Мне лишь одного человека не хватает, чтобы дать достойный ответ вам, лезгинам, – тихо, с нажимом сказал имам.

– И кого же?

– Хаджи-Мурата. Был бы он при мне – он бы вам показал, как в дуду дудеть между ног лошади.

– Не показал бы, имам, – недобро усмехнулся старик. – Есть среди нас такие, кто заставит и тебя, и самого Хаджи-Мурата носом землю вспахать.

– Выходит, ты пришел ко мне искать ссоры? – взорвался Шамиль, глаза его сверкнули.

– Нет, зачем же? – На щеках старика заходили желваки. – Просто подумай над моими словами. А нет – доставай свой кинжал, если надеешься остаться в живых и вложить его обратно в ножны.

Шамиль встал. Поднялся с места и старик.

– Ты знаешь, кто это? – Шамиль, едва сдерживаясь, кивнул на Рашида-пашу. – Он прибыл ко мне от султана. От самого турецкого султана!

– И что? Как прибыл, так пусть и уходит. Пусть не лезет в наши дела. – Старик помолчал одно мгновение и добавил: – У нас тут и без него хлопот хватает, не знаем, куда метнуться.

– Так султан и хочет вам помочь, к согласию привести, – подал голос молчавший до сих пор Рашид-паша. – Султан...

– Султан не может своих жен в гареме в согласии держать, – прервал его старый лезгин. – Пусть своими делами занимается, нам его помощь не нужна. Пусть не думает, что мы бросимся по его указке, подобно слепым щенятам!

– А как же вера наша, правоверные? – вскрикнул Рашид-паша.

– А вера наша никуда не денется. Близкий сосед лучше, чем дальний родич. Так-то, уважаемый гость. А тебе, Шамиль, посоветую: не пытайся есть из двух котлов. Забирай-ка своих людей – и ступай с богом.

Шамиль старался не показывать своей растерянности. В прежние времена попробовал бы хоть кто-то с ним так разговаривать. А теперь все иначе. Надоело людям военное лихолетье, да и сам Шамиль надоел. Раньше на него молились, его боялись, как огня. Теперь, видно, придется постараться, чтобы припугнуть взбудораженных горцев, а кого-то, может, удастся добром урезонить. Так бы и вышло, но имама опередил Рашид-паша:

– Турецкая армия, что на берег Батума высаживается, может и сюда повернуть, если надо будет! – пригрозил он, наступая на старого лезгина. – Как бы не пожалеть!

– Ты что, пугаешь нас? – Шамиль бросил на турка грозный взгляд.

– Султан хочет вам свободу дать!

– У нас любой пастух свободнее, чем турецкий паша. Вам султан может голову отсечь за малую провинность, а нашим пастухам разве что жены могут угрожать.

Горцам такой поворот очень понравился, и они разразились дружным хохотом.

Рашид-паша чувствовал, что все его планы рушатся. Это как же получается, он полагал, что султан для горцев – царь и бог, и слово его священо, а вера мусульманская сроднила турок и кавказцев. На деле оказывается иначе. Если не обуздать строптивых горцев, и Шамиля вместе с ними, его голова и впрямь может слететь с плеч. Не найдя другого пути, Рашид-паша выхватил из-за пазухи фирман султана и помахал им перед лицом Шамиля.

– А это ты видишь, с этим что будешь делать?!

– А мне плевать на это, – невозмутимо ответил Шамиль.

– На фирман султана?! – поразился Рашид-паша.

– И на фирман, и на него самого. Не указ нам ни султан, ни царь. Больше двадцати лет мы ведем войну своими силами, до сих пор вы нам ни пулей единой не помогли. А теперь вам вздумалось сцепиться с русскими, и тут мы стали нужны, да? Довольно, возвращайся, откуда пришел! Вы только на берег Батумский высаживаться начали, а уж явились к нам с указами. Нам указчики не нужны, у нас в другом нужда.

– С какой совестью я предстану перед солнцеподобным? – Голос паши стал умоляющим. – Что я скажу ему?

– Скажи как есть. Пятнадцать тысяч человек не могут сидеть тут и вас дожидаться. Уезжай подобру-поздорову.

– Ты испугался этих, имам? – Паша кивнул в сторону толпы. – Этих пастухов в куцах папахах? Да сам-то ты кто – имам или пастух? Над тобой Аллах, Шамиль, он все видит!

Шамиль подошел к Рашиду-паше вплотную, глаза его метали искры:
– Два соседа у нас, и оба пытаются нас напугать, кто силой, кто верой. Не пугай меня, паша, уйди с дороги!

– Ладно, Аллаха не боишься, так подумай о той силе, что высадилась на берег морской, – наступал Рашид-паша.

Шамиль не ответил, он лишь поднял свои четки и повертел ими перед лицом турка. По этому знаку мюриды скрутили Рашида-пашу, завернули его в красную абу и вынесли из дома. Горцы, что оставались во дворе, увидев это, поняли: что-то случилось, – и метнулись к дому. Мюриды во главе с могучим Саадулом несли пашу через двор, тот пинался и брыкался изо всех сил, вопя на всю округу:

– Что вы делаете? Вы же мусульмане! Все султану расскажу.

– Расскажи, расскажи, – усмехнулся Саадул, стискивая шею паши. Мюриды донесли вопящего пашу до хлева, привязали его к спине облезлого ишака лицом к заду. С головы его сорвали сарык с двумя пурпурными бунчуками и нахлобучили на голову ишака. Горцы ликовали и хохотали без удержу. А когда на голову незваного гостя надели плетеный кузовок для уборки навоза, народ повалился на землю от хохота.

– Неси-ка сюда, – Саадул сделал кому-то знак, и ему принесли перец. Мрачное лицо мюрида расплылось в ухмылке, подобно тесту. Он намочил водой полу черкески, окунул ее в жгучий перец, затем поднял хвост осла и густо смазал ему зад. Бедное животное попрыгало на месте, затем с диким ревом понеслось прочь.

– В добрый путь, брат, до самого Стамбула, – прогремел вслед бас Саадула. – Передай привет султану!

2

После перепалки со старым лезгином для Шамиля стало ясно как день: больше здесь находиться нельзя. У него было два пути: уйти в другое место или распустить своих воинов по домам. Но после двух недель ожидания прийти домой с пустыми руками – это позор для горца. А вот если удастся где-нибудь разжиться добычей – тогда поход можно считать удавшимся. И Шамиль нашел, как ему казалось, верный выход.

За перевалом лежала земля Грузии. До нее три лесистых горных перехода. Это очень хорошо – можно пройти до самой цели тихо и незаметно. А уже за перевалом – богатые грузинские города и села! Его люди смогут вернуться домой с пленниками за седлом и награбленным добром в обозах.

Итак, решено. Шамиль разделил своих всадников на три группы, каждой отдавался один город на разграбление. Одной надлежало выдвигаться в сторону Душети, другая направлялась в Сигнахи, третьей досталась дорога в Телави. Сам Шамиль поехал вслед за группой, усакававшей на

Телави, – этот город находился посередине, и он мог без особого труда узнавать новости с той и другой стороны.

Горцы тронулись в путь, возбужденные и воодушевленные предвкушением добычи.

По краю там и сям уже просочились слухи, что Шамиль собрал войско и собирается нагрянуть на русских вместе с турками. Говорили еще, будто турки сговорились с англичанами и французами, и вскоре России придется очень туго. Многие, правда, считали это пустопорожними разговорами, даже сам Воронцов был такого мнения. Сам генерал вырос и образование получил в Англии, и потому он бы ни за что не поверил, что любезные его сердцу англичане могут поднять оружие на русских, да еще в союзе с турками.

Даже когда жители Тифлиса, напуганные известиями, побежали за помощью к Воронцову, он утихомирил их, сказав, что пока ничего страшного не происходит. А когда Шамиль появился на Лезгинской линии, тифлисцы снова послали к генералу депутацию. На что тот ответил: Шамиль – разбойник, вот он и появляется в разных местах неожиданно, а воевать он не воюет. Но старожилы, помнившие 1795 год, когда Шах-Ага-Магомет-хан разгромил город, решили не испытывать судьбу и, следуя воле дворянского совета старейшин, начали готовиться к встрече с непрошеными гостями. Они-то помнили дни нашествия Шах-Ага-Магомет-хана на Тифлис, когда на улицах города двое не могли услышать друг друга из-за храпа лошадей и воплей верблюдов.

Тревога вынудила их написать письмо командиру Лезгинской линии Давиду Александровичу Чавчавадзе. Жители и отдыхающие просили прояснить происходящее. Доходят слухи, писали они, будто турки высадились в порту Батума, Шамиль объединился с ними и собирается двинуться на нас. У нас же мужчин мало осталось, все почти ушли в леса. В городе и селах прилегающих одни женщины, дети и старики. Люди просили сказать точно, что же им делать – оставаться в Цинандали или спастись бегством.

Отвечающий за оборону Лезгинской линии и адъютант Воронцова подполковник Чавчавадзе в ответном письме сестре жены сообщал, что беспокоиться не о чем, турки не посмеют поднять на них оружие, так как русские немало проучили их за самовольство. Так что, советовал полковник, живите спокойно в своем родном Цинандали и ничего не бойтесь, да и детям свежий воздух Грузии полезнее всего. Что касается Шамиля, то он попытался высунуть голову возле Шильды, но на него быстро управу нашли, так что теперь он смирный. «Храни вас Господь!» – писал в конце Чавчавадзе.

После этого в сердцах благородных дам из Тифлиса и Петербурга, приехавших на отдых в Цинандали, воцарился покой. Безмятежно протекала жизнь двух самых благородных родов Грузии – Орбелиани и Чав-

чавадзе. Цинандали, который они называли родиной отцов, принадлежал роду Чавчавадзе. Это было имение русского генерала и знаменитого поэта Александра Чавчавадзе.

И все же... до полного покоя было далеко. Ведь у женщин интуиция тоньше, и она редко их обманывает.

Ночью горцы незаметно окружили Цинандали. Старая служанка, которой, по словам другой прислуги, было не менее ста лет, вышла на рассвете из дома и столкнулась с незнакомым молодым человеком – одним из мюридов.

– Откуда ты, юноша, – спросила старушка. – Я тут всех знаю, а тебя никогда не видала.

– Мы пришли, чтобы навести у вас немного шороха, – отшутился мюрид и подошел к старой женщине. – Довольно слов, покажи руки!

Испуганная старушка вытянула худые руки. Он сорвал с ее пальца кольцо.

– Расстегни ворот!

– О господи, у тебя совести нет?

– Совесть я за Алазани оставил! Расстегивай, говорю!

– Сынок, я ведь тебе в бабушки гожусь, сжался...

– Ты что, оглохла? – Мюрид выхватил кинжал. – Расстегивай, кому говорю!

Старая женщина стояла, вся дрожа, однако смотрела в лицо молодого горца без страха и слез, словно буравя его своим взглядом. Она расстегнула негнушимися руками ворот. Грабитель увидел на ее груди потемневший от соприкосновения с телом старинный крест, сорвал его с шеи старушки и кинул в карман, полагая, что это золото.

– Ступай теперь куда хочешь. Больше с тебя взять нечего. – Но тут он бросил взгляд на ее расшитые кожаные башмачки. – Стой. Разувайся.

Она скинула обувь, и он заткнул башмачки за пояс. Но старушка не собиралась уходить.

– У тебя ведь есть мать? В какой же несчастный день она родила такого сына!

– Я тебе устрою несчастный день, старая сычиха, – замахнулся он на нее. – Уноси ноги, пока жива.

Оставив ограбленную старушку, молодой горец перемахнул через изгородь и побежал вглубь сада, где стоял двухэтажный княжеский особняк.

Этим недобрым утро Цинандали пробуждался под болезненный визг пришибленной собаки и затем – под вой всех окрестных собак, под плач женщин и мольбы о пощаде, выстрелы и окрики, мычанье угоняемых коров и блеяние овец перемежалось с визгом свиней – их грабители не угоняли, убивали на месте. В воздухе стоял запах гари, летали хлопья сажки вперемешку с пухом из распоротых подушек. Налетавшие порывы ветра

кружили их в воздухе, словно радуясь творящемуся безумию. Раньше Шамиль отдавал приказ при нападении не поджигать дома, но сейчас это было забыто. Лихачи имама поджигали все, что могло гореть, и один за другим весело вспыхивали языки пламени. Вскоре беспощадный огонь объят весь Цинандали – в летнем поселке большинство построек было из дерева.

Занялся пламенем виноградник за княжеским особняком, и виноградины, поджариваясь, выпрыгивали из огня, как мелкие камушки. Объят был огнем высокий орех на заднем дворе, и забежавший на верхушку кот метался и громко мяукал, не находя спасения. Казалось, всю землю накрыло горем, из которого нет выхода.

Двухэтажный княжеский дом пока не горел, его не поджигали по приказу Кебита. Зажмуриваясь от едкого дыма, Кебит пробирался через горящий сад. Он услышал отчаянное мяуканье с верхушки ореха.

– Сгорит, бедолага, – с жалостью произнес он. – Ну-ка,ними его.

Сопровождавший его мюрид прицелился и выстрелил в кота, но не попал.

– Эх ты, криворукий. Дай-ка, – Кебит взял ружье и выстрелил. Кот кубарем скатился в пылающую траву. Махнув рукой, Кебит побежал к дому, мюрид за ним. Во время набегов каждому доставалось то, что он успел ухватить, и горцы носились по усадьбе как очумелые. Кто первый протянул руку, того и добыча, будь то скот, вещь или человек. Таков был закон набегов, который заставлял горцев забыть, что они люди, что есть на свете честь и достоинство. Прийти первым, схватить добычу, а если кто-то попытается отнять ее – убить, но не уступить, даже если это друг или родич. Не действуют в набегах ни божьи, ни человеческие законы, есть только один закон – волчий.

В просторном особняке князя не оставили ничего, на что мог упасть взгляд, вымели все подчистую. Только людей не оказалось на обоих этажах. Горцы не заметили, что есть еще бельведер – небольшая островерхая надстройка под самой крышей.

Поняв, что на них напали, женщины семей Чавчавадзе и Орбелиани вместе с детьми спрятались там, надеясь, что горцы не догадаются заглянуть в мансарду. До рассвета молились они своему заступнику Святому Георгию, икону которого взяли с собой.

Сестры Анна и Варвара, стоя на коленях и обливаясь слезами, молили своего святого о заступничестве, о спасении от злодеев Шамиля. На расстеленной рогоже, затаив дыхание, сидели дети обоих семейств, среди них находилась гувернантка семьи Чавчавадзе – молодая француженка Дарансье.

– Как же так, как же, Давид ведь писал, что бояться нечего, – шепотом, скороговоркой причитала почтенная тетушка Давида, старая Тиния. – Как же так, как же так? Где ты, мой Давид, где ты? Приди и спаси нас, дитя мое, свет мой!..

– Святой заступник, спаси и сохрани нас, – протягивая к иконе годовалого младенца, страстно молилась Варвара. – Ради Всевышнего, ради этого дитяти, которого назвали мы светлым именем твоим, спаси и защити его, спаси нас от этих зверей! Господь всемогущий, на тебя единого уповаем, защити нас от беды, избави нас от злого врага.

Анна уже не в силах была выронить ни слова, а только шептала беззвучными губами, моля Господа о спасении и лишь изредка вытирая красивое лицо от заливавших его слез. Не за себя она боялась, не за жизнь свою, а за детей. Ее супруг Давид Чавчавадзе значился адъютантом наместника Кавказа Воронцова, однако службу нес в чине подполковника и командовал частями, оборонявшими Лезгинскую линию. Не единожды он наносил ощутимые удары по Шамилю и его мюридам. Это и страшило сейчас Анну.

– Ты же, Давид, писал, что разбили вы Шамиля возле Шильди, – продолжала обессилено причитать тетушка Тиния. – И откуда же он теперь взялся, этот головорез, чума его возьми!

И вправду, Давид написал им, что в битве под Шильди уничтожено войско Шамиля. Только не знал он, что это была часть войска, которую имам пускал вперед. Оборонявшие линию военачальники приняли ее за ударную часть и поспешили отрапортовать о большой победе, даже в Тифлис отписали, что с Шамилем покончено, в надежде получить награды и чины. Шамиль же, искушенный в ведении войны, всегда пускал впереди незначительную часть воинства, так он узнавал, где враг находится, сколько бойцов у него и какие силы.

После этого Шамиль двинулся на Шильди, сломил сопротивление русской части, разгромил крепость. Затем подался в Кахетию. Это было в духе имама – сперва расчистить себе путь, и лишь потом двигаться вперед.

– О, святой Георгий, защити нас! – продолжали молиться женщины, когда низенькая дверь распахнулась, и на пороге возник горец. Это был Расул.

– Вот они где, птенчики, – подал он ликующий голос. – Мы их ищем, а они вон куда залетели.

Расул гоготал, разинув широкий рот и не помня себя от неожиданной удачи. Он глядел жадными глазами на женщин – какая из них краше и пригожее. Услышав торопливые шаги собратьев, гурьбой ринувшихся вверх по скрипучей лестнице, Расул метнулся к Анне Ильиничне и схватил ее.

– Вот эта моя!

Горцы нагрянули в бельведер и в мгновение ока расхватили все и всех, что были в тесном помещении. Расул, спешно затыкая за пояс ложки, вилки, ножи, тарелки, плясал вокруг Анны и приговаривал:

– Не бойся меня, куколка, я тебе ничего не сделаю. Давай-ка, снимай свои серьги, колечки.

Дрожащими руками женщина сняла с себя все драгоценности и отдала разбойнику. Большим пальцем он поднял ей подбородок.

– Не бойся, сестричка. Ну-ка, ротик открой, я гляну. – Анна открыла рот. – Как же так, красавица, у вас же принято родные зубы менять на золотые. Что же ты обделила себя, куколка? Жаль, жаль.

Расул осмотрел точеную фигуру Анны, и круглое лицо его расплылось в сальной улыбке.

– Ну-ка, скидывай свою одежду. Довольно вам в шелках и бархате ходить, настал наш черед. – Анна взглянула на него в ужасе. Он повысил голос: – Раздевайся, кому говорю!

– Разденусь, только вы выйдите.

– Еще чего! На вот, накинь вот это и снимай все до нитки, – он кинул ей гуабанач – войлочную пастушью накидку, потертую до дыр. – Не бойся, вшей там немного, недавно над огнем подержал.

Расул вывел Анну с ребенком на руках на улицу. Ее рука была обвязана его башлыком, конец башлыка был завязан на поясе Расула. На ней был гуабанач, едва достававший до колен, распущенными волосами женщина пыталась прикрыть просвечивающую наготу. Она шла босая, ни живая, ни мертвая. Стоявшие вблизи горцы зашумели:

– Ну, Расул, ты отхватил себе!

– Красавица писаная!

– Эх, жаль, что не девица.

– Ничего, продашь ее, следом и ребенка сторгуешь.

Анна смотрела на этих варваров невидящими глазами. В душе ее царил сейчас не ненависть к разбойникам – не до того ей было. Думала она о том, что не избежать ей постыдного рабства и поругания. Думала о муже, который обнадежил всех и не защитил, хотя находился его полк неподалеку от Цинандали. Он-то думает, что защищает линию, а тут на семью его обрушилось такое несчастье, а он знать не знает.

Ухмыляясь в усы, подошел к женщине Кебит, распахнул на ней дырявый кафтан.

– Какое белое, красивое тело, – произнес он и протянул руку, чтобы погладить ее грудь, и тут она плюнула ему в лицо.

– Ах, ты брыкаться? – рассвирепел Кебит. – Укротим – тебя не спросим.

– Я внучка грузинского царя Георгия! – гордо подняла голову Анна.

И Кебит, и другие горцы опешили. Теперь они разглядывали женщину с особым интересом.

– Скажи-ка, царская внучка, много ли военных в Телави, – спросил Кебит.

– Пойди и сам посмотри!

– Я должен знать, куда иду.

– Иди, если хочешь трупом вернуться!

– Да ты смелая, оказывается.

Горцы были удивлены, что эта женщина так дерзко отвечает Кебиту, а ведь он не привык прощать. Им было невдомек, что это за род, не знали они, что фамилия Чавчавадзе известна и в Грузии, и в России. Не знали и того, что дед Давида встречался с императрицей Екатериной и приложил старания для союза Грузии с Россией. И тем более не слыхивали они о том, что отец Давида – Александр Чавчавадзе, был знаменитым поэтом, а дочь его Нина была супругой русского писателя Грибоедова. Знали они лишь одно: эта семья неслыханно богата, и отпрыски ее служат России.

Среди мычащего стада, в пыли и грязи дорожной потащили на привязи Анну с ребенком. Она задыхалась от пыли и была не в состоянии думать о чем-либо, в душе были только отчаяние и звериный страх за ребенка, которого она прижимала к себе. Защитить дочурку, сохранить ей жизнь – об этом была единственная мысль.

На задворках усадьбы, ближе к реке, стояла на некотором возвышении маленькая часовня семьи Чавчавадзе, та самая, в которой венчались Грибоедов и Нина. Поначалу грабители не подумали, что тут может храниться что-то ценное. Но один из нападавших, по имени Джафар, которому мало что перепало из хозяйского имущества, куролесил по саду в поисках добычи, пока не наткнулся на часовенку. Ничего он не оставил здесь, что хоть отдаленно напоминало золото или серебро. Он свалил у порога в кучу чаши, кадила, ризы, иконы. В руках он держал лик Христа в золоченом окладе. Унести один эту уйму вещей он не мог, и потому кружил вокруг своих сокровищ, а потом и вовсе перешел в пляс.

– Э-э-эй, асса, асса! – Ликованию его не было предела. На этот крик завернул Кебит. Увидев пляшущего с иконой в руках Джафара, он усмехнулся.

– Ты чего расплясался, никак твоя гончая лису поймала!

– А что, наиб, и поймала! Гляди, сколько добра! Гляди! – он протянул икону в блестящем окладе.

– Дурья твоя голова! Это же их пророк, вроде нашего пророка Мухаммеда. И рамка не золотая, а с позолотой.

Джафар расстроился, но сдаваться не хотел. Показывая пальцем на сваленную кучу награбленного, крикнул в отчаянии:

– А это все, что это, по-твоему?! – Схватил кадило и едва не ткнул им в лицо Кебита.

– Серебро позолоченное, вот что.

– А на это глян, разве не чудо?! – Он развернул перед ним священническую ризу.

– Да, чудо. Это парча называется, шелк с золотыми нитями. Ладно, Джафар, кое-что тебе перепало, не вешай голову. Одному, пожалуй, не унести столько, пришло подмогу. А ты пока в узел все завяжи.

– Нет! Не нужно, не присылай никого, наиб! – Джафар перепугался: вдруг отберут добычу, вдруг делиться придется. – Не нужен мне никто!

– Как знаешь. – Кебит махнул рукой и пошел прочь. Он шел по саду, озираясь, и вдруг краем глаза заметил какое-то движение. Приглядевшись, увидел трепыхавшийся на ветру конец ленты, торчащий из расщелины старого граба. Широко расставив свои кривые ноги и уперши руки в бока, он расхохотался.

– Ну, вылезай, красавица, нечего прятаться! – Продолжая смеяться, он потянул за ленту.

Из укрытия вылезла, дрожа от страха, статная женщина. Это была Екатерина, младшая сестра Нины Чавчавадзе. Все так же смеясь, Кебит протянул к ней руки, словно желая помочь благородной даме.

– Давай, душа моя, идем со мной.

Время близилось к полудню.

Долина между Цинандали и Алазани пришла в движение и заполнилась криками, стонами, мычаньем. Непрерывным потоком шла живая масса – всадники, повозки, скот и люди вперемешку. Многие из людей были привязаны канатами к седлам всадников и подводам. Некоторые были связаны между собой. Детей и взрослых без разбору гнали перед собой горцы, понукая разом скотом и людьми.

Семейства Чавчавадзе и Орбелиани гнали группами, связав по несколько человек. Один конец веревки, связывавшей Анну, был приторочен к седлу Расула, другой – к рогу медленно бредущего буйвола. Из Цинандали угнали грузин двадцать два человека, двух русских женщин, одну француженку и одну полячку.

Батоко наблюдал за происходящим, сидя на замшелом камне. Он смотрел на гонимых людей, на ликующих горцев, на бесконечную цепь выючных животных с награбленным добром, и в голове его роились мысли, граничащие с ужасом. Что это, что он здесь делает? Разве он, Батоко, разбойник, разве за этим в поход шел? Он в жизни не обидел слабого, куска не отобрал у бедного. А эти что?

Он заметил плетеную корзину, которую вез горец поперек седла, и торчащие из нее босые ножки младенца. Не выдержал и подбежал.

– Да что ты делаешь, ты же его убьешь! – Протянув руки, он взял корзину, набитую тряпьем, вынул младенца. Выкинув половину тряпья, удобнее уложил ребенка.

Горец не противился, однако наблюдал за ним с явным недовольством.

– Нам лесом идти, – ворчал он. – Ладно, если ноги оцарапает, а если лицо, или глаз сучком выколет, кто у меня купит слепого ребенка?

– Да ты что, не человек, не мусульманин?! – воскликнул Батоко. Он безнадежно махнул рукой и снова сел на свой камень, опершись на шашку.

– Эй, черкес, – весело окликнул его проезжавший Расул, – пока ты на камне прохлаждаешься, там все растащат!

Батоко взглянул на весельчака с неприязнью и не ответил. На душе было мутрно. Зачем он здесь? Разве ему по пути с этими дикарями, которые грабят всех без разбору, богатых и бедных, слабых и сильных. Надо уходить от них, пока не поздно, надо уносить ноги, пока не пропал.

Мимо бесконечной чередой шли коровы, буйволы, овцы и козы, без усталости гоготали и кудахтали птицы – связанные за ноги гуси, куры, индюки, вниз головой перевешенные через седла. На арбах высились горы ковров, одежды, домашней утвари, посуды...

Все это столпотворение издавало нескончаемый гомон, над которым витали гортанные выкрики горцев. Они шумели больше всех, кричали и веселились, считая, видно, что это еще больше показывает их силу и удачливость. С самого утра гнали они людей и скот без передышки, пока ночь не накрыла их.

Анна шла босиком, ни живая, ни мертвая, и несла дочурку на руках. Других детей гнали вместе с гувернанткой Дарансье. Когда им, наконец, разрешили остановиться, она почувствовала себя почти счастливой, привалившись изможденным телом к теплому боку огромной буйволицы. Распахнув надетый на голое тело кафтан, приложила малышку к груди, чувствуя, как теплые губки ребенка сжимают сосок. И тут же забылась сном. Долго ли спала – она не помнила, но когда проснулась, на небе красовалась полная равнодушная луна. Звезды в эту ясную ночь казались невероятно огромными. Тихая, мирная ночь стояла над ними. Слышалось лишь, как буйволы жуют свою жвачку да цикады свистят, то громче, то стихая, то заливаясь с новой силой.

Анна вслушивалась в ночные звуки, и блуждающие мысли уносили ее в прошлое, к милым сердцу воспоминаниям. Ей пригрезился день, когда открывала бал в честь приезда царя Николая в Тифлис, как танцевала с самим государем. Вспомнилось счастливое и безмятежное время в Петербурге, когда она была фрейлиной императрицы. А когда приехала в Тифлис, все завидовали ее красоте и юности и называли ее «первой невестой Кавказа»... Мысли шли вразнобой, и вот она уже окунается в детские воспоминания. Москва... Попала как-то в грузинскую колонию, и за ней погнались собаки... Встреча с будущим мужем Давидом Чавчавадзе, их первый поцелуй...

Под утро Кебит зашел в шатер к Шамилю. Тот молча взглянул на вошедшего.

– Имам, мы пригнали кого могли, и унесли сколько смогли.

– И кого вы пригнали?

Кебит заговорщически пригнул голову.

– Двух правнучек грузинского царя, мой имам.

– Веди сюда старшую.

Анна все еще лежала, привалившись к теплому буйволиному боку, и размышляла о свалившейся на нее и ее детей беде. Подошел Кебит.

– Вставай, красавица, тебя Шамиль кличет.

– Не то, что Шамиль, сам пророк позовет – не пойду, – ответила Анна.

– Что?! – повысил голос Кебит.

– А то, что я раздета.

Пришлось передать ее слова имаму. Тот нахмурил брови и велел вернуть женщинам кое-что из одежды. Анне принесли сверток с платьем, туфли, обе на левую ногу.

Рассвело. Возле шатра Шамяля было сложено все, что было добыто в набеге. Анна с трудом втиснула ноги в обувь и пошла вслед за Кебитом. Сидевший на сложенном четверо ковре Шамиль приподнялся при ее появлении.

– Твой муж мне много хлопот доставил, всюду мне дорогу перейти норовил, – начал имам, прищулив левый глаз. Это означало, что предмет разговора ему неприятен. – Теперь вот ты мне попалась, поглядим, что он делать станет.

– Мой муж исполнял свой долг, – ответила Анна.

Шамиль пристально рассматривал женщину. Ладное гибкое тело, молодое лицо, в котором читается гордость и хорошая порода.

– Ты такая молодая, а у тебя, говорят, четверо детей?

– Пятеро, имам.

Шамиль удивленно покачал головой.

– И я уже не молодая. – Анна сорвала с головы платок. – Вот, имам, что сделали со мной за одну ночь ваши молодцы.

Женщина была седа как лунь.

3

Весть о налете горцев на Кахетию и разграблении Цинандали дошла до Петербурга через три недели. Временный министр военного ведомства Адлерберг пошел на доклад к императору. Ступив в высочайший кабинет, министр сразу обратил внимание на помятое и хмурое лицо Николая.

Адлерберг знал, что минувшие три дня император провел в своем охотничьем домике, а царское одиночество скрашивала его, Адлерберга, супруга, красавица из фамилии Нелидовых. Сейчас император был не в духе, а может, хотел казаться таковым, но вошедшему не было предложено сесть.

Военный министр молча глядел на Николая, не умея скрыть неприязни. Будь его воля, он проглотил бы его величество заживо. Для него не было открытием, что император проводит время с его женой и тайно, и открыто, даже не считая нужным это скрывать. Однако изменить что-

либо было не во власти опозоренного мужа. При дворе, как водится, шушукались, и даже окрестили Николая «коронованным жеребцом». Адлербергу ничего не оставалось, кроме как молча сносить унижение. После долгих терзаний он дал себе слово ничем себя не выказать: всё лучше, решил он, если твоя жена будет с императором, чем ты сам останешься ни с кем и ни с чем...

Стоявший навытяжку министр сделал над собой усилие, разомкнул плотно сжатые губы и произнес:

– Как поохотились, Ваше Величество, надеюсь, удачно?

Николай поднял на него холодные глаза:

– Удачно, – сухо сказал он, надеясь, что тот не поймет скрытого смысла его слов. – С чем пожаловали?

– Государь, Михаил Семенович пишет...

– И что такого пишет?.. – нетерпеливо переспросил Николай. Ему не хотелось сейчас отвлекаться на государственные дела. Перед глазами стояла белокожая красавица Нелидова. Он все еще ощущал всем существом ее горячее тело, неистовые ласки, сладость ее губ, и уходить из этого мира грез ему никак не хотелось. С тем бы и отправил военного министра, если бы не последовавшие за этим слова:

– Плохие новости, Ваше Величество. Шамиль напал на Грузию, сжег и разграбил несколько волостей. Наместник о сём пишет.

Николай вскочил.

– Черт знает, что творится! С тех пор как Воронцов служит на Кавказе, я ему целый корпус выделил! В Закавказье у него девятнадцать батальонов! Итого на Кавказе три сотни тысяч наших штыков! Самому Кутузову столько не снилось... Как мог он допустить Шамиля в Грузию? Не пойму я, то ли генералы мои воевать разучились, то ли обленились. Стар Воронцов, стар, не годится он более в чине главнокомандующего.

Адлербергу было приятно, что Николай вышел из себя. Пусть хоть треснет. И он мстительно подлил масла в огонь:

– Ваше величество, Шамиль угнал в плен двух внучек грузинского царя Георгия Одиннадцатого... Анну Ильиничну и Варвару Ильиничну. Помните, Ваше Величество, во время Вашего пребывания в Тифлисе Вы пригласили на танец барышню, Анной звать.

– Но как мог Воронцов пропустить Шамиля в Грузию? – вне себя от ярости, рвал и метал император. – А части мои на Лезгинской линии куда смотрели?!

– Шамиль в Грузии оказался неожиданно. Направлялся в Батум. Там высаживаются турецкие войска, говорят, в сорок тысяч численностью. Предводителем у них Омар-паша. С ними и должен был объединиться Шамиль, чтобы вместе идти на захват Тифлиса. Однако, как донесли наши лазутчики, Шамиль рассорился с турками и отказался вступать с ними в союз.

– Хоть это радует... – Николай остановился посреди кабинета – именно так он любил отдавать команды – и бросил через плечо: – Та барышня, с которой я танцевал... она разве не фрейлина моей супруги?

– Была, Ваше Величество. Нынче она замужем.

– За кем же?

– За подполковником Давидом Чавчавадзе, сыном генерал-адъютанта Вашего брата, Александра Чавчавадзе.

– Вызволить царевен немедленно, – приказал Николай, подходя к окну и глядя на мутные воды Невы. Помолчав, добавил: – Что в Европе скажут...

– Уже говорят, Ваше Величество.

– Выкуп заплатите, от моего имени снарядите гонцов к Шамилю.

– Шамиль требует его сына отдать.

– Сын его в моем охранном полуэскадроне служит?

– Да, ваше величество.

– С оружием в руках?

– Именно так, ваше величество.

– Немедленно убрать его из полуэскадрона.

– Куда прикажете отправить?

– В уланский полк.

– Государь, из Тифлиса срочная депеша пришла. За спасение царевен из плена готовы идти в заложники и просят вашего позволения трое князей и четыре уорка, и еще пятеро купцов.

– Так пусть идут.

– Шамиль на это не согласен.

– Чего же ему угодно?!

– Пускай, говорит, сам Воронцов придет ко мне и сдастся, либо золота дадут на вес пленниц.

Николай расхохотался.

– Однако, аппетиты у этого разбойника! – Резко оборвав смех, впился в лицо Адлербергу холодным взглядом: – Сообщите Воронцову: пусть делает что хочет, но пленниц вызволяет. Что в Европе скажут, слыханное ли дело... Немедля!

– Слушаюсь, Ваше Величество!

Повернувшись на каблуках, Адлерберг удалился из кабинета. Николай посмотрел ему вслед и подумал: «У этого клешненого такая красавица жена. Несправедлив бог. Зачем он соединил красавицу с убожеством? Несправедливо».

Он опустил в кресло, и опять перед глазами встал образ Марии Нелидовой, кожей рук он вновь ощутил ее податливое мягкое тело...

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

ВСАДНИК ЧЕСТИ

Накануне 105-летия со дня рождения Алима Пшемаховича Кешокова мне хотелось бы, пусть и негромко, но с гордостью сказать, что и сегодня его произведения, даже те, которые появились на свет много лет назад, не стали литературной историей, а соприкасаются с животрепещущей современностью, укрепляют душу читателя в наше сложное и противоречивое время.

В. Солоухин писал: «Для истинного поэта поэзия – это и есть его общественное поведение, а его поведение – это и есть его поэзия».

Да, это так, но хотелось бы, тем не менее, вспомнить один случай из нелитературной биографии писателя. В народе говорят, что Алим Пшемахович, некогда занимавший пост заместителя председа-

Алим Пшемахович Кешоков

теля Совета министров, принял решение, идущее вразрез с официальной политикой того времени – ликвидацией личного подсобного хозяйства тружеников села. Дальше – понятное дело. Вот откуда идут «художественные просчеты» тогда еще не опубликованных и даже не написанных Кешоковым произведений. В действительности все было, конечно же, куда сложнее, но народ всегда и во всем верно расставлял акценты и никогда не приписывал легенд людям, их не заслуживающим. И в ответ на доверие – всегда мужественное, честное, выстраданное и гордое слово поэта:

*Я жил под щедрым камнезвездным небом,
Я стал частицей этих твердых скал.
Порой из них не мог я выжать хлеба,
Но слово я из камня выжимал.*

Долитературная традиция адыгов, от нартского эпоса до историко-героической песни, стремилась воплотить в себе мир человека в самых его глубоких проявлениях и связях с бытийными основами. Вот где творческое кредо А. Кешокова. К какой бы теме он ни обратился (любовь, горы, человек труда), всегда можно наблюдать в его творчестве этот эпический синтез, тот лироэпос (соединение лирического начала с народно-эпической традицией), который отличает почерк Кешокова,

поэта и прозаика. Приведем несколько примеров из раннего творчества А. Кешокова с его романтическим порывом и устремленностью к гармонии, к пластике легенды.

*О, если б мне чудесный конь достался,
Не стал бы я на нем сидеть в седле:
Вскочил бы на хребет его и мчался,
И Млечный Путь провел бы на земле.*

А вот и другие, прекрасные своей лукаво-ироничной концовкой, стихи:

*Куда тебя, прить молодая,
Несет под полночной луной?..
Смеется джигит: «Никогда я
Не езжу дорогой дневной!» –
«Безумец, коль веришь в удачу,
Посватай-ка дочку мою!
Добьешься согласия – в придачу
Любого коня отдаю!» –
«Чужих скакунов не седлали,
Дареных не держим коней.
А дочка твоя... – не она ли
Под черною буркой моей!..»*

Дальнейший поиск художественного решения коренных проблем народного бытия трансформирует традиционную лирику А. Кешокова в философскую. В силу этого – значительность поэтической образности, ее действенность на сознание отдельного читателя, а также на развитие национальной литературы. Лейтмотивом творчества А. Кешокова была и остается тема родины в ее радостных и трагических испытаниях:

*Скала единой глыбою была,
Была она величьем знаменита,
А ныне даль осколками покрыта,
Судьба народа, как судьба гранита.*

За постоянством темы стоит нарастающий философский потенциал, художественное преодоление противоречий бытия, что делает творчество А. Кешокова типологичным творчеству таких известных советских поэтов, как К. Кулиев, Р. Гамзатов, М. Карим, А. Кугультинов и другие. В оценках нашей и союзной критики творчество А. Кешокова стало не только ориентиром, но и мерой в оценке развития национальной и советской многонациональной культуры.

Национальная эпопея «Вершины не спят» повествует об этапе истории и типе жизни кабардинского и балкарского народов предоктябрьской,

революционной и послереволюционной эпох. А. Кешоков художественно исследует закономерности этого исторического движения, которое воедино связано с судьбами отдельных героев. Народ и революция, утверждение социалистических преобразований в Кабардино-Балкарии, становление национальной интеллигенции – вот далеко не полный перечень тем, которые нашли отражение на страницах «Вершин...» Мы уже много знаем о трагедии 30-х годов, но только из центральной прессы. Социально-политическую же атмосферу 20–30-х годов в нашей республике уважаемые доктора фальсификации (по удачному выражению Р. Быкова) продолжают трактовать с вульгарно-социологических позиций. Неужто беды тех лет, нависшие над всей страной, благополучно миновали нас? Не верится мне, что именно Калмыков оградил республику от невиданных по масштабам репрессий. В этом смысле «Вершины...» остаются единственным источником, раскрывающим перед нами драматизм этой эпохи. И поскольку нет возможности в одной статье коснуться всех трагедийных фигур тех дней, остановлюсь на неисчерпаемом для адыгских литератур герою Казгирею Матханове.

Вызревание нового для нас классового самосознания носило не всегда только созидательный характер (скажем, деятельность Инала Маремканова). Вспомним один из ключевых диалогов «Вершин...».

Инал говорил: «И теперь я уже не скажу: наши пути еще могут слиться. Нет, они не сойдутся никогда, как не сойдутся вновь эти два ручья». Казгирей, как бы вновь обдумывая речь Инала, искал возражения: «Эти ручьи опять сольются, если убрать вон ту скалу, которая их разделила... Видишь ее?»

Одно из самых осязаемых достижений нового мышления – это то, что общечеловеческие интересы ставятся сейчас выше классовых. Этот непривычный для литературной критики ключ открывает нам новые проблемные грани в опередившем время кешоковском произведении. Он позволяет убрать скалу, разделяющую прошлое и настоящее.

Я думаю, что один из лучших интерпретаторов творчества А. Кешокова М. Сокуров сейчас уже уточнил бы свои слова, написанные лет двадцать назад: «Логика социальной борьбы беспощадно изобличает объективно несостоятельную, реакционную в своей основе идею шариата, на основе которой Матханов тщится примирить враждующие социальные сословия и классы».

Не упрощает ли это драматическую жизнь и судьбу Казгирея Матханова, возможно, лучше знавшего свой народ, его специфическую реальность? Для народа (тогда) или для его части (сейчас), не преодолевших фольклорно-религиозного сознания, Матханов-Катханов (я сознательно, возможно, более чем нужно, при анализе литературных произведений акцентирую внимание на прототипе Матханова) был и остается духовным ориентиром, духовной стабильностью.

Да, действительно, Казгирей Матханов – большая удача писателя, но где же истоки это самого загадочного в адыгских литературах героя? Я уже несколько раз называл «Вершины...» эпопеей, и кажется мне, что критики и литературоведы обкрадывают себя, называя ее романом-дилогией, а теперь романом-трилогией. В этом богатом художественном мире озвучены все звенья народно-эпических традиций – от обычных основ до элементов быта, уходящих своими корнями в фольклорно-мифологические представления адыгов. А. Кешокову удалось воссоздать диалог традиций в конкретно-исторических условиях. Мне, например, интересно, что духовные искания Жабаги Казаноко и Казгирея Матханова обозначены одним путем: Северный Кавказ – Москва – Мекка. Я привел этот пример не только ради внешней, но и более глубоких аналогий, хотя писатель, возможно, приходит к ним подсознательно. Ощущаются и генетические корни «Вершин...» – это история Шоры Ногмова и идеи баксанского просветительского центра.

В «Сломанной подкове» народ снова предстал перед своей судьбой. Всегда актуальную проблему нравственности выбора, возникшую перед целым народом, А. Кешоков воссоздает в борьбе лучших народных традиций с национальной замкнутостью (Локотоп-Бештоев). Диалектическое понимание соотношения национального и интернационального делает «Сломанную подкову» многомерным произведением. И здесь писатель дал ряд запоминающихся национальных характеров, ставших неотъемлемым фактором нашего сознания и национальной культуры в целом. Образ Хабибы – центр национально-художественного повествования. Именно у таких людей, как Хабиба, учился понимать жизнь А. Кешоков и, как говорится, вернул народу образ обогащенным.

Для «Сломанной подковы» точка зрения автора совпадает с народной, и идет она из глубины народного бытия, а потому идея целостности, единства мира, пусть и расколовшегося на мир Добра и Зла, сводима к формообразующему центру повествования, образу Хабибы. Отсюда, в силу следования фольклорной мотивировке, движение коллизии в «Сломанной подкове» осуществляется не столько по причинно-следственной логике внешних событий, сколько по глубинной логике борьбы Добра и Зла. Отсюда – включение в сюжет, казалось бы, не влияющих на интригу эпизодов. Словом, для творчества А. Кешокова характерна тяга к эпическому мышлению. То, что писатель вклинился «Саблей для эмира» в уже сложившееся произведение, только лишний раз подтверждает эту мысль.

Если рассмотреть прозу А. Кешокова в рамках эволюции жанровых форм в национальной литературе, то вырисовывается путь писателя от эпикей к собственно романному мышлению. Рискну предположить, что «Сломанная подкова» была задумана в традиционных требованиях жанра романа, но автор вынужден был следовать за саморазвитием образа Хабибы и не смог, возможно, реализовать свой первоначальный замысел, но кабардинская литература выиграла, таким образом, многое. Интересно,

что этот замысел, как мне кажется, был реализован неожиданно и для писателя, и для критиков в «Восходе луны». Свою роль здесь, наверное, сыграло не сущностное знание восточной жизни, а «взгляд со стороны», ибо в этом случае «легче» было придерживаться творческой установки.

Если вернуться к «Сломанной подкове», то можно сказать, что герои А. Кешокова выдержали трудные испытания, нравственный итог которым подводит Бекан, выражая в форме традиционной мудрости новое отношение к историческому пути своего народа: «Не сломанная подкова прерывает путь, а сломанная воля. У нас сломана лишь подкова, воля не сломана».

Что и говорить, «Сломанная подкова» – сложная вещь, отсюда трудности не только творческого порядка. Наша литературная, и не только литературная, общественность понимала и решала эти непростые проблемы с необыкновенной легкостью. Критика А. Кешокова (только одного А. Кешокова) в иные времена была доступна всем, и некоторые стратеги, наблюдавшие за суровыми событиями Великой Отечественной войны со стороны (отсиживаясь на родине Руставели), спустя много лет после войны храбро атаковали ее непосредственного участника всеми имеющимися под рукой демагогическими средствами и приемами. Даже несмотря на активную поддержку московских критиков, в республике была создана ситуация, когда можно было сделать себе на неприятии «Сломанной подковы» карьеру или, в крайнем случае, надолго закрепиться на престижной должности. «А лбы их были крепкие!» – сорвавшимся (через много лет после всего этого) голосом произнес на вечере К. Ш. Кулиева Алим Пшемахович. Я впервые видел тогда этого всегда мужественного человека растерянным. Кто знает, не пришли ли тогда ему на память давние его стихи, посвященные верному другу, которого уже не вернуть:

*Мы – всадники, что стремя в стремя
Летят, избрав нелегкий путь,
И волны поднимает время
И опускает нам на грудь.*

Нужны ли нам сегодня эти воспоминания о прошлом? В том конфликте я вижу драматическую сторону дела: один, будучи настоящим художником, видел историю своего народа в перспективе, другие не могли не руководствоваться сиюминутными правилами игры. Такого рода трудности А. Кешокова не преодолены и «перестройкой». Например, до сих пор не звучит по радио прекрасная песня «Адыгское небо».

Но вот что говорит сам А. Кешоков о национальном: «Я уверен, что национальное своеобразие – это то, что людей сближает, а не разъединяет».

И я уверен, что творчество А. Кешокова станет знаковой основой и ориентиром наблюдающегося в последнее время роста национального самосознания в условиях противоречивой для традиционных культур глобализации.

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ПОЭТОВ

У него никогда не было того, что именуется звездным часом, когда бы его превозносили и прославляли. Баловнем судьбы он не был, хотя считаться с собой он заставил многих. Да, он бывал на высоких должностях – и на государственных, и на партийных, и на писательских. Но он никогда не был тем «номенклатурным» классиком, которого назначают власть предержащие по спущенной сверху разрядке во исполнение «кадровой политики партии и государства». Те, которые по номенклатуре бывают на устах у всех, пока они у власти или на тепленьком месте за властью; а уйдут они из жизни – и впору все их опусы в одну могилу вместе с телом опустить, а в этом мире оттого много не убудет. С Алимом Кешоковым совсем по-другому. Он сам, иногда вопреки обстоятельствам, прокладывал себе дорогу, прокладывал не лестью и лукавством, а талантом и характером. Прокладывал, оставаясь до щепетильности порядочным, без каких бы то ни было проявлений карьеризма, избегая конформизма в обстановке общего увлечения этим недугом, не прибегая к прорепетированным артистическим эффектам, что было чуждо его натуре.

***

Чуть ли не каждое утро я прохожу мимо, идя на работу, а вечером – с работы домой. И всегда на скамеечке под ореховым деревом кто-то сидит. Это или пенсионер, вспоминающий его строки, или молодые люди, назначившие встречу у благого места, или просто прохожие, решившие передохнуть в тени дерева, уж совсем не блещущего парадной мишурой. Памятник непритязательно примостился в таком уголке, что ничего помпезного вокруг него и не возведешь. Вопреки логике архитектурной организации пространства, он стоит в углу у перекрестка двух не самых больших улиц, в стороне от двух зданий городской администрации, никак не образуя с ними ансамбля. Поблизости нет ни театра, ни концертного зала, ни школы искусств, ни чего-либо другого, указывающего на полет фантазии. Только этот памятник и растущее рядом дерево. Оно немного неказистое, но мощное, как творчество писателя, почему-то пристроившегося рядом с ним. Но люди приходят, останавливаются, садятся на скамейку или просто стоят. Проходят одни, являются другие. Вот так это неприметное место наполняется чистотой духовности, которой недостает нам и в обыденной жизни, текущей через перекресток, и в ожидании приема у высокого лица из муниципального заведения, и в общении молодых людей, у которых впереди такая долгая жизнь, что поэзии в ней сейчас самое время и место. Убери памятник вместе с постаментом или

водрузи здесь фигуру не поэта и писателя, а какого-то государственного деятеля – и кругом станет уныло и буднично. Где-то там, на широких площадях и парках, прекрасно и без него, а тут он – как кусок синего неба в пасмурный день или колодец, который он сам воспел в одной из своих замечательных поэм... Значит, он здесь нужен, даже необходим.

XX век войдет в историю наших народов как время воистину великих поэтов и писателей – писателей с поэтической душой, которые не только сами прославились, но прославили и свой край, и свои малочисленные народы.

Сказать, что Алим Кешоков – это целая эпоха для кабардинской литературы, означало бы доказывать, что Земля вращается вокруг Солнца, Луна – вокруг Земли: и так все об этом знают. Другое дело – что же все-таки дает нам основание признавать подлинное величие этого воистину выдающегося человека? Думаю, что и на этот вопрос ответы будут разные, однако не противоречивые, а взаимодополняющие. Все дело в том, что – как явление совершенно незаурядное – Кешоков многозначен, и характер отношения к себе он заслужил многократно и многими своими особенностями. Конечно же, он не основоположник современной национальной литературы, потому что у него были выдающиеся предшественники. Были до Алима Кешокова и кабардинская литературная поэзия, и повести и романы, и достойные всяческих похвал драматургические произведения. Без каких бы то ни было преувеличений можно говорить о признаках гениальности в поэтическом наследии одного из последних представителей устной джегуаковской традиции Ляши Агноко. Выдающимися поэтами письменной культуры были Бекмурза Пачев, Исмаил Клишбиев и, конечно же, неподражаемый Али Шогенцуков. Это – только на поэтическом поприще. В прозе ему предшествовали погибшие в роковые для национальной интеллигенции тридцатые годы Сосруко Кожаев, Мухамед Дышеков, Джансох Налоев, а поближе к нашему времени – Тембот Керашев, Хачим Теунов, Аскерби Шортанов, Хапача Каширгов и некоторые другие, нынешнему поколению менее известные, но имеющие бесспорные заслуги перед родной культурой. На этом фоне его фигура замечательна не только тем обстоятельством, что она не потерялась в общей массе, а еще и тем, что этот с виду довольно скромный человек сумел вобрать в себя все лучшее, что было в своих предшественниках, и умножить их достоинства благодаря своему огромному дарованию и гигантскому трудолюбию. Да, поэмы и стихотворения великих Бекмурзы Пачева и Али Шогенцукова – это классика национальной лирики и лиро-эпики. Но поэмы Кешокова продолжают и совершенствуют то лучшее, что было у старших собратьев и учителей. Многие лирические стихи Бекмурзы Пачева и того же Али Шогенцукова до настоящего времени мы по праву считаем поэтическими шедеврами. Но насколько дальше ушел от них Алим, поднявшись на их плечи, какие

высокие образцы лирической поэзии создал! Вместе с тем, он никого не повторяет механически, а творчеством своим развивает те стороны дарования своих предшественников, которые воистину замечательны как явления культуры слова, явления искусства.

Желая привести яркий пример, мы обычно обращаемся к наиболее удачным переводам на русский язык, и это стало общим правилом, что понятно: в пример приводят лучшее из доступного восприятию. Но есть у Кешокова стихи, которые на родном языке просто поражают, а при переводе выглядят банальными и бледными. Так, например, ни один из переводчиков не смог донести до иноязычного читателя глубину и красоту звучания всего лишь двух строк из стихотворения «Поэзия»:

**Си пащлэр фыщлэу сынежьями,
Си жьяклэр хужьу сыпущащ.
В буквальном переводе это будет так:
Черноусым я к тебе навстречу вышел,
Белобородым я с тобой повстречался.**

Но это только смысл, а от всего, что в этой фразе содержалось поэтического, в русской редакции остается только банальное противопоставление «черное – белое». Трудно передать переводчику и структуру стихотворного текста: в каждой строке по четыре слова, причем они образуют параллельные грамматические конструкции, а еще они скрепляются анафорой (сходным началом каждой строки), ассонансом на звук **-а-** (в обеих строках этот звук стоит в одних и тех же позициях, причем ударных, – в начале стиха и в его конце, как бы обрамляя ритмически и лексически равные части фразы, разделенной надвое), аллитерацией (позиционно неслучайным повторением согласного звука – здесь это троекратно повторенный **-жь-**). Я привел всего лишь маленький кусочек из стихотворения, а сколько таких других кусочков и целых стихотворений, если взять всё поэтическое наследие, которое в своей совокупности подобно волшебному ковру, испещренному бесчисленным множеством разнообразных искусных узоров, которые образуют единое гармоническое целое! Именно за то, невозможное переложить на закономерности другого языка, что наши великие Мастера умели создавать, мы и почитаем их как глубоко национальных поэтов. Вполне резонно спросить: а если они непереводимы, то что же составляет общечеловеческое в их шедеврах? Все дело в том, что общечеловеческое совсем не то, что глобально всесветное. Если поэты творят на мало кому доступном языке, еще никак не значит, что они замыкаются в своей скорлупе. Мало того, нет общечеловеческого без его воплощения в конкретную форму национального. Кому-то покажется странным, но в поэзии даже самых мастеровитых поэтов создаваемое с оглядкой на перевод, на всеобщность понимания чаще всего тяготеет к банальщине. Потому что личностное и национально своеобразное – это

те конкретности, которые «цепляют» наше сознание, остаются в нем надолго. Именно потому, что глубоко национально поэтическое мышление Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Эдуардаса Межелайтиса, Мустая Карима, Давида Кугультинова, каждый из них, как и многие неназванные, обрел достойное место в первом ряду отечественных поэтов XX столетия. Степень национального часто определяла и определяет общечеловеческое внимание, как интимное, личностное переживание лирического героя предопределяет интерес со стороны всего общества.

Быть первым по времени появления само по себе престижно, хотя и непросто. Намного сложнее быть не первым, но все же продвинуться хотя бы чуть дальше впереди идущих – настолько, чтобы заслужить славу не по праву первородства, а благодаря личным достоинствам. В этом плане особенно примечательной представляется кешоковская проза. Она никоим образом не заслоняет собой ни его поэзии, ни творчества прозаиков поколений его предшественников и современников. По отношению к его романам стихи Кешокова, насколько бы они ни были высоко самооценными, представляются подступами к созданию художественных образов, наполненных философской глубиной и облеченных в совершенную поэтическую форму. В этом отношении наибольшее число страниц в его романах – это образцы поэтического видения мира. Как бы ни было, его романы примечательны тем, что жизнь в них отражена с гораздо большей полнотой и разнообразием, чем удавалось это многим из его предшественников и современников. В романах какого советского писателя до появления дилогии «Вершины не спят» можно было найти образ настолько «полифоничного» большевика-лидера, у которого вместе с известными достоинствами обнаруживались бы и крупные недостатки, как это мы видим в образе Инала Маремканова? Не скажу, что ни у кого, но знаю наверняка – искать придется долго. Да и его духовный противник, Казгери Матханов, тоже не шаблонно выписанный «враг народа»: он, подобно типичным в советской романистике персонажам единого «стандарта», достаточно эрудирован, в поисках популярности не подстраивается под образ «человека из народа», даже носит пенсне, вечно возится с книжками и бумажками, в то время как иные больше полагаются на «товарища маузера». Но в прошлом он боевой красный командир, сознательно избравший свой путь в этой братоубийственной войне. Когда же она закончилась, он вновь интеллигент-просветитель, общественный деятель национального масштаба, искренне болеющий душой за язык, культуру, духовное здоровье своего народа и всего общества.

Создавать такие образы в советское время не каждый отваживался. Даже после кешоковского романа основными цветами для раскраски героев долгое время оставались красный и черный; использование широкой палитры было сопряжено с риском быть обвиненным в отступничестве от

принципов социалистического реализма. Но таков был характер Алима Кешокова, что он не столько думал о последствиях для себя, сколько о верности правде жизни и праву на свое индивидуальное видение. То же мы наблюдаем и в других его романах, за что он однажды здорово поплатился, если вспомнить грязную историю со «Сломанной подковой», когда чиновники, не приемлющие иных цветов, кроме ярко-красного, прозвали его «кабардинским Солженицыным», хотя его отношение к советскому государству и КПСС было принципиально иным. Поплатился он сознательно, поскольку от своей правды и не подумал отступить. Душой не кривил, на чужое не зарился, боялся не того, что может чего-то недополучить, а того, чтобы чего-то важного недосказать.

В этом плане не будь последнего, поистине исповедального, романа «Корни», Алим Кешоков покинул бы эту землю, не доведя до конца возложенную на него миссию. Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем, что «Корни» – это художественное завещание Поэта, Писателя и Гражданина. Литературоведы пока только пристреливаются к этому произведению, робко высказывают первые свои наблюдения. И это логично, так как литературной общественности еще предстоит разобраться, насколько многопланов и сложен этот роман. Но можно быть уверенным – когда подлинное значение его станет для читателя очевидным, нам предстоит многому еще удивиться.

Помимо того что Алим Кешоков был большим поэтом и писателем, это был человек, привыкший к государственным масштабам мышления. То и другое сочеталось в нем органично. Поэтому когда в конце восьмидесятых годов, во времена поголовного шельмования всех ведущих советских писателей, когда кого только в во всех смертных грехах не обвиняли, ни у кого из горластых критиков не поднялась рука написать дурное об отставном тогда «литературном генерале», который ранее много лет возглавлял очень уязвимое ведомство, занимавшееся столь щекотливым делом, как распределение материальных благ для писателей всей страны. Не поднялась рука у злопыхателей отнюдь не потому, что он умел всем угодить (характером, известно, он был не самый покладистый), а по той причине, что слишком очевидным было его ответственное отношение к своему долгу и справедливым было отношение к нуждам каждого из писателей. Прошло немного времени, и целая империя, деятельность которой он когда-то возглавил и отладил как совершенный механизм, была после него развалена и растащена по кусочкам. От великолепного Литфонда, бывшего опорой для десятков и сотен литераторов страны, остались одни воспоминания, а драчки за некоторые куски большого наследия продолжают до сих пор.

Всю жизнь Алим Кешоков хранил память о суровых военных годах, когда в экстремальных условиях на задний план отступали все мелкие проблемы и превыше всего ценились высокая порядочность, скромность,

крепкая дружба. Поколение писателей-фронтовиков – это особая, но никогда не обособлявшаяся часть отечественной культуры. Такие люди олицетворяют все лучшее, что содержала в себе Эпоха Великих Поэтов. Поэтов, которые ценили гражданственность и мужество, которые, не раздумывая, могли брать на себя ответственность за происходящее, несли свое сердце на раскрытой ладони и в тяжелый для страны час, не заботясь о личном благополучии и высоких привилегиях, становились на ее защиту, как рядовые солдаты.

Даже похоронить себя Кешоков завещал не где-нибудь на более приметном месте, а в глубине сельского кладбища, где покоятся его родные. Откуда вышел, туда и возвратился. С чем пришел, с тем и ушел. Не захотел он ни широкой площади, ни громких посмертных почестей. И славен он будет не званиями и наградами, не «самолетами и пароходами», а тем, что после себя оставил людям – стихами, романами, высокой духовностью. Это не потому, что награды были незаслуженные. Мало у кого из всего писательского генералитета было меньше, чем у него, всякого рода «петушиных перьев», и вряд ли у кого-либо все регалии были более выстраданными и заслуженными, чем те, которые достались ему за воинский и поэтический труд. Просто он изначально придерживался иной шкалы ценностей, и его душе большего не требовалось. Для нас же этого достаточно, чтобы признавать его великим сыном своего народа и хранить о нем благодарную память.

В одном своем четверостишии, суть которого ни один из прекрасных переводчиков не сумел выразить на ином языке во всей полноте, поэт пишет так:

МафIэр нэхуу хужь сурэтми,
Iугъуэм унэр фЫщIэ ещI.
Будто бы пламя и озаряет белый свет,
Его же дым чернотой покрывает жилище.

Пламя душевного горения сыновей рода человеческого, каким был Алим Кешоков, рассеивает далеко вокруг себя только чистый свет, и оно не затемняет никому обзора, оно не подвластно ветрам времени, пока на земле живут люди, тянущиеся к добру и свету, пока оглашают родную землю звуки его родного языка.

МЭТР АДЫГСКОЙ ПОЭЗИИ

Современные технологии достигли невиданного прогресса, но люди по-прежнему предпочитают предметы, хранящие тепло рук мастера, печать его индивидуальности. Высоко ценятся ковры и мебель ручной работы, машины ручной сборки. Роль творца неизменно возрастает в произведениях искусства. Там нет понятия конвейера или коллективного труда. Ломаного гроша не стоят здесь и произведения подражательного характера.

В оригинальных литературных произведениях узнаваем автор. Один из сборников А. Кешокова называется емким словом «Тавро». (Кстати, почти все произведения поэта имеют удачные названия.)

Действительно, «дамыгъэ» яркой творческой индивидуальности Алима Кешокова присутствует в любом его произведении. В течение долгих лет творчески богатой жизни он плодотворно выступал во многих жанрах литературы. Им созданы романы, удостоенные престижных премий, поэмы, киносценарии, повести, рассказы, очерки, эссе, статьи, рецензии, стихи.

В отличие от многих поэтов, пишущих стихи под напором молодости и переходящих с возрастом к прозе или драме, Алим Кешоков никогда не изменял поэзии, лирике в частности. Именно под его влиянием адыгская лирика вышла на всесоюзную литературную арену. Этот факт заставляет нас еще раз, в рамках статьи, обратить внимание читателя на самобытность лирики А. Кешокова, его национальное своеобразие, столь осязаемое в его творчестве.

В прозе А. Кешоков считается стилистом, в его произведениях много примеров образцового литературного выражения. Поэт, который переходит к прозе, вынужден преодолевать инерцию поэтической речи, ограничивать «плотность» выразительных средств языка. Этот процесс перехода от одного рода литературы к другому не представляет для А. Кешокова проблем, ибо его опыт, теоретическая подготовка, широкий кругозор, высокое образование облегчают данный процесс перевоплощения.

Если говорить о лирике, то стаж поэта здесь превышает полвека. Общеизвестно, что в лирике поэт непосредственно обращается к читателю, обнажая свою душу. Фундамент лирического стихотворения зиждется на жизненном опыте и интеллекте автора, творческой индивидуальности. Все это нашло отражение в лирике А. Кешокова.

В поэзии адыгских литератур, пожалуй, самая крупная фигура – Алим Кешоков, который принял поэтическую эстафету у А. Шогенцу-

кова. Конечно, в адыгской поэзии, особенно в 70–80-е годы, появились самобытные поэты: З. Тхагазитов, И. Машбаш, Х. Бештоков, М. Бемирзов, Х. Беретарь, Н. Куек. Их творчество сегодня вырисовывает новый уровень. Однако из этих поэтов никто не оказал такого влияния на современный литературный процесс, как Алим Кешоков, который получил всеобщее признание как в поэзии, так и в жанрах крупной прозы. На наш взгляд, поэзия А. Кешокова в последние десятилетия даже «обогнала» его прозу.

Алим Кешоков с раннего детства рос, как человек и поэт, в атмосфере того нового, что принесла в горы революция. Получив высшее филологическое образование (он окончил пединститут, а затем – аспирантуру при Академии общественных наук), принимал активное участие в сборе и публикации фольклора, в издании школьных учебников, в которых печатались произведения русских классиков в его переводах на кабардинский язык. Будучи директором Института национальной культуры в Нальчике, А. Кешоков сделал много для становления литературы в Кабарде.

Как поэт Алим Кешоков заявил о себе в середине 30-х годов. Его первые литературные опыты относятся к тому периоду, когда произведения его учителя Али Шогенцукова получили широкое признание и в Кабарде, и в Черкесии, и в Адыгее. Кешоков начинает развивать традиции лирики А. Шогенцукова уже в новом качестве. Лирическое выражение чувств Кешоков обогащает исследованием, философией. Обратившись к жанрам лирики, он начинает широко осваивать современную тематику, предметом изображения становится современник, в биографии своего поколения он видит типичные черты эпохи, ее тревоги и свершения. Постепенно отходя от фольклорно-эпического повествования и переноса в центр событий свое лирическое «я», он вместе с тем не теряет связей с фольклором. Эти связи более наглядно просматриваются в ранних произведениях поэта, где автор пользуется гиперболизацией и космизмом адыгской мифологии.

Кабардинский критик М. Сокуров, прослеживая поэтику фольклора в ранних стихах А. Кешокова, отмечает в них монументальность и гиперболизацию и приводит следующие примеры: «Кавказ упирается в потолок Вселенной», Кавказ – «Горб Земли», а в его сердце «клокочет вода», он «золотой сундук», веками остававшийся «запертым» – метафора, широко используемая в устной поэзии. И в программном стихотворении-четверостишии есть явные следы фольклорной поэтики:

*Океан чернил достался мне бы
И перо – горящий солнца луч –
Золотом я вывел бы на небе,
Как мой край и счастлив и могуч.*

С развитием творчества поэта отношение к фольклору приобретает новый уровень, он использует некоторые его приемы, наполняя новым содержанием старые каноны. Даже для зрелого поэта Кешокова свойственно «стремление к простору», к «космизму», к большим обобщениям.

Одной из характерных особенностей лирики А. Кешокова является «опредмечивание» мысли, отражение движения мысли в образе-переживании. У поэта мало стихов, показывающих сиюминутное переживание. Чувства передаются им для глубоких рассуждений. При этом он часто обращается к родникам национального бытия, к особенностям адыгского художественного мышления. Многие понятия из этого богатого арсенала поэт переосмысливает. Покажем это на примере стихотворения «Кинжал». Этот образ отражен в адыгском фольклоре, есть о нем пословицы, мудрые изречения. Алим Кешоков использует содержание пословицы «Два брата – что два лезвия одного кинжала», которая показывает силу дружбы. Поэт следующим образом развивает этот образ:

*Два лезвия кинжала одного,
Они спиной обращены друг к другу
И меж собою делят оттого
Один позор или одну заслугу.*

*Честь не двулика. И не раз бывало,
Кинжал надежно защищал ее.
Не потому ль два лезвия кинжала
Единое сливает острие.*

Далее поэт четко определяет свое нравственное кредо:

*Мерцает сталь холодная сурово
И я желаю более всего,
Чтобы сливались истина и слово,
Как лезвия кинжала одного.*

Перевод Я. Козловского

Алим Кешоков прекрасно разбирается в общественных веяниях времени, постоянно держит руку на «пульсе времени». Вслед за Али Шогенцуковым он прививает эстетический вкус современным формам поэзии. Этому способствует разностороннее восприятие национальной и мировой художественной культуры, активное взаимодействие с опытом русской классической поэзии.

Известно, что у адыгов, как и на всем Кавказе, яркое слово всегда ценилось и ценится не меньше, чем скакун или оружие оригинальной чеканки. Алим Кешоков удачно использует национальные атрибуты, к которым адыги привыкли с давних пор, но:

– То, что ты ищешь, – перед тобой.
 Вступи за счастье в бой горячий:
 Зовется счастьем этот бой.

Стихотворение заканчивает резюме:

*И я вступил на путь бойца,
 И нет пути тому конца.*

Перевод С. Липкина

Эти строки можно поставить эпиграфом к военной лирике Алима Кешокова. Следует сказать, что в поэзии военных лет образ автора становится более заметным, активным.

В послевоенный период возросло влияние на адыгский литературный процесс поэтов А. Кешокова, Б. Куашева, И. Машбаша. Более продолжительным является влияние А. Кешокова, выступающего в поэзии с 30-х годов. В его творчестве плодотворно сочетаются национальные традиции и опыт классической литературы. Традиционные национальные реалии: горы, кинжал, скакун, путь и другие присутствуют во многих стихах А. Кешокова, они у него становятся поэтическими символами, несущими большую смысловую нагрузку. Поэт переосмысливает традиционные символы, ставшие канонами в народной поэзии, вдыхая в них новую жизнь. Показательно в этом стихотворение «Путь всадника». Начинается оно с описания Млечного Пути, за которым идут вопросы, связанные с адыгским мифом:

*Какой скакал здесь всадник знаменитый?
 Какая цель сияла седоку?
 Коня какого звонкие копыта
 Сумели высечь звезды на скаку?*

Адыгская легенда гласит, что какой-то легендарный всадник во время всемирного потопа спас табун лошадей, уведя их по небу, поэтому адыги называют Млечный Путь «Шыхулъагъуэ» – Путь Всадника. Поэт обыгрывает этот сюжет по-своему. Он задает риторический вопрос:

*Куда седок направил путь? К любимой
 Спешил он, пылью звездною пыля,
 Чтоб храбрости его неколебимой
 Завидовала милая земля?*

Никто не знает имя всадника, хороших всадников много, но лишь ему одному удалось высечь на вечном небосводе свой путь. Стихотворение заканчивается неожиданно:

*О, если б мне чудесный конь достался,
 Не стал бы я на нем сидеть в седле:*

*Вскочил бы на хребет его, помчался
И Млечный Путь провел бы по земле!*

Перевод С. Липкина

Тут удачно использует поэт мифологический образ для передачи характера современника, стремящегося к подвигу для народа, для человечества. Поэзия Алима Кешокова военных лет сыграла большую роль в ускоренном развитии адыгской поэзии, в частности, в развитии пейзажной, любовной, гражданской и философской лирики. В его стихах этого периода мы почти не встречаем явлений и событий на уровне первоначального постижения, что было свойственно многим адыгским поэтам 20–30-х, да и 40-х годов.

В послевоенное время Алим Кешоков издает поэтические книги «Путь всадника» (1946), «Земля молодости» (1948), «В новом доме» (1955), «Избранное» (в 2-х томах, 1964), «У меня в гостях», «Тавро» (1969) и другие. В них поэт стремится к выразительности своего стиля, к «своей посадке в седле». В данном плане знаменательно стихотворение «Тавро», давшее удачное название одному из сборников поэта. А. Кешоков опять возвращается к образу коня, который прославляет своего хозяина на скачках, неся фамильное тавро. Тавро венчает мастера и в кубке, на оружии или перстне. Поэты тоже ставят под стихами свое тавро – свои фамилии,

*Но те лишь вырвались в пророки,
Чьи, взмывшие из-под пера,
Всегда узнать нетрудно строки
И без наличия тавра.*

Далее поэт выражает свое отношение, свои переживания о стихах:

*Пишу и думаю в тревоге
Сегодня так же, как вчера:
Оценят всадники ль в дороге
Вас – кони моего тавра?*

Перевод Я. Козловского

Поэт стремится к яркой творческой индивидуальности. Его зрелому художественному мышлению свойственна ассоциативность, пронизательность, раскрывающая глубокий смысл жизненных явлений, что было отмечено еще М. Светловым: «Очень редко поддается он соблазну воспользоваться близлежащей ассоциацией, которую читатель может найти и без помощи поэта». М. Светлов отметил также, что у Кешокова «чудесное поэтическое зрение» и «чувство нового».

А. Кешоков находит в самых простых вещах поэтичность и глубокий смысл. Часто он оставляет читателю «право» на обобщение, как, например, в стихотворении без названия:

*Колосья противиться ветру не в силе,
И головы в зрелые дни,
Как будто под тяжестью мыслей, склонили
Под тяжестью зерен они.
И видят колосья, насквозь золотые,
Что рядом, бездетно-легки,
В усатой среде их собратья пустые
Стремятся стоять, как штыки.*

Перевод Я. Козловского

Очень удачно использован эпитет «в усатой среде», который помогает придать национальный колорит философской миниатюре.

Стихам А. Кешокова в последние десятилетия свойственны в большей степени философичность и лаконизм. Он вводит в адыгскую поэзию новый жанр, который автор назвал «стихи-стрелы». Это отдельное четверостишие с выводом, резюме. Вместе с этим в адыгской поэзии появляются цикличности. В данном случае цикл стихов-стрел о «мудростях жизни» берет истоки в восточной поэзии. Возможно, влияние О. Хайяма. Интересно, что северокавказские поэты Р. Гамзатов, А. Кешоков, К. Кулиев, Д. Кугультинов в 60-е годы «наперегонки» создавали философские четверостишия. На мой взгляд, популярность северокавказских поэтов, в частности Р. Гамзатова, К. Кулиева, А. Кешокова, у всесоюзного читателя в известной степени связана с тем, что они поведали просвещенному миру особенности художественного мышления своих народов. Ведь национальная художественная психология малых народов содержит много добродетелей, «забытых» классическими народами.

Эти поэты-лидеры, находясь в сходных обстоятельствах времени и места, обратились к истокам восточной поэзии. Гамзатов свои стихи назвал «надписи на камнях», а Кешоков – «стихи-стрелы», заранее указывая читателю на краткость жанра и философичность. В них мы видим поэзию мысли, жизненный опыт, лукавые наблюдения. Есть стихи-стрелы, несущие черты притчи и басни. Таково, например, стихотворение «Осел»:

*Решил осел, когда попал в табун коней:
«Порву я навсегда с породю своей.
Начну, как лошадь, ржать, и будет мне хвала».
Заржал, но по ушам узнали все осла.*

В другом стихотворении бичуется поэт, который много кричит, автор сравнивает его с... коровой, но «давно замечено, всех громче в стаде кричит малоудойная корова» («Мычание»). Изобличаются в стихах-стрелах многие пороки людей: хвастовство, безделье, гражданская трусость и др. Приведем пример:

*Свинья пред львицею решила покичиться:
Я – мать семи детей, а ты лишь одного.
– Он у меня один, – в ответ взревела львица, –
Но помни: львом зовут ребенка моего.*

Нравственные искания современника 60-х годов, тревоги людей тех лет нашли отражение в стихах-стрелах. Лирический герой хочет взобраться на Луну, чтобы вернуть на Землю тех, «кого до неба вознесли», он завидует скромности гор:

*О высоте своей молчат вершины –
И ниже не становятся при этом!*

«Горы»

Как и во многих других жанрах, А. Кешоков обыгрывает устоявшиеся образы, пословицы, притчи, придавая им новое звучание. Он доказывает обратное, как например, в четверостишии «Ум девичий»:

*Короче кос девичий ум? Едва ли!
Все убедились: он могуч весьма.
Мы с ним столкнувшись, головы теряли,
Исполненные строгого ума.*

Общеизвестны слова А. С. Пушкина о том, что «проза требует мыслей и мыслей». Однако и поэзия требует не меньше мыслей, она начинается с мысли. Размышления о частностях доходят в ней до философских обобщений. Есть они и у Кешокова в следующем четверостишии:

*Как лезвие меча, история длинна,
Но память коротка ее, как рукоять:
Послужит лишь тому оружием она,
Кто сможет рукоять в своей руке зажать.*

«Память истории»

В «стихах-стрелах» А. Кешокова главенствует мысль, думы поэта выступают, так сказать, в чистом и спрессованном виде.

Эти раздумья приближаются по своей выразительности к пословицам и поговоркам – настолько они резюмируют наблюдения над сложными явлениями жизни. В них добывается истина с помощью сжатых описаний, риторических вопросов, на которые даются ответы.

Приведем еще несколько примеров, которые наглядно показывают оригинальные находки. О поэте («Неизвестный поэт») автор говорит:

*Бездомным был всегда, – но с самой колыбели,
Слова, что он сложил, в домах повсюду пели.
Он прожил для других всю жизнь, людей любя,
Лишь после смерти он стал жить и для себя.*

Парадоксальное мышление свойственно и другим произведениям поэта:

*Для будущего должен я бороться,
Для будущего – труд, любовь моя,
Для будущего песнь моя поется,
Так, значит, будущее – это я!*

«Будущее»

Или же в четверостишии «Недругам»:

*Я – чей-то друг, но есть враги и у меня.
Спасибо вам, друзья, за вас в огне сгорю я!*

*О недруги мои, и вас благодарю я;
Вы для меня – что плоть для резвого коня.*

Поэты давно изощряются в «заглядывании в глаза любимых», в которых читают все новые и новые мысли. А. Кешоков сравнивает глаза любимой с интересными страницами книги, переворачивающимися «ресницами каждый день». Однако книга имеет конец, но в глазах все «новые страницы». Интересная находка и в стихах «Какой нации?». Такой вопрос задают некоему Ахмеду, взявшему ребенка из детдома, на что следует ответ:

*... Ответить не могу пока.
Когда заговорит он – пойдем наверняка!*

Данный жанр (стихи-стрелы) получает в творчестве А. Кешокова разную инструментовку. В нем сочетаются и описания, диалоги, риторические вопросы. Стремится он быстрее отойти от канонов, морализации и назидательности, которые захлестывали молодую поэзию 30–40-х годов. Даже названия стихов А. Кешокова начала 60-х говорят о тяге к самобытности, к творческой индивидуальности, к собственному стилю.

Критик М. Г. Сокуров назвал поэта «связующим времен». Действительно, А. Кешоков соединяет творчество трех поколений адыгских поэтов. Влияние его творческой индивидуальности на развитие лирики (и не только лирики) очевидно, хотя оно находится не на поверхности литературного процесса. Стремление к сжатой форме выражения поэтической мысли находит отклик и у других адыгских поэтов. Этот жанр Р. Гамзатов называет «надписи». А. Кешоков назвал его: «стихи-стрелы». Их последователи проявляют свою поэтическую индивидуальность примерно так же, в пределах четырех строк с обязательным «резюме». Преемственность в этом жанре мы видим у черкесского поэта Б. Тамбиева (свои четверостишия он назвал «думы-искры»). В своих четверостишиях Б. Тамбиев хочет «высекать» мысли. В одних случаях это ему удается, как, например, в стихах «Красота ее, душа...», «Женщина», в которых ставит вопросы о ценностях непреходящих. В четверостишии без названия он пишет:

*Трудно жить, когда в твой дом ходоки
Ложь и равнодушие женичины.
Легче иметь врагами весь аул,
Чем станет враждовать с тобой жена.*

Перевод подстрочный. – Х. Б.

Есть у поэта и «философские» стихи, где раздумья сводятся к выводам, не вызывающим удивление читателя, не заставляющим думать о сложной диалектике жизни («Человек когда счастлив», «Есть на небе много звезд»).

В этом отношении больше удач у кабардинского поэта З. Тхагазитова. Он обладает «зорким» сердцем и чувством юмора. Вот как бичует он тех, кто не знает сути жизни:

*Его сердце и душа убиваются:
Что я унесу из мира этого?
Но почему он себя ни разу не спросит:
А что я оставлю на этой земле?*

Перевод подстрочный. – Х. Б.

Смеется автор и в адрес «ученого», который смотрит «литературными глазами», и в адрес жестокого подхалима («Два вида»), гнущегося перед сильным и выпячивающего грудь перед слабым. Автор иногда оставляет вывод за читателями, как, например, в стихотворении «Сатира»:

*Встретились два дурака и радуются, рот до ушей разинув,
Будто вся радость досталась им на двоих.
Но почему же двоим умным
Всегда не хватает радостей мира сего?*

Перевод подстрочный. – Х. Б.

Интересны наблюдения о труде поэта, о радостях и муках творчества:

*То хочет жить, пустив перо вперед,
То стонет, оставшись без слов.
Поэт погибает не от сказанного,
А от невысказанных слов.*

Перевод подстрочный. – Х. Б.

Влияние А. Кешокова на творчество других поэтов не лежит на уровне подражания. Он вдохновляет молодых поэтов силой примера, осваивая все новые и новые жанры. Это влияние пробуждает их собственные поэтические силы. А. Кешоков во всем стремится к самобытности, к своей индивидуальности, но не к оригинальничанию. Он хочет, говоря словами самого автора, быть «поэтом со своей посадкою в седле». А. Кешоков описывает историю о том, как издревле адыги ставили на лошадях тавро, как прославляли скакуны фамильные знаки, и заканчивает тревогой о судьбе своих стихов-скакунов:

*Оценят всадники ль в дороге
Вас – кони моего тавра?*

«Тавро». Перевод Я. Козловского

На Кавказе всегда меткое слово ценилось очень высоко, поэтому вполне естественно стремление Р. Гамзатова, А. Кешокова, К. Кулиева,

И. Машбаша и других современных поэтов к медитативной, философской лирике. У этих поэтов раздумья в стихах часто идут по методу ступенчатого сужения формы, доходящей до фразы и меткого выражения.

Как видно из описанного выше, А. Кешоков достиг высокой самобытности, у него «своя посадка в седле». Он имеет свой личный взгляд на вещи, оставаясь всегда Алимом Кешоковым. В. Вересаев еще в 1921 году написал интересную лекцию – «Что нужно для того, чтобы быть писателем?», в которой говорит следующее: «Основное требование к художнику, главнейшее предусловие его оригинальности и нужности, это – быть самим собою». В творчестве «быть самим собою» – самая трудная ноша, которую удалось пронести достойно через все произведения А. Кешокову.

Еще одна важная проблема творчества – это национальное своеобразие. У А. Кешокова личная самобытность опыляется национальным своеобразием. Автор смотрит на мир не только своими глазами, но и глазами своего народа.

В научных исследованиях, посвященных проблеме национального и общечеловеческого, ученые чаще всего обращаются к прозе. Это и понятно, и во многом закономерно: национальную самобытность легче обнаружить в развернутых этнографических описаниях, а черты национального характера удобнее проследить в конкретных персонажах прозаического произведения. Гораздо труднее исследовать в данном аспекте поэзию, особенно лирику, ибо лирика не дает эпически развернутой картины национального бытия. Как известно, она не описывает и не повествует. Лирика прямо связана с субъективным видением автора: ее основным средством является форма передачи внутреннего мира лирического героя и сила поэтического самовыражения. Попытаемся проследить эволюцию национальной художественной традиции и связь с ними субъективных художественных поисков и открытий ведущих адыгских поэтов.

Весьма велика роль творческой индивидуальности в литературном процессе. Эта мысль хорошо развита в капитальных трудах М. Б. Храпченко. Такие крупные творческие индивидуальности адыгских литератур, как Али Шогенцуков, Тембот Керашев, Алим Кешоков, Аскер Евтых оказали огромное влияние на младописьменный литературный процесс всего северокавказского региона.

Их творчество убеждает нас в том, что сила и мощь таланта конкретной творческой индивидуальности играют решающую роль в судьбе любой национальной литературы. Это особенно заметно в поэзии. По верному замечанию Г. Н. Пospelова, «...лирика требует не только духовного развития личности, но и умения передавать эту духовность». Яркая творческая индивидуальность всегда обогащается национальным своеобразием.

Национально-самобытное можно выявить через художественный образ, в котором органически сочетаются особенное и общее. В художественном образе отражаются устоявшиеся традиции и обычаи народа, особенности его психического склада. В адыгской поэзии это можно проследить через художественный образ всадника, столь часто встречающийся у поэтов разных поколений. Каждый поэт вкладывает в национальное видение этого традиционного образа и свое личное осмысление и оценку. Даже беглый взгляд на изданные поэтические сборники поэтов адыгских литератур дает основание полагать, что они весьма плодотворно используют образ всадника для передачи переживаний и чувств лирического героя. Например, у Алима Кешокова есть программные стихи с такими названиями: «Всадник», «На мчащемся коне», «Путь всадника», «Поэт со своею посадкой в седле» и др. И во многих других стихотворениях Алима Кешокова нередко встречается образ всадника. А в стихотворении «Путь всадника» лирический герой мечтает о большом пути в жизни, он готов вскочить на хребет коня и провести Млечный Путь по земле. И он желает: «Где бы в пути меня смерть ни застала, встречу конец на летящем коне!» Естественно звучит его обращение к другу: «Друг, пожелай, если хочешь добра мне, пусть бесконечно я буду в пути». Народную идею наездничества, дружбы с конем своеобразно обыгрывает поэт в данном стихотворении.

В стихотворении «Кайсыну Кулиеву» этот традиционный образ Алим Кешоков обыгрывает следующим образом:

*Мы – всадники, что стремя в стремя
Летят, избрав нелегкий путь.
И волны поднимает время
И опускает нам на грудь.*

Вышеприведенное стихотворение Алима Кешокова «Путь всадника», являющееся программным в его поэзии, являет собой яркий пример

слияния национального и интернационального. Поэт удачно обыграл легенду и традиционный образ из адыгской мифологии, по мотивам которой Млечный Путь на небе провел волшебный всадник, спасший людей и лошадей во время всемирного потопа. Говоря в стихотворении о легендарном всаднике, поэт заканчивает словами:

*О, если б мне чудесный конь достался,
Не стал бы я на нем сидеть в седле:
Вскочил бы на хребет его, помчался
И Млечный Путь провел бы по земле.*

Перед нами возникает романтически-возвышенный и сильный образ лирического героя. Его мечта не просто проложить себе новую тропу, а провести Млечный Путь по земле и тем самым осчастливить всех, кто живет на ней. Здесь мы видим сильное проявление национальной образности и символики; как известно, адыги в своей истории много внимания уделяли коневодству, выращивали выносливые породы лошадей, и это отразилось в их художественном сознании.

К своеобразным символам северокавказской и дагестанской поэзии можно отнести также кинжал. Как известно, к этому образу-символу обращались и многие русские поэты. А. С. Пушкин в стихотворении «Кинжал» как бы воспроизводит «историю» величия и падения кинжала, упоминая лемносского бога, Зевса, Рим и пр. М. Ю. Лермонтов тоже отдал дань этому образу-символу, написав стихотворение «Кинжал», в котором есть такие строки:

*Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на мечь тебя ковал.
На грозный бой точил черкес свободный.*

Дальше поэт говорит о том, что кинжал подарен ему в знак памяти, в минуту расставанья:

*И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза – жемчужина страданья.*

В конце стихотворения М. Ю. Лермонтов дает обещание:

*Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.*

Как видим, образ кинжала взят М. Ю. Лермонтовым из северокавказской действительности периода русско-кавказской войны. Примечательно, что данный образ получил развитие и у других поэтов северокавказских литератур. Каждый поэт вкладывает в этот колоритный образ-символ не только общенациональное его восприятие, но и глубоко индивидуальную оценку.

По-своему осмысливает и трактует этот национальный символ горцев Алим Кешоков, хотя и выносит, как и М. Ю. Лермонтов, моральную сентенцию в конец произведения. Кабардинский поэт в стихотворении «Кинжал» отталкивается от адыгской поговорки «Два брата – что два зуба (лезвия кинжала)», хотя сама поговорка не приводится в тексте стиха. Поэт здесь берет философскую мысль, использует образ кинжала, воплощающего в себе признаки диалектики, ее закона единства и борьбы противоположностей. Два лезвия кинжала обращены спиной друг к другу, но одинаково делят между собой и славу и позор. Эту мысль поэт продолжает и развивает дальше:

*Честь не двулика. И не раз бывало,
Кинжал надежно защищал ее.
Не потому ль два лезвия кинжала
Единое сливает острие?*

В конце же стихотворения Алим Кешоков этот традиционный образ соотносит с сущностью поэзии, как бы преломляет принятое понимание образа-символа и делает резюме, в котором заключено кредо поэта:

*Мерцает сталь холодная сурово,
И я желаю более всего,
Чтобы сливались истина и слово,
Как лезвие кинжала одного.*

Перевод Я. Козловского

Выдающийся балкарский поэт-лирик Кайсын Кулиев в стихотворении «Кинжал» выражает свое двоякое отношение к этому образу-символу:

*Я к равнодушным не причислен,
Иную славу я стяжал.
Ты дорог мне и ненавистен
Кавказский кованный кинжал.*

Перевод Я. Козловского

Поэт говорит, что «два чувства будит» в его душе холодный кинжал, так как «Тебя вонзала храбрость в грудь, а трусость всаживала в спину». И главное для поэта, чтобы кинжалом не воспользовалась «бесчестная рука», чтобы он был справедлив, честен и «безвинного не убивал». Поэт, таким образом, приходит к философской мысли, к диалектическому пониманию двоякой роли кинжала как оружия.

В художественном сознании младописьменных народов Северного Кавказа отразились многие предметы материальной культуры, природы, окружающего мира. Среди предметных образов-символов значительное место занимает камень. Даже названия сборников стихов и циклов стихотворений выдающихся северокавказских поэтов Р. Гамзатова,

К. Кулиева, А. Кешокова яркое тому свидетельство: «Согретые камни» (А. Кешоков), «Раненый камень», «Среди родных камней» (К. Кулиев). Это вполне закономерно, так как окружающий мир прочно входит в художественный мир поэтов. А сколько стихотворений посвящено горам! Многие народы Северного Кавказа именуют себя горцами и гордятся этим именем наряду с собственным именем народа. Чеченская пословица гласит: «На родине и камень мягче».

«Камень – мера стойкости вовек, – пишет К. Кулиев, – но того, что терпит человек, даже камень вытерпеть не в силах!» Образ камня у Кулиева часто очеловечивается; так, поэт считает, что камень во время войны был «контужен, обижен и ранен».

У А. Кешокова образ камня вызывает другие мысли и ассоциации:

*Рожденному на камне, мне в наследство
Был отдан камень волею судеб.
– Мужчиной будь, – мне говорили с детства, –
Чтобы уметь из камня выжать хлеб.*

В конце стихотворения содержится мысль о поэтическом труде:

*Порой из них не мог я выжать хлеба,
Но слово я из камня выжимал.*

Перевод Н. Гребнева

И в другом стихотворении «Горы молчат» А. Кешоков удачно использует традиционный образ. На горы обрушиваются бури, снег, водопады, а «Горы молчат. Молчат: они выше этого». Прекрасно обыграно понятие высоты, в мысли поэта аккумулируется высокое чувство собственного достоинства, нравственные ориентиры: степенность, сила, скромность, столь ценимые на Кавказе.

Лирический герой в стихах А. Кешокова выступает как носитель лучших черт адыгского национального характера. Конечно, национальный характер легче просматривается в прозе, особенно в романе, в котором жизнь героя дана в динамике, на широком фоне действительности и с охватом большого отрезка времени. Но в лирике тоже есть свои преимущества. Поэт высвечивает молнией какую-то черту характера, доводя ее до образа-символа. Стихотворение может быть закончено глубокой философией. Пара строк может стать крылатой фразой. Из фрагментов стихов А. Кешокова можно наглядно представить основные черты адыгов. Поэт смог достичь этого потому, что он сам пронесит через всю жизнь высокие нравственные идеалы, воплощая их мастерски и в творчестве. Видимо, поэтому у читателя не проходит жажда общения с талантливым поэтом, интересным человеком, «головным журавлем» адыгской поэзии.

«ВЫ – МОЯ ВТОРАЯ ЖИЗНЬ»

Мои родители прожили вместе долгую и счастливую жизнь, длиной в 62 года. Он – кабардинец, она – русская, казалось, разные культуры, разные традиции не способствовали прочному браку. Каким же было чувство, которое связало их, когда папе было 24 года, а маме только 20, и его хватило на долгую жизнь? Каким же оно тогда должно было быть, чтобы пройти через войну, через все испытания, которые им послала судьба? Чувство, которое менялось вместе с ними, но оставалось необходимым условием их жизни и давало нам, детям, ощущение счастья и защищенности, которое называется домом, семьей. После смерти папы мама передала мне большую потертую папку, в которой она хранила все папины письма, начиная с первого дня их знакомства. Читая их, я снова слышала папин голос, его интонации, мягкий юмор в описаниях своего быта, но главное в его письмах – ощущение заботы и бесконечной любви, которыми наполнены слова, обращенные к маме и моей старшей сестре Татьяне в военных письмах, и к нам всем уже в мирное время, когда он уезжал из Нальчика в бесконечные командировки.

Папа закончил войну в 1945 году на Прибалтийском фронте в звании майора. В автобиографической повести «Вид с белой горы» он описывает весь свой боевой путь от Сальских степей до Кенигсберга. Сначала сапер, потом военный корреспондент; сколько раз он был в шаге от смерти, сколько пережил испытаний, но в письмах той поры, а их больше ста, об этом почти ни слова. Только в одном письме, от 2 июля 1942 года, он описал то, что его, видевшего все ужасы войны, потрясло до глубины души и о чем он не мог не написать. По военным письмам невозможно определить географию его перемещений и только в конце войны, уже в последних письмах проставлены точные места пребывания: Кенигсберг, потом Либава и Рига, откуда он прислал телеграмму только с одним словом «Еду».

*А. Кешоков с семьей.
Москва, Сокольники. 1952 г.*

Письма с фронта

***

Здравствуй, Надинька.

Почти каждый раз пользуюсь случаем передать тебе письмо. Недавно я писал тебе, пишу и еще.

Я жив и здоров, как и положено. Выпускаю газету бесперебойно. Все идет вполне нормально. Ты никогда не беспокойся за меня – очень редко, когда у меня плохо.

Мне рассказывают, что дочка постепенно выздоравливает. Я этому очень рад. Пусть поправляется быстрее. Вообще говоря, она не имеет никаких прав болеть, этого нет в уставе. Она сейчас самовольничает – болеет без разрешения прямых начальников, за это можно наложить дисциплинарное взыскание.

Я послал деньги, пришлю еще. Наша обстановка это позволяет, но еще деньги сам не получал. Ты только не забудь запастись на зиму и весну. Может быть, к весне я приеду. Мишка в лесу знаешь как живет – все лето запасается орехами так, чтобы до следующего урожая хватало. И ты сделай так – не ошибешься. Запас карман не трет и денег он не просит. Пару барашек купи, посуши и будет порядок. Вообще сама должна знать, что лучше. Затем у кабардинцев бывает сушеный сыр. Ты еще не покупала его. А знаешь, как долго этот сыр сохраняется? Покупай и такого сыру.

Хватит о еде. Ты постарайся получить все причитающиеся мне деньги не позже июля, август – это самый заготовительный сезон. Это учти.

По мере возможности я буду посылать деньги, а если будет возможно, я на этих днях вышлю денежный аттестат на большую сумму.

Недавно я был в одном месте. Я никогда не видел такого страшного зрелища. Немцы убили много мирных граждан, среди них были и детишки. Я видел, как одна молодая женщина собирала в корзину куски тела своей

дочурки, она тщетно искала одну ручонку девочки, но не нашла, другая же также по кусочкам собирала труп своего братишки. Так все разбирали трупы своих родных. Это было ужасно. Может ли это забыть человек? Думаю, никогда.

Ты счастлива, моя родная, ты этого не только не пережила, но и не видела и пожалуй, не увидишь.

Пока все.

Целую крепко, твой Алим.

ППС 1580

п/я №1 политотдел

2.7.42 г.

P.S. Посылаю тебе грамоту, которой меня наградили. Береги ее.

Если найдешь, пришли мне в конверте курительную бумагу.

***

Здравствуй, дорогая Надинька.

Получил два твоих письма. Очень рад, что занялась огородничеством. Правильно делаешь. В этом году, пожалуй, будут трудности с продовольствием, так что трудись что есть сил. Я помогу деньгами. В середине этого месяца я выпишу аттестат.

Я жив и здоров. Ты на Кулиева обиделась, что он написал о моем пребывании в госпитале. Напрасно ты думаешь, что я не могу попасть туда. Теперь, когда секреты раскрыты, могу сообщить, что за время моего пребывания на фронте дважды попадал в госпиталь. В январе и в апреле. Я об этом не хотел писать.

Вообще ты знаешь мои правила жизни и нравы.

В скором времени ожидается некоторая перемена в моей жизни, которая мне весьма не по душе.

Рад, что Михай жив и здоров, хотя он за год войны мне ничего не написал, я на него не обижаюсь. Отвечаю тем же. Если мне посчастливится вернуться по окончании войны, за все взыщу с него.

Жалко Дугоева. На войне не был и погиб. Это плохо. На войне разрешается погибать, а в тылу нельзя...

Ты мне ничего не писала о Шогенцукове. Неужели он так и погиб. Тогда основоположника нашей литературы нет и она не имеет никого, имя которого можно было назвать без стеснения. Это никак непростительно нашим местным чиновникам. Они отдали волку на съедение лучшего человека. Вообще у них ничего священного нет и спрос с них мизерный.

Ты напиши мне, кто редактирует Кабардинскую газету, может быть я ему pošлю кое-какие вещи, если, конечно, он не какой-нибудь сукин сын.

Керим, возможно, уже вернулся. Увидишь, передай ему привет. Если он вернулся, обязательно напишу.

По твоим словам, дочь уже выросла большая. Это очень хорошо. Я рад бесконечно. Пусть не забывает папу, как папа не забывает ее.

Посылаю ей рассказ про петуха.

Вообще я хотел бы все рассказы переслать тебе, но не знаю – дойдут ли они. У меня много еще стихов. Они бы были целее у тебя. Но боюсь потерять. Тогда ведь весь труд погибает. И опять надо начать сначала.

Пиши чаще и больше.

P.S. Как Цагов? Если он жив и здоров, передай привет. Я ему напишу отдельно.

Но все, что я хотел написать.

Привет всем моим родным.

Крепко целую,
твой Алим

2.6.43

Адрес пиши так:

Полевая почта 34501 – К

Кешокову А. П.

Больше ничего добавлять не надо.

***

Здравствуй, милая Наденька.

Получил твое письмо и газеты. Бесконечно благодарен тебе за все. Я очень рад, что ты так хорошо выполняешь все то, что я прошу тебя. Благодаря тебе я всегда в курсе всего того, что происходит там. Радостно и то, что наша дочурка чувствует себя хорошо и растет. Когда ты пишешь, что все идет прекрасно, то мне (как бы я ни привык к разлуке) становится весело. Я знаю, что вы обе ждете меня с нетерпением, я так же жду. Еще в прошлом году ты писала, что уже готовишься к встрече, купила даже шампанское. Я тогда умолчал о том, какие мысли возбудили у меня твои преждевременные приготовления. Я боялся обидеть тебя, с тех пор прошло около года и теперь я могу сказать то, что год назад думал. За годы войны я стал суеверным, стал придавать значение всевозможным приметам. Твое раннее приготовление могло быть плохим предзнаменованием. Я эту мысль высказал не с охотой, но эти строчки я не вычеркну. Не надо готовиться заранее. Мне кажется, что мы встретимся еще не скоро. Трудно сказать когда, но не скоро. Мне так кажется. Я молю аллаха и бога и всех их пророков, чтобы ускорить нашу встречу, но это, пожалуй, им не под силу.

Я, кажется, расстраиваю тебя. Я не буду больше говорить об этом. Надеюсь на лучшее, надо готовиться к худшему. Я так думаю.

В моей жизни все идет так же, как и раньше. Порадовать тебя нечем. Живу и только живу.

Я читал в твоём письме, что конкурс перенесли. Это мне кста-ти. Может быть, смогу написать что-нибудь.

Вернее, у меня написана половина одной вещи. Но для того, чтобы написать что-нибудь прекрасное, надо быть немного ненормальным. Это я серьезно говорю.

Пока у человека душевное равновесие не нарушено, он не может сделать ничего хорошего. Я имею в виду поэтов, прозаиков и

художников. Чтобы сильно написать, надо что-то сильно пережить, т.е. надо быть в таком состоянии, когда каждая клетка человека до предела была напряжена, чтобы в человеке ничего не было пассивного, а все работало полной мощью.

И вот когда он всем своим существом уйдет в то, что он создает, тогда от него жди чего-то потрясающего.

Без такого переживания и труда ничего не выйдет.

Поэтому-то одаренные люди всегда со странностями, иногда ненормальные. Это вполне нормально. Потому что это значит – он необыкновенный человек.

Я сегодня что-то много рассуждаю. Пожалуй, лучше на этом поставить точку.

Да, я, конечно, не собираюсь написать для конкурса что-то потрясающее. Это не по моим возможностям.

Но я хочу напрячь всю свою силу, чтобы написать как можно лучше.

Сейчас у вас, наверное, весна в полном разгаре, Таточка бегает, радуясь весне, цветам и солнцу. У меня весны нет. Здесь дождь и туман.

Кажется, все. Целую крепко и обнимаю.

Твой Алим

16.4.45 г.

***

Здравствуй, дорогая Наденька.

Я получил твоё письмо, полное ожиданий и в то же время разочарований. Меня удивил твой вопрос о том, почему я задерживаюсь. Слово «задерживаться» тут совсем не подходит, потому что здесь я не задерживаюсь, а нахожусь....

Тут одно ясно. Это то, что ничего не ясно. Мы все гадаем. Но кто знает то, что будет?

Война кончилась, но мы не чувствуем конца. Когда читаешь газеты, кажется, что ещё не все кончилось. Во всяком случае встреча наша состоится не так скоро, как ты думаешь...

О гибели Наурузова я знаю давно, очень жалко его. О Хабаше могу сказать только то, что я когда-то писал. Здесь я встретил одного, который был вместе с ним до последней минуты. Хабашу расстреляли немцы, когда его взяли в плен. Это точно. Пусть старики его не ждут. Не вернется он к ним. Ты не говори это им.

Я закончил и выслал свою поэму, скоро вы получите её. Я её назвал «Отец». Пусть читают. Мне бы очень хотелось прочитать её ещё раз до её выхода из печати.

Теперь я снова живу на хуторе. Несколько дней прожили в городе. И вернулись на хутор. Добро, если бы была речка. А то кругом болота, а купаться негде. Плохие тут места.

Вот и все. Желаю тебе всех благ.

Целую, твой Алим

1 июня 1945 г.

Алим КЕШОКОВ

Алим Пиемахович Кешоков – автор многих десятков поэтических сборников, пьес, поэм, стихов для детей. Его поэзия сыграла большую роль в развитии кабардинского стихосложения, любовной и пейзажной лирики, драматической поэмы. Его романы «Вершины не спят», «Сломанная подкова» (1973, премия имени М. Шолохова), «Восход луны» (1979), «Грушевый цвет» (1981), «Сабля для эмира» (1982) – обширные полотна народной жизни, начиная с первых лет борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе, событий Великой Отечественной войны и кончая современностью. Он перевел на родной язык многие произведения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.

А. П. Кешоков – Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии РСФСР им. Горького. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами «Дружбы народов», «Знак Почета», двумя орденами Красной Звезды, а также орденами Польши и КНДР.

ВИД С БЕЛОЙ ГОРЫ

Повесть

Жизнь – непрерывное восхождение по нехоженой тропе, которая вьется по горным склонам.

Сначала широкая равнина в предгорье, пение птиц в садах под безоблачным небом, росы по утрам. Живи и радуйся.

Затем – начало подъема, ощущение пути, уход героев сказок за дальний горизонт и открытие, что мир не кончается за аулом. Первая встреча с крутизной; леса, горные озера, снежные вершины в синеве – романтика, жизнь не имеет конца, ее пьешь из рога полными глотками, не думая о завтрашнем дне.

Поднялся выше – заоблачные пастбища вперемежку с камнепадами, узкая тропа временами проходит у края пропасти, но все равно все лучшее впереди, за облаками, от высоты захватывает дух.

Еще рывок – молчание голых скал, толща льда, рождение рек, лежбища туров. Отсюда тропа уводит к вершинам гор, чувствуешь сердцебиение, шаги становятся медленными. Ты начал восхождение, когда твои усы были черными, а теперь идешь с белой бородой...

Моя молодость осталась за дальней горой, словно жеребенок, отбившийся от табуна. От его жалобного ржания я иногда просыпаюсь...

Я стою на белой горе и гляжу в синеющую даль пройденных дорог. Впереди высится вершина над голубой папахой снегов. Удастся на нее взобраться – увижу новые дали...

Аул

Долина мельниц – так переводится название моего родного аула Шхалуко, или, как его еще называют, Шалушка. Мельниц в этой долине не больше, чем в любой другой. Название идет от ремесла моих древних земляков, занимавшихся выделкой мельничных жерновов в верховьях речки Шалушки. Искусные каменотесы, они изготавливали не только жернова, но и мусульманские надгробия, узорчатые коновязи из туфа, катки для обмолота зерновых, кузнечные каменные круги для натяжки на колеса железных шин.

Когда-то три князя – Куньж, Даутоко, Локац – и уорк Шардан привели сюда своих людей, поселились вдоль берегов горной реки, образовав четыре жамата. Жители их сеяли хлеб, разводили скот, растили сады. В 1867 году, когда пришло повеление об освобождении крепостных, шалушинские князья со своими стремянными двинулись к крепости Нальчик заявить протест царской администрации. С ними были и крепостные, которые будто бы «не желали» уходить от господ и готовы были на вечное рабство. Бунт князьков не имел успеха.

В каждом жамате была своя мельница, своя мечеть, свое кладбище, свой мулла, а сельское правление – общее. В девятисотых годах появилась одноклассная начальная школа. Поначалу она пустовала. Мальчиков посылали в медресе – духовные школы при мечетях. Родители преследовали одну цель – сделать из сыновей правоверных мусульман.

В месяц уразы Коран читали в мечети. Тот, кому посчастливится прочесть последнюю, сто четырнадцатую суру, должен совершить жертвоприношение – забить корову и пригласить на пир всех мусульман жамата. Этому счастливцу при жизни обещано место в раю.

Земли было мало, ценился каждый клочок. Каждый раз с приходом весны пашню делили вновь. Сначала ее делили между жаматами, а потом – подворно или подушно. В этом принимал участие весь аул. Тогда же происходило объединение в «плуг» – своего рода артель. Те, кто имел волов, лошадей или железный плуг, объединялись, чтобы совместно вспахать землю.

Центром жизни был базар, собиравшийся в Нальчике по понедельникам. Иногда на базар ходили без всякого дела. Просто так. Показать своего скакуна или новую бурку из шерсти осенней стрижки, посмотреть, как идет купля-продажа, почем баран или пуд пшена. Да и о разных новостях можно было узнать только на базаре.

Когда в 1914 году в Нальчик провели железную дорогу, лихие джигиты пробовали состязаться с паровозом, катившим три-четыре дачных вагона. Вокзала в Нальчике еще не было. Вместо него – три шатра. Станция напоминала цыганский табор.

Жамат с жаматом жили не в ладах. Соседи сочиняли друг о друге оскорбительные частушки, что часто становилось причиной драк, иногда кончавшихся кровопролитием. Но парню не запрещалось брать в жены девушку из другого жамата.

Шалушинцы объединялись, сплачивались, если их оскорблял посторонний. Тогда они могли постоять за свою честь. Человек из другого аула где-нибудь на похоронах или свадьбе скажет: «А-а, это жерновщики, которые набрасываются на угощение...» И жерновщики хватаются за кинжалы.

Почему-то ходила молва, что шалушинцы имеют привычку, будучи в гостях, бросаться к столам, не дожидаясь приглашения, чтобы захватить куски пожирней. Зная это, они старались быть более сдержанными, чем гости из других аулов, хотелось развеять непристойную молву, сочиненную наверняка кошроковцами – жителями из аула Кошроково, с которыми жерновщики враждовали. Кошроковцы не пускали шалушинцев в лес, дорога в который проходила через их аул. Шалушинцы отвечали тем же – не пускали кошроковцев в Каля-Чих – Прохладный или в Псыхуабо – Пятигорск, куда кабардинцы ездили на базар. Псыхуабо означает – теплая вода. От Шалушки до Пятигорска езды на волах трое суток, на лошадях – двое. Кошроковцы, жители лесистого предгорья, не могли жить без Пятигорска, где они меняли плетни на пшеницу. Жернова шалушинцев не пользовались там спросом, но все равно малоземелье гнало их туда на заработки, особенно в пору сенокоса.

В конце аула находилась кешана – кладбище времен язычества. Там были огромные склепы, сооруженные из мощных каменных плит. В сравнении с этими плитами жернова, которыми промышляли мои земляки, выглядели игрушками.

Шалушинцы считали, что в склепах обитают злые духи. Детям не разрешали ходить на кладбище. Страх еще более усилился после одного случая.

В нашем жамате был старый холостяк по имени Ташо. Еще мальчиком его отдали в батраки, но за много лет не заработал он даже на калым, поэтому и остался без жены. Если чей-нибудь сын отказывался жениться, недовольные родители говорили ему: хочешь остаться бобылем, как богом обиженный Ташо?

Старый холостяк трудился за троих, и все-таки рубашка на нем была сшита из бедности и залатана нуждой. Небольшой земельный надел Ташо засеивал позже всех, так как должен был сперва помогать

соседям, чтобы они потом дали ему плуг и волов вспахать его клочок земли. Урожай он снимал скудный. Придя к выводу, что это аллах не дает ему кукурузы, Ташо отказался платить мечети закят – десятую часть урожая, которая предназначалась на содержание муллы, духовной школы и оказание помощи бедным. Львиная доля закята доставалась мулле. Во время очередной проповеди он упомянул неудачника Ташо в числе «неугодных аллаху».

Ташо решил отомстить мулле. Он заметил, что мулла каждый вечер ходит куда-то мимо кешаны, и подстерег его там. Спрятался в одном из склепов и, когда появился мулла, выскочил, схватил его, приподнял над землей и грозно проговорил, изменив голос:

– Покаянись, служитель бога, что Ташо на всю жизнь вперед уплатил закят!

В следующую же пятницу мулла объявил прихожанам: Ташо приглянулся аллаху, и с него теперь не будет взиматься закят, наоборот, он будет получать небольшую долю из собранного.

Правда, и после этого Ташо не выбился из нищеты, но зато его звали на все поминки как человека, отмеченного аллахом.

Однажды жерновщики пригласили песнопевца из дальнего аула и попросили сложить песню о Хажумаре Дигешеве, жителе Шалушки, отличившемся в боях во время русско-японской войны.

У кабардинцев песня всегда была в почете. Если о ком-то говорили: «О нем песня сложена», – это означало, что человек, о котором идет речь, или обрел добрую славу на все времена, «стал бровями своего народа» – украшением лица, или опозорил себя, стал посмешищем, пятном на лице целого рода. Каждая песня имела свою историю. Шалушинцы могли рассказать когда она появилась, кто ее герой, чей он сын.

На свадьбах устраивались состязания певцов. Певцами были старики. Они усаживались отдельно от молодежи. Пели и пили. Без преувеличения: пели и пили, не вставая с места сутками. «Подхватив крылья песни», певец вел ее сколько мог и заканчивал, обращаясь к соседу: «Держи конец песни!» Делом чести для соседа было добавить хотя бы несколько куплетов. Позор, если песня прерывалась на нем.

Шалушинцы знали цену песне и решили не скупиться. Пусть их земляк прославится. Глядишь, песня его о мужестве покончит с молвой о прозорливости жерновщиков.

Я знал Хажумара Дигешева. Это был одноногий инвалид. Жил Дигешев в яме под недостроенным домом, куда спускался по грубо сколоченной стремянке. Именовал себя «конским дохтуром», хотя только и делал, что ставил тавра на лошадях и кастрировал жеребцов.

В яме его хранились все железные тавра, известные в Кабарде. Лошадей, отбитых у конокрадов, приводили к Дигешеву, чтобы тот по

тавру опознал, кому они принадлежат. В этом он был большой знаток. «Дохтур» числился у старшины кем-то вроде консультанта и по другим делам. Вот одно из таких «дел».

В ауле жил неумный многоженец. Женившись в первый раз в четырнадцать лет, он вошел во вкус и не мог остановиться.

Первую жену оставил с двумя сыновьями. Чтобы они не голодали, отписал им водяную мельницу. Женщина эта оказалась хозяйственной, работала, растила своих сыновей, замуж выходить отказывалась. Сыновья подросли. Они уже имели двух лошадей, работали в поле, а мать занималась домашними делами. Между тем их отец, успевший жениться не раз, старел, жил в бедности. Кое-как накопит скота на калым и разведется с очередной женой, чтобы жениться на молодой. Под конец многоженец обнищал так, что последняя жена от него сбегала. Он попытался вернуться к первой, но безуспешно. Ни дети, ни их мать не пожелали его принять. Тогда он затеял с ними тяжбу: дайте мне свою подводу, я ее отдам на калым, или верните мельницу, что я вам оставил когда-то.

Мать и дети обратились к старшине с просьбой о защите.

Защитники нашлись и у многоженца. Аул разделился на два лагеря: одни поддерживали истца, другие – мать с двумя сыновьями. Будь многоженец богатым, как, например, молодой офицер Берд Шарданов, братья которого занимались разведением лошадей для армии, все бы обернулось иначе. Но он умел лишь одно – ставить на арыке мельницу очередной жене перед тем, как развестись с нею. Эти недолговечные сооружения существовали до первых ливневых дождей. Бурные потоки с горных склонов начисто смывали плотину, и мельница оставалась торчать на сухом месте как напоминание о неудавшейся супружеской жизни. Лишь первая из них выдержала напор стихии.

Старшина обратился к «знатоку законов» Дигешеву: как решить спор? И после консультации с ним посоветовал братьям отбить у отца охоту жениться, изувечив его кулаками так, чтобы ни одна девушка не пожелала выходить за него замуж. Причем обещал, что за это ничего не будет.

Братья привели приговор в исполнение. Отец подал на них жалобу. Старшина снова проконсультировался с «дохтуром» и велел жалобщику явиться в правление вместе с сыновьями. Там он приказал лошадей отдать братьям, сбрую – матери, а многоженцу под общий хохот велел взять подводу за дышло и отправиться за невестой. Все в ауле нашли это решение справедливым, а старшина потребовал себе в качестве вознаграждения по барану с каждого из судившихся. Тем дело и кончилось...

За мужество, проявленное в боях во время русско-японской войны, Дигешев был награжден Георгиевским крестом, но открыто носить его не смел, потому что мулла грозился отлучить от мечети, если он при-

близит крест к мусульманскому сердцу. Когда Хажумар услышал песню о своем геройстве, он зарыдал, закрыв лицо папахой.

Дигешева в ауле не любили: мальчишки – за то, что он истязал лошадей, а старики – за кощунство. На похоронах ему как инвалиду войны полагалась небольшая часть деура – денег, которые родители и близкие умершего раздавали в виде милостыни. Обряд раздачи деура совершал мулла. Тот, кто получал милостыню, как бы принимал на себя часть грехов умершего. Но «дохтур» рассудил по-своему: зачем брать часть чужих грехов, если он может взять их целиком? И однажды, выхватив из рук муллы всю пачку денег, бросился прочь, отбиваясь от преследователей костью. Разгневанные старики кричали ему вслед: «Умрешь – хоронить не будем». А мулла с тех пор старался держаться подальше от «одноногого шайтана».

Но песня о Хажумаре осталась. Ее продолжали петь.

Фамилия

Кешоко – в переводе значит Кузнецов, точнее – «кузнечные парни» или «кузнечные сыновья». Фамилия имеет свою историю, которая могла бы стать сюжетом для новой повести.

У владетельного князя Кетуко среди множества дворовой челяди было четыре брата-кузнеца. Ходила легенда, будто сам бог кузнечного ремесла Тлепш по ночам посещает и учит их. Кетуко гордился изделиями своих мастеровых, советовал друзьям заказывать оружие только у его кузнецов. Самое лучшее оружие братья ковали из белой дамасской стали, которую сами же выплавляли в горных пещерах на древесном угле.

Однажды к Кетуко приехал его старый кунак. Хозяин предложил на ночь гостю женщину, молодую и красивую жену старшего из кузнецов. Этого мастер не мог стерпеть. Возмутились и его братья, решили постоять за честь имени.

Произошла схватка, после которой братьям пришлось бежать. Князь сам бросился в погоню за ними. Но, настигнув беглецов, сменил гнев на милость: уговорил двух старших братьев, Гуша и Меша, вернуться в кузню. Другие два – Мирзабек и Айтек, – горячие и непримиримые, не вняли княжеским посулам и скрылись.

Недолго были они в бегах. Их схватили и привели в аул Барамта близ крепости на реке Нальчик. В этом ауле жили те, кто бежал от своих владельцев и был пойман властями.

Администрация крепости разрешила Айтеку и Мирзабеку переселиться в соседний аул на реке Шалушка. Там дали землю.

Не имея ни волов, ни арбы, братья не могли построить хорошего жилища и соорудили себе домик из плетней, обмазанных глиной,

а усадьбу обнесли оградой из колючего хвороста. Двор их прозвали коцакаля – хворостинный город, а братьев – хворостоградцами. Прозвище это могло превратиться в фамилию, если бы братья не открыли свою кузню. Мастерство кузнецов не могло не вызвать уважения, да и хворостинная ограда была скоро заменена и дом построен, как у других. Закрепилась за парнями их прежняя кличка Кешоко – «кузнечные парни». Она и стала фамилией.

Мой дед Мирзабек и его брат Айтек – первые в нашем роду, кто приобрел свою собственную фамилию: Кешоков. У Мирзабека было четыре сына. Один из них – мой отец Пшемахо, что значит добрый князь. Видимо, мои предки мечтали, чтобы их потомки не в пример Кетуко были добрыми.

Мой дед не был долгожителем, умер рано. Бабушка по отцу Нана занималась разведением индеек. Каждое утро она выгоняла за околицу индюшину стаю и пасла ее на лужайке – небольшой земельный надел не мог прокормить семью.

Пшемахо пробовал овладеть ремеслом кузнеца – не получилось. Попытался проявить свои способности в торговле – безуспешно. Ему хотелось приобщиться к грамоте, стать писарем. Обычно аул нанимал писаря где-то на стороне. Чаще всего это были мелкие конторщики из города, которых хозяева прогоняли за пьянство или воровство. Писарь считался большим человеком, можно сказать, вершителем судеб и единственным толкователем законов. Он «составлял» бумаги, а старшина лишь «скреплял» их отпечатком пальца. Этим писари, конечно, злоупотребляли, особенно при сборе подати. Нужен был свой грамотный человек. А где его взять, если в ауле, как и во всей Кабарде, грамотных почти не было!

Богатеи, отдавая отары овец батракам-чабанам или табуны коней табунщикам, брали длинную палку, делали на ней зарубки по числу голов в отаре или табуне, потом эту палку раскалывали надвое. Одну половину оставлял себе хозяин, другую хранил чабан или табунщик. Для сверки половинки складывались. Ложатся ровно, образуя одно целое, – значит, все правильно. А чтобы отличить лошадей от чужих, их клеймили. Обычно род имел одно тавро – аул четыре-пять, не больше.

Итак, Пшемахо Кешоков решил стать грамотным. Он уехал сначала в Малую Кабарду, потом в Адыгею учиться в медресе. Через несколько лет окончил ее, получил звание эфенди и вернулся в родной аул. В ожидании места муллы нанялся объездчиком посевов. К этому времени относится женитьба отца.

Я был третьим мальчиком в семье. Старшего звали Рашид, второго Амин. Амин прожил всего лишь год. Днем рождения я считаю 22 июля 1914 года. Дата установлена значительно позже и приблизительно на

основании того, что мать после родов ела молодую картошку, которая созревает где-то во второй половине июля.

Когда в одной из мечетей Шалушки освободилось место муллы, на него взяли моего отца. Казалось, теперь в доме будет достаток, но семье не повезло. Спесивый хаджи, совершивший паломничество к гробу Магомета, публично оскорбил молодого муллу, и отец ударил его, сбил с ног и вывалял в грязи священную одежду хаджи, приобретенную в Мекке. За это отца не только сместили, но и отлучили от мечети.

Отец подался за Терек к малокабардинцам в надежде, что ему помогут однокашники по медресе. Но оказалось, что некоторые из них занимаются вовсе не святым делом – связались с конокрадами. Перегоняют лошадей с берегов Зеленчука в низовья Терека, где продают их или сдают оптом военной администрации для кавалерийских частей. Пшемахо такое ремесло не годилось. Он вернулся в родной аул.

В 1917 году шалушинцы узнали о свержении царя, а затем и о победе Октябрьской революции.

На нальчикском базаре поставили трибуну, с которой выступали все желающие. «С гор пошел поток, – говорили умные люди. – Возьмешься за хвост собаки – утонешь, возьмешься за хвост коня – переплывешь через поток».

В годы борьбы за Советскую власть отец был партизаном. После окончательного утверждения Советской власти в Кабарде его избрали первым председателем нашего сельского ревкома. Я помню красную повязку на его рукаве и личную охрану – кабардинца с винтовкой, неотступно следовавшего за отцом. Охранник иногда дарил мне стреляные гильзы и рассказывал, как ему пришлось отбиваться от бандитов. На самом же деле он стрелял преимущественно на свадьбах, когда плясал мой отец, или во время унаиша, – торжественного ввода невесты в дом, где она должна была встретиться с женихом, которого, может быть, видела первый раз в жизни.

Большевиков в нашем ауле было мало, своей партячейки еще не было, и на партсобрания отец ездил в соседний аул Чегем. К этим поездкам готовилась вся семья. Мать зашивала прохудившуюся одежду отца, готовила еду на дорогу, брат проверял конскую сбрую, а я отправлялся на выпас за лошадью. Через плечо на длинной веревочке вешал бутылку с водой, заменявшую в моем воображении бомбу, вооружался деревянной саблей. Босой, в изодранной одежде, я чувствовал себя джигитом.

Отца провожали, как на войну. И уезжал он с винтовкой за спиной, хотя ехать было всего пять верст. Мне же партийное собрание представлялось чем-то вроде огромного схода джигитов, где показывают, кто как вооружен, устраивают скачки, как это бывает на свадьбах. С гордостью я сообщал всем: «Отец уехал на партсобрание» – и не сомневался, что наша «военная» лошадь свое возьмет. А мать почему-то волновалась,

с нетерпением ждала возвращения отца, вскакивала ночью с постели всякий раз, когда слышался собачий лай.

На дверях нашего дома отец вывесил объявление: «Желающие вступить в партию могут подать прошение». Надпись привлекала внимание, но мало кто мог ее прочесть: в ауле почти все были неграмотны. Иногда проходящий мимо человек ткнет палкой в пожелтевшую от солнца бумагу и спросит:

– Амулет от пожара?

– Не амулет, – отвечала мать, – амулеты пишутся арабскими буквами. А это написано латинскими. Хочешь быть для Советской власти опорой – пиши прошение в партию. Дадут тебе книжку, и тогда тебе открыта дорога до самой Москвы.

Постепенно люди оценили значение надписей. Напиши – будет понятно то, что требует разъяснения.

Мать велела Рашиду, когда он выучился грамоте, сделать надписи на деревьях. Пусть мальчишки, благо они уже умеют читать, знают, с какого дерева вишни или абрикосы можно срывать до срока, а на каких плоды должны висеть до полного созревания, чтобы годились на варенье. Надписи делались и на мешках, в которых возили зерно на мельницу. Даже на карнизе дома Рашид вывел арабскими буквами: «Кешоко». Пусть все знают, кто живет в этом доме!

Новшество стало предметом насмешек. Люди шутили:

– Боятся без надписи спутать свой дом с чужим...

Наш сосед старик Баляцо возмущался:

– Чем надпись на карнизе ставить, лучше бы вывели на крышу трубу.

Действительно, во всем ауле наш дом был, пожалуй, единственным, где не существовало дымоходной трубы. Дым уходил в чердак, и вся черепица была закопченной. Отец иногда мечтал: надо поставить новый дом с трубой, придет время женить Рашида – без трубы не обойдешься. Ведь когда невесту вводят в дом, гости стреляют в трубу, чтобы злые духи не посмели забраться туда, где будет жить будущая мать. Бывало, что выстрелами из винтовок, охотничьих ружей и пистолетов джигиты начисто сбивали трубу.

Мать возражала отцу:

– Разве царь Миколай жил в плохом доме? И то, видишь, с трона свалился. На дворце его не одна, может быть, труба торчит. Он мог сколько угодно их понаставить – ему-то подымный налог не надо было платить! Это ты трубы не ставил, чтобы уйти от налога. Не вышло. Все равно платил. А царю вот и трубы не помогли. Наш дом лучше царского дворца. В нем мы счастье обрели. Сам аллах велел не ломать его, пока сам не развалится.

Отец не очень настаивал:

– Как хочешь. Дом развалится – тебе первой быть под его развалинами. А к свадьбе сына трубу поставим. Пусть на свадьбе стреляют...

События сменялись с непривычной для горцев быстротой. После краткосрочных летних учительских курсов отец становится учителем, учит в школе ребят на родном языке. Учебников еще не было. Учились по газете, которая печаталась арабским шрифтом.

В это время шла работа над новым кабардинским алфавитом на латинской графической основе.

После принятия нового алфавита отец возглавил в ауле борьбу с безграмотностью.

Днем в школе занимались дети, вечером те же классы заполняли пожилые люди, с трудом усаживались за детские парты, доставали из-за пазухи сложенные вдвое-втрое тетради и начинали выводить буквы. На этих же занятиях отец учил их основам политграмоты.

В Шалушке создавался колхоз. На сходах и в каждом доме велись бесконечные споры. Отец стал в то время секретарем созданной в ауле партячейки, поэтому не решенный на сходе спор часто переносился на ликбезпункт.

Много сил потратили отец и другие коммунисты, пока удалось объединить жителей всех жаматов Шалушки в один колхоз. Об этом я расскажу дальше.

В памяти шалушинцев мой отец живет и по сей день. Немало легенд, притч, пословиц связано с его именем.

Вот одна из них.

Аул собрался на сход, где впервые провозглашалась Советская власть. Когда дело дошло до голосования, Пшемахо предложил всем подняться на холм, возвышавшийся над аулом. Нашлись несогласные:

– Зачем это надо?

– Дорогу, что выбираешь, лучше видно с высоты, – сказал отец, – а мы выбираем дорогу не для одного человека.

Другая притча.

Однажды Пшемахо сказал нашему соседу, зажиточному человеку, что у того горло не длиннее пальца (так говорят у нас о крикливых, невыдержанных людях).

Сосед с ехидством заметил:

– Видать, и твое горло не длинней. Ведь когда ты агитировал за колхоз, то обещал рай с птицами, садами и молочными реками. Гляжу вокруг – вижу молочные реки, сады, только райских птиц не вижу. Где они?

Пшемахо ответил:

– В рай попадают за добрые дела на земле. А где твои добрые дела? Создай молочные реки, вырасти сады, а птицы прилетят сами...

Еще одна притча.

У вдовы отвязалась и ушла со двора корова. Встревоженная хозяйка потеряла покой. Поздняя осень, безлунная ночь, туман. В такое время волки особенно опасны. Женщина со слезами умоляла Пшемахо:

– Ты Коран читал, знаешь молитвы... Сделай «хапашипха» – завяжи волчью пасть молитвой.

– Чем завязывать волчью пасть, – отвечал Пшемахо, – лучше корову в хлев привязывать...

Теперь в Шалушке, укоряя человека за безответственность и разгильдяйство, говорят: «Ты не волчью пасть завязывай, а свою корову привязывай», – фраза стала крылатой.

Слушая рассказ о давних событиях, в ауле часто спрашивают: «А не знаешь, что по этому поводу сказал Пшемахо?» Или разговор начинается словами: «Когда-то Пшемахо сказал...»

У кавказских народов есть традиция: старик, ушедший на покой, отдавший сыновьям «поводок арбы», стремится своими силами сделать что-то полезное для аула – построить мост через речку, проложить дорогу в горы, прорубить тропу к роднику или посадить деревья на пустыре, чтобы оставить добрую память о себе.

Отец, находившийся всегда в гуще событий, будучи уже на пенсии, не хотел «даром» брать деньги. Выхлопотал себе участок земли, прилегающий к магистральной дороге Нальчик – Пятигорск, и построил там «домик путника», а землю вокруг засеял бахчевыми.

С весны до осени он пахал, сеял, полон, осенью не спал ночами – караулил бахчу от мальчишек. Отец почему-то считал, что плодами его труда должны пользоваться только путники. Каждый проезжающий или проходящий мог остановиться в домике, полежать на нарах, отдохнуть. И еще угоститься арбузом или дыней.

О домике отца писали в газетах: зародыш социализма...

Однажды к «домику путника» завернул первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии Бетал Калмыков. «Зародыш социализма» произвел на него впечатление. Бетал похвалил отца.

На бахчу к отцу часто приходили аульчане, старые и молодые. И каждый уносил отсюда в сердце слова, необходимые ему, мудрый совет, а то и предписание больному.

Уже после смерти отца, во время немецкой оккупации, сельский бургомистр задумал учинить расправу над моей матерью и сестрами. Он бросил на сходе:

– Уничтожить змеиную семью Пшемахо.

Но даже и в эту минуту нашелся бесстрашный человек, который не побоялся сказать:

– Пшемахо не унес из аула даже глины под подошвой. Он был фонарем на темной улице Шалушки.

Мать

История девичьей фамилии матери тоже любопытна: Хакуринова – значит «в печи рожденная». Фамилия пошла от ее прадеда, который действительно родился в печи.

Было это так. Враги подступили к самому аулу. Жители подались в леса и горы. Они знали, что пришельцы безжалостно сожгут аул, не пощадят ни женщин, ни детей.

Не смогла покинуть свой дом лишь одна беременная женщина. У нее от испуга начались преждевременные роды. Опустевший аул запылал. Всадники носились по улицам с факелами. Будущую мать охватил ужас. Чтоб не сгореть в огне пожарища, она заползла в печь, в которой выпекали хлеб, прикрыла дверцу. Крыша дома, объятая пламенем, рухнула, огонь подбирался к роженице. Она услышала крик ребенка и прикрыла собой устье печи.

После опустошительного вражеского налета жители вернулись в разоренный аул. Они нашли в печи обгоревший труп женщины и живого младенца. Пуповину новорожденного некому было перерезать, и мать, сгорая в огне, продолжала питать ребенка...

Тем ребенком был прадед матери, от которого и пошел род Хакуриновых.

Дочь основателя рода Хакуриновых, моя прабабушка, прожила сто тринадцать лет. Ее в ауле называли «забывшая, когда она родилась». А моя бабушка прожила чуть меньше ста и до последних своих дней работала в колхозной мастерской по выделке циновок из камыша. Председатель колхоза сказал о ней: «Сердце остановилось раньше, чем руки».

Под рассказы бабушки – свидетельницы многих событий в жизни нашего народа – я не раз засыпал вечерами у очага. Один из ее рассказов, услышанных мной в детстве, лег потом в основу повести в стихах.

В Шалушке любили давать прозвища. К имени обычно прибавлялся шуточный эпитет. Исключение составляла моя мать, которую называли «иноплеменной»: она была адыгейкой. Прозвище это произносилось с оттенком уважения: мать считали особенной, не такой, как все. И действительно, мать, читавшая по-арабски, знавшая наизусть Коран, хотя нигде никогда не училась, среди неграмотных женщин могла считаться «просвещенной». И она верховодила женщинами нашего аула, к ее мнению прислушивались.

Для кабардинок излюбленным местом обмена новостями были похороны, куда они шли «сжимать сердца от печали», то есть плакать. На похоронах между плакальщицами происходило негласное соревнование. Часто именно во время похорон рождались «гыбзы» – героические песни с трагической концовкой. Когда в аул привозили на

коне джигита, сраженного в бою, слагался «шишха-ег», то есть «плач над гривой коня».

Красиво плакать даже учились, это было особое искусство.

Увидев мать или жену умершего, женщины начинают голосить, но не все сразу. Первая причитает, подбирает традиционные слова или импровизирует. Ей в тон подхватывают другие и выводят самые высокие ноты, а потом, словно вода с мельничного колеса, падают громкие вздохи, и каждая плакальщица ведет свою партию.

Моя мать была одной из самых искусных плакальщиц. Она импровизировала. Ее траурные речитативы выжимали слезы из глаз даже у мужчин.

Был бы я музыкантом, непременно использовал бы удивительный и своеобразный вокализ, который можно услышать на кабардинских похоронах.

Мужественной, смелой – вот какой была моя мать. В годы ликвидации неграмотности темными зимними вечерами она сопровождала отца в ликбезпункт с винтовкой, хотя толком не знала, как из этой винтовки стреляют.

Занятия начинались поздно, после того, как «ученики» кончали работу. На весь класс горела одна лампа. На задних партах никто ничего не видел. Но некоторые нарочно садились туда, чтобы выказать свое недовольство, а то и сорвать урок. Споры возникали ожесточенные – шла коллективизация. Бывали случаи, когда кто-то кидал папахой в керосиновую лампу, и впотьмах начиналась потасовка. Однажды, увидев, как в темноте сверкнули обнаженные кинжалы, отец пулей вылетел в окно. А «личная охрана» отца – бесстрашная мать осталась в классе и бросила вызов бороатым ученикам:

– Подходите, кому жизнь надоела! Клянусь аллахом, выстрел из винтовки будет последним светом, который увидят ваши глаза.

В страшные дни немецкой оккупации бургомистр арестовал одну из моих сестер как заложницу. Ее ожидала смерть. Мать решила вступить в схватку с врагом. Она представляла себе исход и заранее подготовилась к смерти: помылась, потому что покойника полагается обмыть, прежде чем опустить в могилу, завернулась под платьем в белый саван, вооружилась большими ножницами – излюбленным оружием горянок – и пошла в управу.

Только случай спас ее от виселицы.

Куоз Кешокова уже «распечатала» девятый десяток. До сих пор она сохраняет ясность ума, феноменальную память. Мать – живая история. Все события, в которых она участвовала, песни, легенды, суры из Корана – все помнит старая женщина. Она помнит, например, приезд на Кубань брата царя Николая II – Константина накануне русско-японской войны.

Адыгейская знать постаралась обставить встречу великого князя как можно пышней. В аулах отбирали самых красивых и стройных девушек, которые могли бы украсить празднество своим присутствием. Среди них оказалась и Куоз. Мать об этом вспоминает, когда ей хочется подчеркнуть, какая она была...

Гегуако – распорядитель – оповестил собравшихся на празднество:

– Дочь великого князя объявляется в плену. Кто оспаривает честь вернуть великой княжне свободу?

Знатки обычая понимали, что это значит: надо внести «выкуп» – крупную сумму денег, которая пойдет на угощение гостей, приобретение призов к предстоящим джигитовкам. Была бы «пленница» простой адыгейкой – и рубля достаточно, а тут девушка из царствующей семьи! Все ждали: кто раскошелится, чтобы выразить свои верноподданнические чувства? Генерал Ханко? А может быть, Улагай? Собравшихся охватило волнение. Хотелось отличиться перед высокими гостями, показать удаль, щедрость. Адыги умеют быть щедрыми.

Всех опередил молодой уорк из Кабарды. Он вывел на арену красавца скакуна под кабардинским седлом, отороченным серебряным позументом. На передней луке нарядная плетка – кнутовище из самшита и слоновой кости с золотой инкрустацией. Красавец конь плясал на арене, вызывая всеобщее восхищение.

Распорядитель обратился к собравшимся:

– Вносится выкуп: кабардинский скакун под седлом. Кто больше?

Перешибить уорка никто не решился.

Великий князь попросил объявить, кто этот отчаянный человек. Им оказался офицер царской службы Берд Шарданов из Большой Кабарды, из аула Шалушка.

Куоз была в восторге: ведь и Пшемахо, ее любимый, тоже из этого аула! Одного не могла понять Куоз. Если в Шалушке есть такие богатые люди, как Берд Шарданов, то почему Пшемахо Кешоков так беден? И все равно она любит его.

Два брата Куоз учились в медресе вместе с Пшемахо. Они часто приглашали молодого кабардинца в дом, устраивали своего рода состязания: кто больше знает стихов из Корана, лучше говорит по-арабски, лучше владеет искусством красноречия. Пшемахо нередко выходил победителем и был счастлив, ловя на себе восхищенный взгляд юной Куоз. Может быть, он и приходил в этот дом из-за нее?

Несколькими месяцами позже Пшемахо явился к братьям Куоз и, положив на стол револьвер, сказал:

– Ваша сестра в соседней комнате. Мой наган здесь. Отдадите Куоз замуж за меня – наган достанется старшему из вас.

Для братьев это было неожиданностью.

Всполошились и сестры. Они бросились к Куоз:

– Не поступай безрассудно!

Сестры уже знали: избранник Куоз – сын пастушки индеек, у него ни коров, ни волов! Как можно из-за такого жениха уезжать за тридевять земель – куда-то в Кабарду!

Куоз была непреклонна. Она сказала:

– Нас шестеро сестер. Может же кто-то из нас умереть? Считайте: я умерла. Уеду – зовите плакальщиц.

Братья пожали плечами, они боялись худшего: как бы их сестра не сбежала с женихом. Тогда позор ляжет на всех. О калыме речь не шла. Пшемахо положил на стол все свое богатство – револьвер. У его матери нет ничего, кроме индеек, которые пригодятся лишь на свадьбе.

Последнее слово принадлежало матери Куоз.

Рано оставшаяся вдовой, она была волевой и трудолюбивой женщиной. Весной пахала, идя за плугом, летом молотила пшеницу, косила наравне с самыми опытными косарями аула, копнила, скирдовала, ездила в лес за дровами, вся работа – и мужская и женская – была на ее плечах. Мать сказала:

– Птица, научив своих птенцов летать, не выпытывает у них, где они совьют себе гнезда. Видит аллах, уберегла я детей от огня и кипятка, исполнила свой долг, как это ведется испокон веку, научила летать, а там ищите себе дерево... Застойтся вино – портится вкус, засидится девушка – теряет свежесть... Только жаль, что ты выбрала себе дерево голое...

Куоз вышла замуж за Пшемахо и уехала в Шалушку. Но она еще не раз возвращалась домой. Первый раз – когда скончался средний брат Исмаил. Произошло это так. Умер мулла. Врач, случайно оказавшийся в это время в ауле, установил причину смерти: тиф. Фанатичные мусульмане не приняли никаких мер предосторожности. На место умершего муллы поставили Исмаила, который заканчивал медресе. Юный Исмаил недолго возглавлял паству – тоже умер от тифа. «Видно, так угодно аллаху», – рассуждали правоверные. Место занял младший из трех братьев – Раджаб. Болезнь унесла и его.

Из дома не уходили плакальщицы. Весь аул долго был в трауре. Единственным утешением для матери служило то, что ее умершие сыновья причислены к лику святых и похоронены у входа в мечеть.

Горе примирило старшего брата и сестер с Куоз.

Иноплеменка прижилась в Шалушке. Род Кешоковых, в котором насчитывалось тогда с десяток дворов, считал ее лучшей снохой, да и сама она не пропускала случая похвалиться перед женщинами: мол, за меня калым уплачен оружием, а не кукурузой.

В день похорон моего отца она выбрала себе место рядом с его могилой. Мать иногда ходит на кладбище проверять, не «занял» ли кто ее место. Убедившись, что оно «ждет» ее, приглашает к себе стариков, которые вот уже четвертый десяток лет берегут для Куоз те три аршина земли.

Мать это ценит. О своей смерти она говорит просто и спокойно, словно о переезде из одной долины в другую.

Перед тем как идти к бургомистру заступаться за свою дочь, мать отправилась к могиле отца и положила возле нее платок. Это означало: я приду к тебе, жди. Готовность к смерти давала ей силу.

Двух сыновей и пятерых дочерей воспитала моя мать. Когда ее хотели наградить за многодетность, она сказала:

– Радость иметь детей – для матери высшая награда. – И не пожалела, чтобы ее представили к медали.

Если в моей душе еще в детстве вспыхнула любовь к поэтическому песенному слову, зародился интерес к народным сказаниям и легендам, то этим я обязан матери.

Холод учит ценить тепло

Когда думаешь о жизни, то кажется, что ты стоишь посередине горного потока, словно опора под мостом. Слева и справа пронесется грохочущие волны, а ты, захлестываемый шипящей пеной, стоишь и держишь на плечах концы двух пролетов – прошлое и будущее.

Закрою глаза и ясно вижу перед собой наш кривобокий турлучный домик – из плетня, обмазанного глиной, с соломенной крышей. Вокруг, у основания стен, булыжные камни, чтобы ливневый поток не подмывал.

В доме три комнаты: спальня, кухня и третья, с громким названием «гостевая». Пол земляной. Окна так низко посажены, что, сидя на полу, видишь, что делается во дворе.

В ауле не умолкали разговоры о событиях, потрясших Россию. «Как Эльбрус дает начало рекам, так и Петроград – начало новой жизни», – говорили люди.

Представления о революции у большинства шалушинцев были далеки от ясности. Мне запомнился рассказ солдата из «дикой дивизии» о том, как свергли царя. По его словам, это происходило так.

Разгневался народ, расшумелся, окружил царский трон. До ушей самодержца долетали слова: «Не хотим тебе подчиняться, царь! Сойди с трона! Сойди подобру-поздорову, пока мы не перерезали тебе подпруги! До сих пор мы боялись твоего гнева. Теперь побойся нашего!» Испугался царь, поджал хвост, спросил: «Все ли народы так думают?» Ответ загредел как гром: «Так думают люди всех языков!» Притих самодержец, призадумался и изрек: «Быть по-вашему. Одного только прошу: пусть ударит музыку военный оркестр в тыщу труб». Позвали оркестр, и он заиграл...

Тут рассказчик изображал военный оркестр в тысячу труб. Он пел, жестикулировал обеими руками, прихлопывал, притопывал, причмоки-

---

вал, присвистывал. Слушатели зримо представляли, как царь сходит по ступенькам с высокого трона, чтобы уступить власть народу...

Смысл происходящих событий мог объяснить только мой отец, который приносил в аул газету «Терек», издававшуюся во Владикавказе.

Его постоянным собеседником был старик Баляцо Браев, наш сосед и родственник.

Однажды я услышал, как отец сказал Баляцо:

– Большевики нас не тронут. Казаков надо бояться.

Я не понимал, конечно, о чем речь. Но запомнил слова и, выбежав на улицу, громко закричал: «Казаков надо бояться!» Всадник, который проезжал в это время по улице, догнал меня и хлестнул плетью. Я решил, что это и есть казак, которого надо бояться.

«Казак» оказался моим родным дядей. Он пришел в дом и потребовал от отца: отдай мне свою новую шубу или я выдам тебя.

В давние времена у кабардинцев существовали хабзенша – беззаконные. Это были рабы, которых выменяли или купили, выкрали или взяли в плен. И дети таких людей попадали в хабзенша. Они не имели права распоряжаться даже собственным имуществом. Теперь всех тех, кто симпатизировал большевикам, объявляли «хабзенша», и каждый мог завладеть их имуществом.

Отец не поверил своим ушам: родной брат хочет его предать?! Но тот не шутил, снял со стены овчину – подарок тети отцу – и пошел к выходу.

Мать преградила ему дорогу. Она вцепилась в шубу. Дядя оттолкнул ее. Тогда мать ударила его ногой.

– Иди, выдай меня, а не своего брата! – вскричала она и выхватила из огня раскаленный вертел.

«Казак» бросил шубу и вылетел в дверь, чтобы на нем не выжгли фамильное тавро.

Не зная, как отомстить за обиду, мой старший брат тайком забрался к дяде на чердак и забил дымоход соломой. Отец решил отдать себя в «залог» конокраду, жившему неподалеку от нас. Он понял, что его брат не успокоится, пойдет на все, чтобы завладеть шубой. Отец отправился к разорившемуся князю-конокраду и сказал, как это требовал обычай: «Ищу защиты у бога, а после бога – у тебя».

Неуличный конокрад, который делил свою тайну с аллахом и не имел ничего, кроме дома, верхового коня и седла, уважал обычай. Он принял Пшемахо под свою защиту, заверив клятвенно: «Твой враг – мой враг». Подтвердилась пословица: «Лучше хороший сосед, чем плохой брат».

Мы с матерью носили им еду.

Дядины дружки пришли к дому конокрада, но он предупредил их: тот, кто переступит порог, упадет мертвым!.. Он не шутил. Закон был на его стороне.

Тогда дядя решил обратиться к казакам, на которых не распространялись кабардинские родовые обычаи. С этим нельзя было не считаться, и отцу пришлось покинуть дом конокрада.

Он зашел домой, чтобы взять припрятанное оружие. Но в это время туда ворвались абреки, спустившиеся с гор. На руках у них были красные повязки, и отец принял их за своих, рассказал о происшедшем. Абреки схватили отца и повели на расстрел. Мать кинулась за ними, бросила шубу к их ногам – берите, но оставьте в живых отца семейства!

Бандиты забрали шубу, оружие отца и ушли. Отец той же ночью скрылся.

Теперь чуть ли не каждый день в нашем доме устраивали обыски. Кончился запас продуктов. Мне приходилось ходить по аулу с глиняной миской в руке и просить соли. Черный чай да кукурузные лепешки – вот была наша пища.

От голода умерла сестренка. Мать послала меня к соседям – рассказать о нашей горе и просить стариков, чтобы они пришли похоронить ребенка. По кабардинским обычаям только мужчины хоронят умерших. Встретив на улице одного из тех, кого надо было позвать на похороны, я передал просьбу матери. Он грубо ответил:

– Детям большевиков место не на кладбище, а на скотомогильнике...

Но большинство сочувствовало нам. В полдень старики пришли во двор. Они завернули прах сестренки в циновку и унесли хоронить.

Вернулись красные. Мы с нетерпением ждали отца, его вместе с двумя товарищами привезли на подводе – они были больны тифом. Положили их на чердаке и на всякий случай мне и Рашиду велели никому об этом не говорить.

К больным поднималась только мать. Иногда вполголоса требовала: «Поддай-ка чашку воды» или «Сбегай к знахарке за лекарством». Мне очень хотелось увидеть отца, особенно после того, как мать однажды со слезами на глазах рассказывала бабушке: отец в бреду твердит, будто его ноги превратились в козлиные. Я считал, что такое превращение возможно. Поделился своими предположениями со старшим братом и получил подзатыльник за «разглашение тайны».

С севера подошли белые, началась артиллерийская стрельба. Это войска белобандита Бичерахова били по Нальчику, где большевики удерживали власть. Пальба из пушек наводила ужас на жителей аула. Те, кто был поближе к горам, пытались укрыться в ущельях, другие спрятались в лесу. Меня обстрел застал на улице, когда я возвращался домой с одолженной щепоткой соли. Я бросился в находившийся рядом каменный дом конокрада, где еще недавно скрывался отец. Там собралось много людей. Женщины голосили, читали суры из Корана. Нам,

маленьким, не велели подходить к очагу: не дай бог в дымоход угодит снаряд. Хозяина не было дома, видимо, ушел «на дело». Зажав в кулаке драгоценную соль, я забрался в плетенную из тонких ивовых прутьев сапетку для зерна, зарылся по уши в кукурузу.

Когда стрельба кончилась и я вернулся домой, оказалось, что отца и двух его товарищей, не совсем еще поправившихся после тифа, красные, отступая, увезли с собой.

Белые промчались по улицам, не останавливаясь. Впереди – Нальчик. Большевики ушли в горы.

Наша семья опять попала в число хабзенша, и каждый мог безнаказанно забрать у нас все, что захочет. Но у нас уже ничего не было: ни скота, ни даже кур. В доме пусто.

Я бродил по аулу с сумой. Кто что даст. Зима была ранней и снежной, а я ходил босиком, не ходил, а летал: ступни мои горели огнем.

Однажды в ауле появились всадники. Говорили, ищут красного, бежавшего из-под расстрела. Каждый незнакомый парень подвергался допросу.

Оказалось, что бежал один из родственников Бетала Калмыкова, которых вели на расстрел. Когда конвоиры подвели обреченных к обрыву над рекой Нальчик, юноша прыгнул и бросился бежать. Запоздавшие выстрелы не догнали его. Он словно растворился в сумерках.

Вечером и к нам во двор пришли с обыском. Несколько человек встали у окон, двое вошли в дом. Один из бандитов с наганами в обеих руках потребовал:

– Скажи, где скрывается твой большевистский муж!

Мать не растерялась. Она ответила:

– Если кабардинские князья так низко пали, что, пренебрегая достоинством мужчины, ищут врага не на поле боя, а в детских пеленках, то ищите в этих корзинах...

И вытащила из-под кровати две старые корзины с тряпками.

Офицер, не ожидавший такого отпора, пришел в замешательство, стал говорить, что он действительно из князей, в пеленках рыться не намерен, но большевика достанет даже из-под седьмого слоя земли.

Аул был разграблен белыми. Большинство лошадей реквизировано. А кабардинец без лошади как без рук и ног. Люди настолько обнищали от различных поборов, «контрибуций», что хоть милостынно проси.

Мать утешала нас:

– Ничего. Холод учит ценить тепло.

В марте 1920 года в Кабарде окончательно установилась Советская власть. Вернулся отец. Я целыми днями пас его гнедого коня.

Землю, которая досталась нам, обрабатывали мы с братом – отцу было некогда заниматься этим: ведь он был председателем сельского ревкома. Мне еще не исполнилось и шести лет, а уже приходилось быть

погонщиком во время пахоты и боронования, полоть кукурузу, ездить в лес за дровами.

Выкрутасами, которые проделывал на спине коня, я удивлял моих сверстников. Я мог ехать рысью, стоя вверх ногами, плясать на крупной лошади, пустив ее галопом.

Лошадь привыкла ко мне, и мы с нею были друзьями. Ее называли «военной», а мне хотелось, чтобы она была скаковой, брала призы на скачках. В свадебный обряд кабардинцев входили скачки, победителя награждали «ореховым флагом». Из лесных орехов, нанизанных на нитки, женщины делали нечто вроде флага. «Ореховый флаг» считался высшим призом, и если говорилось о достоинствах скакуна, то перечислялись свадьбы, где ему присуждалась эта почетная награда.

Шалушинцы веками страдали от малоземелья. Советская власть провозгласила: землю – крестьянам. Участок, которым владели Шардановы, передали безземельным: те, у кого земли оказалось больше нормы, должны были отдать лишнее.

Но бывшие батраки, получившие землю, не имели ни крова, ни скота, ни инвентаря. Пахать не на чем. Вспахешь – где возьмешь семена? Люди выходили в поле с лопатами в руках. Иные сеяли просто по стерне. Вырастет – хорошо, не вырастет – на аллаха вся надежда.

Пришло лето. Оно не обещало урожая. Что принесет зима?

Отец часто уезжал – искал, чем бы прокормить семью. Помню его комнату – кунацкую. Там стояла железная кровать, кушетка, стол и два стула. На стене кабардинское седло и рядом – наплечная бурка. Кровать застлана толстым одеялом из овечьей шерсти, на узорчатой циновке, привезенной из Адыгеи, чернела винтовка. Все это постепенно исчезало, обменивалось на кукурузу.

Если отец возвращался с гостем, матери приходилось кормить и гостя. Зимой гости долго не задерживались, потому что кунацкая не отапливалась и земляной пол ночью покрывался тонкой пленкой льда.

По утрам, закутанный в бурку или пальто, отец врывается к нам в комнату, садится у очага и спешит развести огонь, чтобы согреться, а мать принималась думать, чем бы нас накормить. Она советовала отцу продать лошадь. Отец упирался, не хотел расставаться с единственным богатством.

В мою обязанность входило утром и вечером водить коня на водопой. Я садился на него, точнее, становился коленями так, чтобы полую полушубка прикрыть голые пятки.

Той зимой я впервые пережил смерть близкого мне человека.

К нам в гости часто приходил родственник отца Корней, молодой и сильный парень, которого я очень любил. Он всегда играл со мной.

Бывало, увидит на дереве единственную спелую грушу и поднимет меня, чтобы я ее смог сорвать. Или опустится на четвереньки и велит мне головой встать ему на спину.

– Я сделаю из тебя канатоходца, – говорил он.

Корней вступил в военизированную охрану. Ночью на железнодорожный мост через Терек напали бандиты. В завязавшейся схватке Корней был убит. О его гибели родственники узнали лишь на третий день.

Прах Корнея перевезли в Шалушку. Род Кешоковых был опечален. Все мужчины от мала до велика собрались в нашем доме. Помню, говорили о неурожае, о голоде. Голод все туже затягивал петлю.

Отец и мать уехали на Кубань за кукурузой. Мать надеялась на своего старшего брата. Только он мог чем-то поделиться, дать хотя бы на семена.

В нашем ауле расквартировали воинскую часть. Каждой семье досталось по одному-два красноармейца. Так как у нас в доме не было взрослых, к нам определили одного. Это был высокий сероглазый блондин, работяга, мастер на все руки. Не мы с братом заботились о нем, а он взял на себя обязанности хозяина дома и кормил нас.

Это было мое первое знакомство с русским человеком. Звали постояльца Федор. Для меня, впервые слышавшего русскую речь, его имя звучало как-то странно. Мы с братом называли его вначале «руська господин» – по примеру соседки, величавшей так своего постояльца.

Услышал это я, когда побежал к соседям посмотреть, кого определили к ним. Соседка как раз подала красноармейцу обед, состоявший из чашки бузы, крутой пшенной каши, называемой пастой, и кусочка брынзы. Пожилой красноармеец долго рассматривал непривычную для него еду. Видимо, думал: с чего начинать? Хозяйка заволновалась: может быть, гость обиделся? Слишком мало положила? Она заговорила с ним на таком русско-кабардинском языке, что даже мне стало смешно.

Федор не хотел называться «руська господин». «Дядя» – и все. А «дядя» – это почти по-кабардински: «дада» – «отец». Я его так и называл, а он платил мне лаской, вниманием, заботой. Сначала мне, потом Рашиду он смастерил башмаки на деревянной подошве. Это было счастьем: впервые на улице не мерзли ноги.

Весть о красноармейце – мастере башмачных дел – разошлась по аулу. Федора стали переманивать в другие дома, обещая ему лучшие условия. То ли ему не разрешали его начальники, то ли сам не хотел, но он оставался у нас.

Мы с Рашидом любили смотреть, как Федор работает. Глаз увидит – рука повторит, говорят кабардинцы.

На чердаке он нашел шкуру забитой телки, разрезал ее на куски, счистил шерсть. Потом пошел в лес, притащил несколько кругляков ольхи. Из них он вырубал колодки, набивал на них кожу. Гвоздики делал из чурочек акации. Мы старались помогать Федору, учиться у него.

По паре башмаков приготовили отцу и матери. Потом стали обменивать башмаки на пшено, кукурузу и брынзу.

К Федору приходили и красноармейцы, его товарищи. Один просил подбить подметки, другой – починить седло. Федор никому не отказывал, трудился с утра до вечера.

Вернулись отец и мать. Они не знали, как благодарить Федора. Отец тут же взялся доставать сафьян. Из-за неурожая многие забивали скот, и, говоря по-теперешнему, кожсырья было достаточно. Казалось, пришло спасение от голода. Федор делал башмаки, а мать заставляла Рашида наполнять ими сумку и ходить по аулу менять на продукты. В доме появилась кое-какая еда, и в сердце матери затеплилась надежда. Брат осваивал выделку колодок из ольхи.

Неожиданно все рухнуло в один день – полк перевели на новое место. Провожая Федора, мать повторяла со слезами:

– Спасибо, сынок! Да будет твоя дорога дневной...

Почти полвека спустя я узнал, – этим полком командовал Сергей Николаевич Голубов, ставший потом известным советским писателем.

Федор как бы подарил нам свое незатейливое ремесло. Отец и брат по готовым образцам вечерами сами стали мастерить башмаки. Теперь о цене не спрашивали. Дашь пару яиц, и башмаки твои. Их приобретали большей частью верующие мусульмане, даже мулла и хаджи: в башмаках удобно было ходить в мечеть. Совершив ритуал омовения, легко сойти с башмаков и переступить в носках через порог в храм.

Впрочем, эти же верующие и подорвали нам «коммерцию».

По пятницам в месяц рамадана все ходили в мечеть. Взрослые мужчины – совершить намаз, женщины – послушать проповедь муллы, а мальчишки – поозоровать.

Однажды подростки, среди которых был заводилой мой брат, заспорили: можно ли пробежать по спинам совершающих намаз от одного конца мечети до другого, пока молящиеся кладут поклон, касаясь лбом молитвенного ковра? Мнения разошлись. Одни загорелись затеей, другие видели в этом великий грех, третьи просто боялись: поймают – уши надерут.

Рашид горячился:

– Пробегу – поймать не успеют.

Дело в том, что Коран запрещает мусульманину, когда он говорит с самим аллахом, отвлекаться на посторонние дела, не имеющие отношения к священному ритуалу. Кто-то рассказал случай из жизни восточного мудреца Насреддина. В его дом залез вор в тот момент, когда мудрец стоял на молитвенном коврике, совершая полдневный намаз. Вор забрал все, что попало ему на глаза и, видя, что хозяин не обращает на него никакого внимания, решил раздеть и его жену. Грозя ножом, он оставил

ее в одежде Евы и покинул дом. Окончив намаз, Насреддин сказал: «Как жаль, что в Коране нет молитвы против воров».

Притча эта усилила жажду озорства. Рашиду во что бы то ни стало хотелось доказать свою смелость, и он решился:

– Попробую!

Ребята гурьбой двинулись к мечети. Мечеть была битком набита. У порога горы обуви. Среди них мы узнали и башмаки нашей работы. Правовверные, совершающие намаз, стояли плотно, плечо к плечу. Ни на секунду не затихал говор – мулла громко произносил слова молитвы, верующие хором повторяли. Они то выбрасывали руки вперед, то становились на колени, потом ударялись лбами о циновки или кошму – клали поклоны, при этом спины их выгибались, напоминая спины пасущихся овец.

Рашид сверкнул озорными глазами и вихрем ворвался в мечеть. Перемахнув через кучу обуви, он понесся по спинам, как по живому мосту. Может быть, среди нас нашлись бы последователи смельчака, но кто-то из молящихся в другом конце мечети, нарушив закон Корана, схватил озорника и отвесил ему несколько чувствительных подзатыльников.

И все равно брат выглядел героем. Теперь он боялся одного – гнева отца. Мулла, конечно, пожалуется.

Что делать? Надо скрыться хотя бы дня на два, пока гнев отца не остынет.

Договорились, что Рашид спрячется на чердаке. Матери брат сказал: «Буду держать уразу». По возрасту ему было рано, но он решил доказать, что уже взрослый, а мать не отговаривала: ведь есть все равно было почти нечего.

Держа уразу, верующие должны воздерживаться от пищи до тех пор, пока черную нитку они отличают от белой. После первого же дня уразы брат понял: не стоит опережать время, подрастет – узнает, как это несладко. Придумали выход: Рашид спускал с чердака веревку, а я подвешивал к веревке еду, которую украдкой уносил из дому. Таким образом Рашиду удалось и спрятаться от гнева отца, и снискать у матери репутацию правоверного мусульманина.

Но башмаки после случая в мечети верующие покупали у нас куда менее охотно.

Шла весна 1921 года. Воздух наполнялся весенними звуками, ароматом. Даже облака, казалось, резвились, как телята на голубой лужайке.

Этой весной звучало особенно много песен. Духовно обновленные люди были полны забот и надежд. Лишь став взрослым, я понял смысл этих песен, которые заменяли тогда и радио, и газеты.

Неграмотные шалушинцы очень часто именно по песням судили о людях и событиях. На семейные торжества, свадьбы зазывали молодых парней и девушек, чтобы послушать их новые песни. По традиции, пе-

нию предшествовал рассказ о том, по поводу чего сложена песня. Здесь можно было услышать о подвигах красных партизан, о Бетале Калмыкове. Мы же, ребята, пели все, что слышали от взрослых, не очень вникая в смысл. Откуда мне, семилетнему мальчугану, было понять, что в этих песнях отголоски событий великой эпохи.

Однажды к матери пришла жена князя-конокрада, пожилая женщина, кичившаяся своей «знатностью». Она ничего не понимала в происходящем. Много ли узнаешь, если муж занят лишь конокрадством. Княгиня повторяла одно: царя свергли, а без царя народ – что стадо без пастуха. Оттого все кобылы, подняв хвосты, пошли куролесить...

У матери было свое сравнение: пчелы-работяги убили пчелу-трутня. Княгиня возражала:

– Аллах заранее определил: кому изнашиваться в поле, кому изнашиваться в седле. В России люди друг другу головы рубят из-за царского трона. Народу много, а трон один, значит, еще немало голов полетит. А чего кабардинцы своим коням хвосты подпалили – не пойму. Никому же из них русский трон не достанется...

– Царский трон, что горячая сковорода, – не засидишься. А Кабарду поведет Бетал Калмыков, – говорила мать.

Бетала Калмыкова и Назыра Катханова знали все кабардинцы. Они были организаторами партизанского движения и борьбы за утверждение Советской власти на Северном Кавказе.

– Ты за кого – за Бетала или против Бетала? – спрашивали на сходах, и это означало: ты за большевиков или против большевиков?

Ходили легенды, будто Бетал стал героем, потому что его вскормила своей грудью некая Каражан, женщина-богатырь.

У этой легенды реальная основа: Беталу было всего несколько месяцев, когда его мать заболела, и Каражан, соседка, кормившая в то время своего ребенка, выходила младенца, вскормила его.

Каражан действительно была дородной, весила более десяти пудов. Ее боялись женщины аула не только потому, что она выглядела среди них как индейка среди цыплят. У Каражан был не язык, а обоюдоострый кинжал, и владела она им лучше, чем жнец серпом.

Бетала Каражан любила как родного сына и хотела, чтобы он был самым сильным, самым смелым.

«Чей конь должен быть отменнее всех? – спрашивала она и сама отвечала: – Конь моего Бетала. Чье оружие должно разить без промаха? Оружие моего Бетала! При появлении кого девушки должны, млея, опускать ресницы? При появлении моего Бетала! Вот горы Кавказа. Над ними возвышается Эльбрус. Будь Эльбрусом среди парней!» – внушала она Беталу.

Каражан рассказывала своему любимцу о нартах, необыкновенных богатырях, и каждую легенду о сказочных героях заканчивала словами: «Ты должен быть таким, как они».

Бетал и в самом деле вырос парнем богатырского сложения, с мощным голосом. И характер у него был волевой, решительный. Он словно родился вожаком, за ним шли люди, ему верили.

Каражан гордилась Беталом. Придут красные в аул – она первой выступает на сходе и каждый раз начинает одинаково: «Я этой грудью вскормила Бетала, сына моего». Любители пошутить подзадоривали: «Да, твой выкормыш не голодал...»

Установится в ауле власть белоказаков – Каражан на сходе снова берет слово первой и бросает в толпу: «Не я молоком вскормила Бетала, его вскормила волчица». Белоказики не догадывались о тайном смысле ее слов, а жители аула прекрасно понимали, что Каражан хотела сказать. Быть вскормленным волчицей – значит стать сильным, бесстрашным, как серый волк: по-кабардински «серый» и «владыка» – синонимы.

Родную мать Бетала Калмыкова, его братьев и сестер белогвардейцы замучили. Они подожгли их дом, мать Бетала раздели догола и под улюлюканье и свист пытались заставить плясать. Затем связали ее брата Хаджи и на глазах у жителей аула зарезали кинжалом. Вволю натешившись над своими жертвами, белогвардейцы погнали мать Бетала с ее малыми ребятами в тюрьму. Их вели раздетыми и босыми по снегу. Сорок верст длилась дорога мук и страданий – последняя для обреченных.

...Долго спорили о Бетале моя мать и княгиня. Потом выяснилось, что княгине надо перебраться к родителям в соседний аул Кошроково, а ехать не на чем. Они вдвоем запрягли нашу лошадь в пароконную подводку, а возницей велели сесть мне.

Всю дорогу я пел песни, какие только знал, в том числе и о революции, о Гражданской войне, о победе над богатыми и знатными.

Впереди нас ожидало знойное лето, а дальше «гай», что по-кабардински значит год плача, неурожай.

Из Малой Кабарды доходили трагические вести. Там от голода вымирали аулы. Хотя рядом протекал полноводный Терек, его воды не орошали поля, и всходы гибли. В ауле Хапцей умерших уже некому было хоронить.

Как-то к нам пришел дед Баляцо, с его огненных усов стекала улыбка. Почему в такой день, когда каждого за глотку схватил голод, старик радуется?

Отец привык к чудачествам соседа.

– Вижу, твоя собака поймала лису.

– Угадал. На, смотри. – Баляцо из тайников папахи извлек аккуратно сложенную газету и развернул ее так осторожно, словно со страниц могли посыпаться буквы. – Смотри. Про наш аул пропечатали.

Пока отец рассматривал газету «Красная Кабарда», старик рассказывал, как она ему досталась.

Баляцо сделал два небольших плетня из разноцветных побегов орешника и кизила, чтобы выменять их на что-нибудь съестное (рисунчатые плетни Баляцо славились в ауле, были даже узоры, которые назывались «Баляцын узор»). Старик понес плетни в Нальчик, на базар. Один продал сразу, а с другим пришлось постоять. Базар уже расхотелся, а никто не приценивался к плетню. Баляцо начал беспокоиться, как бы не пришлось тащить плетень обратно. Вдруг подходят покупатели. Разговорились, и один горожанин, узнав, что Баляцо из Шалушки, спросил: это не про вас пишут? И прочитал в газете то место, где говорилось о сельском сходе в Шалушке, на котором выступал Баляцо Браев.

Старик не сразу поверил. Но горожанин перевел прочитанное на кабардинский язык, это были в точности те самые слова, которые Баляцо сказал об Исмаиле Шарданове и братьях Адыгеуновых, занимавшихся бандитизмом. Они пришли на сход, заявили о своем желании вернуться к мирной жизни и просили прощения и поддержки. Когда нашлись поручители, готовые поверить бандитам, Баляцо не вытерпел:

– Почуяли голод – к очагу потянуло. Имейте в виду, змей за пазуху кладем. Смотрите, как бы не поплакать. Отогреем змей своим теплом, а потом они ужалят. Чтобы этого не случилось, надо сначала вырвать у змей жало, выдать абреков властям, пусть ответят перед законом за убийства и грабежи.

И вот все это напечатано в газете. Баляцо отдал за нее узорчатый плетень. Газета стоящая. На ней обозначена цена: две тысячи рублей.

– Как ты думаешь, Бетал читал эту газету? – спросил Баляцо отца и, получив утвердительный ответ, гордо провел рукой по усам. – А лесник из аула Кошроково?

– Он неграмотный, – ответил отец.

Газета была интересной, и отец погрузился в чтение, не замечая волнения старика. А того прямо распирало желание поговорить о своем выступлении на сходе, о котором теперь узнают везде. Он же всадил бандитам кинжал по самую рукоять. Простят ли они ему? Ведь когда сход принял предложение Баляцо, бандитов как ветром сдуло, они снова ушли в горы. Теперь жди возмездия...

ТРЕТЬЯ В НАЛЬЧИКЕ, ТРИНАДЦАТАЯ НА КАВКАЗЕ

Внезапно оказалось, что встречи молодых писателей Северного Кавказа, организованные Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ, чаще всего проводятся в Нальчике. Впрочем, это очень притянутая за уши, пусть и приятная для республики формулировка. Дело в том, что в теперь уже вполне далеком 2007 году самое первое Собрание молодых писателей республик Северного Кавказа состоялось в Нальчике. Координировала его Мадина Хакуашева. А дальше пошло по кругу по всем субъектам округа, включая Адыгею из ЮФО и исключая Ставропольский край.

К 2015 году был сделан полный круг, и снова настала очередь Кабардино-Балкарии. После КБР были Майкоп, Домбай, Владикавказ. В прошлом году, в Северной Осетии, Собрание молодых писателей трансформировалось во Всероссийскую школу писательского мастерства СКФО, а в других федеральных округах тоже стали проходить подобные съезды пишущей молодежи. Таким образом, Адыгея оказалась, условно говоря, за бортом – в своем округе, а не в нашем. Зато Ставрополье наконец-то присоединилось к прочим субъектам Северо-Кавказского федерального округа. И, надо заметить, присоединилось очень убедительно – Эгвина Фет (она же Марина Григорьева) вот уже два года оказывается в числе лучших по итогам Школы. Но это если забежать наперед.

Итак, год 2019-й ознаменовался для молодых писателей округа Школой в Нальчике. Нельзя сказать, что он стал слишком урожайным в плане количества заявок, но конкурс состоялся и для участия отобрали 21 молодого литератора.

Школу проводил литературный журнал «Звезда» – старейший ежемесячный «толстый» журнал России. Редакцию представлял главный соредактор журнала Андрей Юрьевич Арьев, который, к слову, выступил в этом году руководителем мастер-класса поэзии. Мастер-классом прозы руководил писатель из Санкт-Петербурга Николай Прохорович Крышук, в конце 80-х – начале 90-х возглавлявший ныне закрывшийся журнал «Ленинград».

Школа прошла в традиционной форме: в течение нескольких дней разделенные на два мастер-класса поэты и прозаики занимались обсуждением своих произведений, говорили – теперь уже все вместе – о проблемах молодых литераторов, их интеграции в «большой» литературный процесс на круглых столах, прогулялись по Нальчику и осмотрели некоторые его достопримечательности.

Мастерами был отмечен высокий уровень владения русским языком и общей эрудиции участников Школы, а также абсолютная непохожесть авторов друг на друга. Среди прозаиков есть и реалисты, и мистики, и постмодернисты. Среди поэтов – приверженцы традиционной силлаботоники и верлибров. Хотя Андрей Арьев подчеркнул, что нечто общее в произведениях всё же найти можно, например, некий возвышенный романтический пафос. Последний, думается, можно считать особенностью кавказского мировосприятия и мировоззрения.

Подводя итоги Школы, Андрей Арьев и Николай Крышук порекомендовали ряд литераторов для участия в 19-м Международном форуме молодых писателей, который пройдет в сентябре в Ульяновске. В списке счастливых два поэта из Кабардино-Балкарии – Марина Мазуренко и Дарья Шомахова, поэт Заур Ганаев и прозаик Адам Салаханов из Чечни, прозаик из Северной Осетии Виктор Чигир, поэт из Ставропольского края Эгвина Фет, прозаик Руслан Бакидов из Дагестана. Стоит отметить, что еще два человека получили рекомендации для участия в специализированных мастер-классах на форуме. В случае одобрения этих кандидатур Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ, Анастасия Блищавенко из Дагестана отправится на МК детских писателей, а Валерия Чуйкова из Ставрополя – на МК драматургов.

Марина МАЗУРЕНКО

Пишет под псевдонимом Веда Вереск. Более четырех тысяч подписчиков в паблике в социальной сети «ВКонтакте». Работает корреспондентом в газете «Кабардино-Балкарская правда». Тексты Марины интересны неожиданным выбором тем и лексики. В её стихах личные переживания, чувства и мысли встречаются с образами и сюжетами, отсылающими к мифологии и фольклору разных народов, образуя необычный сплав индивидуального и архетипического, складываясь в узнаваемый стиль.

Цирк уродов

Когда ты расшифруешь чёрный ящик,
Что доставят после моего провала,
Потеряешь след в первобытной чаще,
То поймёшь – я такое не выбирала.
Меня не учили приземляться на лапы,
Я могу только задирать подбородок,
Сплевывать кровь, скалясь под светом рампы
(Самый красочный номер в цирке уродов).
Каждый день меняются только числа,
Лица те же, те же слова, идеи...

Всё, что есть во мне белого – грошовый ризлинг.
Всё, что есть чёрного – отдам, не жалея.

Про таких, как мы, едва ли напишут в книгах:
Я не дева в беде, а ты не похож на принца.
Шоу кончилось, время смывать грим и двигать.

Если ты со мной – пристегнись, и не забудь помолиться.

Всё-таки песня

Я пела весне, я пронзительно пела весне,
Пряталось солнце, оконные стёкла дрожали.
Брезгливый прохожий плевался в подтаявший снег,
Ругань вонзалась, трава, как змеиное жало.

Ветер крепчал, взлетая над грязной рекой,
Рассеивал в пыль всё то, что от нас оставалось.
Ты плохо поёшь? Тогда не позорься, не пой,
Не пиши, не рисуй. Ни строчки, ни самую малость.

Нескладно играешь, так значит, совсем не играй.
Сады расцветут, а мы – никогда не воскреснем.
Но даже вороний, надсадный, измученный грай –
Всё-таки песня. Весенняя горькая песня.

Белый флаг

Просыпаться в нашем с тобою городе,
Это как ощущать, что по телу скользит прицел.
Давай выпьем кофе, если опять не голоден.
Хочешь, я расскажу, что случится потом, в конце?
Это место сожрёт нас, оставив сухие остовы,
Превратив в перегнутой все страдания и мечты.
Почти незаметно стали угрюмо-взрослыми –
Я сама не своя, да и ты – далеко не ты.
Так скажи, что о нас останется в чьей-то памяти?
Что любили, работали, ездили на моря?
Дорогой пассажир, вы, наверное, и не знаете –
Мы в сердце бури, оборваны якоря.
Смейся, мой милый, но годы и это вытравят,
Вернуться к былому будет уже никак.
Знаешь, финал – это вовсе не кадры с титрами,
Настоящая смерть – это поднятый белый флаг.

Медное сердце

Чужие дома встречают весёлой песней, словно не властен над ними зловещий рок.

– Где здесь кузнец, подскажи-ка мне, друг любезный? Бежала сюда со всех перемерзших ног, то вброд через реку (вскрылся лёд накануне), то через дубраву, перепугав зверьё. Мне рассказала юродивая вещунья, что мастер ваш сможет горе смягчить моё. Будто сумеет он сладить стальные зубы, медное сердце, да верный, простой клинок. Времени мало, злой месяц идёт на убыль, ждут впереди сорок больших дорог.

– Верно сказали, наш мастер весьма искусен – голос ковал онемевшему соловью. Вправо ступай – видишь дымок над кузней? Первая хата, над речкою, на краю.

В кузнице душно, чуть теплятся угли в горне, кузнец говорит, мол, беспутная, уходи. Воздух горячий в кровь раздражает горло, медь ударяет в клетку её груди.

Песни смолкают и только собаки воют, мастер забылся под тяжестью древних плит. Сорок дорог перепутались за спиною, медное сердце по-прежнему не болит.

Дарья ШОМАХОВА

Пишет преимущественно верлибры, иногда силлабо-тонику. Журналист, главный редактор ежемесячного журнала для детей «Солнышко», соавтор проекта «Литературный журнал «Буква». Тексты Шомаховой – это поиск себя и самовыражение посредством не самой популярной в российском литературном пространстве формы – свободного стиха.

Из пункта

Прямо как в тот раз –
Одной тени достаточно,
Чтобы забыть за выдохом
Сделать вдох.
Чтобы не вспомнить,
Что за неровный стук
Делит тишину на два.

Встреча, которой не было:
Из пункта Б в разные стороны
Выбежали два дурака.
Когда они столкнутся,
Если один бежит со скоростью
Три неотправленных сообщения в год,
А второй стоит под зимним дождём,
Проклиная размеры этого города,
И убеждает себя,
Что всё сделал правильно?

InDeath

Это потом, в самом конце,
Глядя в пустые глазницы,
Я пойму, в чём ошиблась.

Она выразительно постучит
Лишенным одной фаланги
Указательным пальцем
По виску.
Мол, ты, матушка,
Дурища знатная.

Я пожму плечами –
Исправляться поздно.

Она поманит всё тем же
Усечённым указательным,
Прижмёт свой костяной лоб
К моему вечно хмурому,
Прочистит горло,
Скажет –
В трёх кварталах
Чудесная кофейня.
Иногда мне приносят оттуда
Эспрессо. Или американо.
А я хочу флэт-уйат.
Или раф с дурацким сиропом.

Я буду слушать,
Кивать, когда надо,
Возмущенно цокать языком.
Потом скажу –
А хочешь, я сгоняю,
Возьму нам по стаканчику.
Тебе с кленовым сиропом,
А мне...
Она перебьёт –
А тебе
Домой надо.
У тебя там ошибку
Пора исправлять.

Какая весна

Отсюда не видно восхода луны,
Сквозь тени не слышно дыхания.
Светом холодным сквозь гребень волны –
Сон, помутивший сознание.

Ветер вприпрыжку по лестнице вверх,
Шорохи на подоконнике –
Смешной и нестрашный (бес)смертный грех
В старой немой кинохронике.

Пытаясь прикрыться обрывками сна,
Иду по знакомой улице.
Сбилась со счета, какая весна
Стервятником в небе кружится.

Трейлер

Если бы кто-то снял трейлер
Моей жизни до тридцати,
По традиции, эти несколько минут
Стали бы круче всего,
Что было со мной.
Но и они
Не смогли бы обеспечить
Сколько-нибудь приличных
Кассовых сборов.
Но и они
Оказались бы
Полной фигнёй.

Пара истовых зануд
В сотрудничестве с компанией
Клинических идиотов
Представляют...

Поэт из Грозного. Ганаев экспериментирует со структурой текста, рифмами, ритмом. В образной системе автора современное и знакомое жителю любого уголка нашей большой страны естественным образом сплетается с национальным и личностным.

Китайская кофейня

Озноб бежал по пальцам. Сеял дождь.
Деревья гнулись от порыва ветра.
Прошлёпала по луже тень подошв.
Авто сверкнуло фарой в стиле ретро.
Я шел домой от друга. Он давно
Искал со мною встречи. Мы сидели
В какой-то забегаловке и ели.
И непрерывно дождь хлестал в окно.
Рассказы о работе, о семье,
Как мы всё мерно двигаемся к цели,
Как в жизни всё легко, на самом деле.
А дело, в общем, двигалось к зиме.
Я зазевал. Протёр стекло окна
От испарений, – свернутой манжетой
И видел, как настигнутые жертвы,
Бушуя, дождь по тротуару гнал.
Прекрасно, что у друга хорошо
Дела идут. Я рад. Он добрый малый.
Мы выпили по чашечке ещё,
И время нас со стульев поднимало.
В прихожей колокольчик прошумел.
Он взял такси, я постоял немного.
И небо надо мною било током.
И я как будто вздрагивал в уме.

***

Шел дождь. Каким-то образом я был
Застигнут им без зонтика и куртки.
Был дробью дождевой прошит мой тыл
И руки, мягко вправленные в брюки.
Мне, Боже, очень страшно умирать.
Сидит на черной ветке воробей

И мокнет. Я хочу его обнять
За крылышко: «Не бойся. Не робей.
Я, как и ты, и мало с кем дружу.
Ты перышком был свыше одарен».
Летят, срываясь, листья к витражу
Под очень старым желтым фонарем.
И вдруг сорвался с влажной ветки тон
«Ля Си», прервав незавершенный стих.
«Лети! И пусть полет твой будет лих.
Лети, лети, лети, как Ливингстон!»

Досуг поэта

Потому что с детства не любит холод,
Выходя из дому, он поднимает ворот,
Разжигает пламя, верный любой привычке,
И рассуждает о жизни на примере спички.
И дым стоит как туманность альфы.
Если бы вместо лиры он учился арфе,
Или другому искусству, или хотя бы боксу,
То день его разбивался б на до и после.
Вот идёт он, весь в чёрном, ступая в лужи,
Ибо верит в судьбу, в неизбежность. Хуже
Ответственности за свои поступки
Знать нету. Души людские – хрупки
Без того, чтоб ещё загоняться ношей.
Вот он идёт, как актёр киношный,
Оттого, что сам под своим прицелом,
Как случайный зритель, и как критик. В целом
Он понимает себя, как единицу жизни
С инициалами, собственностью отчизны,
Молодым побегом на обгоревшей ветке,
Хранителем того, что завещали предки.
Вглядываясь в воду, скопившуюся у скамейки,
Он видит небо, параллельное небу Америки,
Треугольники крыш, висящие, как дамклов
Меч, одно за другим чернеющие окна...
Последнее значит, что пора исчезнуть,
И он покидает, как плачущего ребёнка, бездну.

Утро в Венеции

Окна, запачканные водой канала,
Сбрасывают с себя вечерние покрывала,
И, будь они мониторами, вы увидели бы,
Как становился город и умирали зрители,
Как бледные лучи солнца пробивались сквозь дым тумана,
И каждое новое поколение горожан сталкивалось
с чувством самообмана –

Что города не умирают.
Здесь, утром, турист как моллюск в опале,
Щуря глаза, которые не спали,
Видит в своём отражении чужие лица,
Испытывает одновременно боязнь и соблазн разбиться.
Но расслышав хихикающую девушку на причале,
Он оборачивается и не находит никого, кроме одинокой чайки.

Адам САЛАХАНОВ

Прозаик из чеченского селения Гехи. Пожалуй, Адама Салаханова можно назвать продолжателем традиций постмодернизма в применении к реалиям жизни современного кавказского и, в частности, чеченского общества. Довольно непринужденная, иногда нарочито просторечная манера изложения и свежий взгляд на привычные темы делают Салаханова запоминающимся автором.

АРХИВЫ ГНЕЗД

(из серии «Горно-обогачительный цикл»)

Здравствуй, Майрбек. Это я, Малик. Нам сказали в школе написать письмо самому близкому человеку. Кстати, я перехожу в 7-й класс. Очень надеюсь, что дальше 9-го учиться мне не придется. Ну, в этой школе. Я сначала думал написать Маме, Розе или дяде Вахе. В итоге решил написать тебе. К тому же так я никого из них не обижу. Потом долго думал, как тебе отправить письмо. И вдруг увидел в одном фильме. Названия не знаю. Когда я пришел домой, уже почти был конец. Наш дурень Муса так и не сказал мне название. Но там были почтовые голуби, и они доносили маленькие рулончики писем тем, кого они знают. А дяди Вахины знают тебя лучше, чем кого-либо. Я знаю, что они не почтовые. Просто привяжи ответ этой же ниткой к ножке и подбрось его повыше. Ну, если конечно до тебя он долетит. Очень надеюсь, что да.

***

Не знаю, долетело ли до тебя мое письмо. Но на третий раз голубь не вернулся домой, как раньше, когда я подбрасывал его в нашем дворе или за магазином Джанеты. Потому что в третий раз я его отнес в лес. Хоть нам с Мусой и запрещено туда ходить. С тех пор как ты пропал там. Мама и тетя Роза тоже часто вспоминают с улыбкой тебя и твои выдумки. С помощью которых мы ловили всяких зверьков, птиц и рыб. И каждый раз заканчивают слезами. Мама верит и молится о твоём возвращении каждый день. Папа больше молчит. Но однажды закричал на Маму, что ты убежал сам и пора бы забыть. Наш дурень Муса несёт всякую жуть про волков. Но тетя Роза говорит, что даже если ты умер, то ты в лучшем месте. Вернулся к Богу. А дядя Ваха говорит, что ищет тебя, когда ездит в город. Напиши что-нибудь.

***

Привет, Майер. Возможно, ты оставляешь голубей у себя или они ещё в пути. Или у тебя нет ручки или карандаша. Я привяжу огрызок карандаша с этим рулончиком письма. Но знаешь, я пишу тебе сообщить, что наш Муса чуть не утонул. Да. В реке. Его спас Алим. В которого ты бросил тухлое яйцо, а мы с Мусой всю дорогу смеялись. Потому что от Алима несло тухлятиной так, что его даже стошнило. Он говорит, что с тех пор не может есть яичницу. Муса наш, после того как чуть не утонул, изменился. Много думает. Мало говорит. И часто смотрит в одну точку, как будто в телевизор. Зачастил к реке ходить. Хоть Мама и ругает его за это. А Папа пригрозил, что сам утопит его, если ещё раз увидит там. Они возили его к врачам. Покупали лекарства. Тетя Роза советовала психолога или целителя. Больше я его дурнем не зову. Жду от тебя письмо.

***

Вчера случилась такая странная и забавная штука. Дядя Ваха взял меня с собой в город за деталями к газу. И в автобусе запахло, как от того тухлого яйца. Все начали ругаться, что кто-то испортил воздух, завелся скунс, навоняли. И тут дядя Ваха сказал, спокойно, сейчас мы вычислим навонявшего скунса. Есть у кого нитка? Хорошо, давайте развязываем катушку и передаем всем. Каждый должен держаться за нитку, все по цепочке. Передаем. Так. Спереди все держат нитку? В ответ: да! Стоячие все взяли? Да! Так, в середине, вы и вы тоже, держите? Да! Сзади сидячие держат нить? Да! Навонявший держит нить? Да! Все посмотрели на сказавшего последнее да. После чего заржал весь автобус. На вид скунс был человек, но, видимо, как оборотень или вампир, менял облик. Начал краснеть, закричал – остановите здесь, и выскочил из автобуса. Интересно твоё мнение.

***

Давно тетя Роза не рассказывала нам свои истории. Но недавно позвала меня обедать вместе с ними. И пока мы с дядей Вахой рихтовали вилками, как ты говорил, в подносе с мясом и галушками, тетя Роза рассказала историю Имрана и Адлана. Они забрались ночью в курятник дяди Султана. Точнее Адлан, а Имран был на шухере. Имран услышал, что кто-то идет, не предупредил Адлана и убежал. А спугнул его дядя Султан, который остановился у открытого курятника, пытаясь разглядеть в темноте, что там за шум. Ему и начал передавать кур Адлан, думая, что это Имран. А дядя Султан брал и молча выпускал их в коровник. И вот Имран кричит из курятника: «Вроде бы всё, больше куриц нет». А дядя Султан ему: «Выходи уже, у нас больше и не было». Я заржал. Но по взгляду дяди Вахи понял, что он знает, кто крадет его голубей.

***

Майер, помнишь того типа у реки, которого мы встретили тогда? У нас был такой же сегодня. Не он, конечно. Его бы дядя Ваха убил за то, что забрал тебя. Другой, но такой же странный. Тетя Роза сказала, этот экстрасенс вылечит нашего дурня Мусу. Усадил его, сказал закрыть глаза, расслабиться, и начал махать руками, как этот, который в телевизоре машет людям, как играть музыку. Но экстрасенс только спрашивал Мусу, чувствует ли он тепло? Муса сказал, да. Все ахнули, а целитель начал махать руками ещё быстрее и шире. Снова спросил, а теперь чувствуешь тепло? Да, сказал Муса. Все замерли, и экстрасенс начал еще шире махать руками и спросил, чувствуешь тепло теперь? Муса ответил, да. Где именно ты чувствуешь тепло? В городе, сказал Муса и открыл глаза. Ну, Папа обматерил и выгнал целителя. Ты бы тоже его прогнал?

***

На той неделе меня позвал к себе дядя Ваха и при тете Розе сказал мне, благодаря тебе всякие орлы, ястребы и соколы в лесу так разжирили, что без хорошего пинка под зад не могут набрать высоту. Стали пешеходами из-за голубиной диеты. Ну, в общем, он узнал, что я таскаю его голубей. И я признался, что делаю это, чтобы писать тебе. На что он сказал, что я идиот, и его голубятник не кормушка. А тетя Роза наконец убрала свою ладонь с дрожащих губ и сказала: Малик, мы понимаем твои чувства и все любим его. Но голуби же не долетают до Майрбека. Лесник сказал, что их ловят хищные птицы. Я спросил, но если они погибают, то тоже попадают в лучшее место, возвращаются к Богу? Тетя Роза разрыдалась, дядя Ваха молчал. Ну, в общем, я пишу, чтобы сказать, что не буду больше писать. Но буду ждать тебя, всегда.

Виктор ЧИГИР

Прозаик из Владикавказа. Виктора Чигира можно смело назвать уже сложившимся писателем с четким стилем и ясным пониманием собственного места в литературе. Тонкий психологизм прозы Чигира позволяет читателю погрузиться в душевную жизнь героя, увидеть динамику его развития изнутри.

ЧАСЫ ЗАТМЕНИЯ

(отрывок из повести)

Жизнь моя, иль ты приснилась мне?

Сергей Есенин

А может быть, мы только чье-то воспоминание?

Станислав Ежи Лец

1

Все началось в день, когда я впервые смог удержать себя в памяти. Если я правильно подсчитал, случилось это знаменательное событие в годовалом моем возрасте, в 1976 году. Возможно, что-то было и до, что-то, чего я не сумел запомнить. Но мне, признаться, не хочется копать так глубоко – веет оттуда таким холодом, такой тьмой, такой враждебной непостижимостью, что я просто-напросто боюсь сойти с ума. Так что давайте будем считать, что гипотетическая точка А, с которой начался мой путь, возникла именно в 1976-м. Утром.

Почему утром, не знаю. Этот механизм непонятен мне до сих пор. Я не знаю, как он работает и какие цели преследует. Я могу лишь догадываться кое о чем, а догадавшись – тихо ненавидеть. Можно ненавидеть и громко, никто не запрещает; можно даже посвятить жизнь распространению листовок с соответствующим текстом. Но дело в том, что затея эта, как и все прочие, совершенно бессмысленна, когда речь идет о механизме. Ненавидеть механизм – это все равно что ненавидеть планету Юпитер. Конечно, можно, поднатужившись, возненавидеть Юпитер (например, за его размер), а потом интереса ради и смеху для полюбить его на минутку (например, за тот же самый размер). И знаете, что изменится? Правильно – ничего. Вот примерно так и с механизмом.

Однако по порядку. То – первое – утро, как ни странно, я помню во всех деталях. Передо мной стоит лишь одна проблема: как его описать? Как описать событие, свидетелем которому был годовалый ребенок?

Наверное, имеет смысл упростить, сознательно обеднить словарный запас, чтобы хотя бы самому не запутаться. По большому счету, слова тут даже не нужны – они избыточны, они не передают той информации, которую нужно передать. Они отяжеляют ее, приукрашивают, видоизменяют. Лучше вообще обойтись без слов... Хотя черт его знает, что из этого получится. Подозреваю, ничего хорошего.

А было именно хорошо, хорошо в самом изначальном, первобытном значении этого слова. Так, наверное, ощущали себя еще первые прото-клетки, дрейфующие в первичном бульоне, или где они там появились. Мне было УДОБНО, вот.

С таким ощущением я и проснулся. Точнее, я еще не знал, что это так называется – «просыпаться». Я вообще ничего не знал. Я лишь раскрыл то, что требовало раскрыться, – и увидел: свет, очень белый и теплый, и потолок, тоже очень белый, но уже не теплый, а гладкий и далекий, и штуку на потолке, которую впоследствии буду называть «люстрой». И это было даже не пробуждение – это было возникновение, потому что до этого потолка, до люстры, до света, который пропитал все вокруг, не было ничего. И меня тоже не было. А стал я быть только после того, как раскрыл глаза и все это увидел, запечатлел. Странное, я бы даже сказал, головокружительное ощущение, чем-то похожее на искреннее удивление.

Некоторое время я пытался удивиться. Это была первая попытка такого рода, и я с ней, кажется, справился. Потом мне захотелось чего-то еще, а может, того же самого, только в большем количестве. И я начал, как сейчас понимаю, шевелиться. Это было тоже довольно-таки удивительное открытие: я мог шевелиться! У меня были руки и ноги, и я мог ими шевелить! Это было странно и нелепо, но в то же время довольно приятно и очень, очень хорошо. Я был живой! Мне нравилось это ощущение, я упивался им.

А потом я почувствовал прикосновение – теплое, мягкое и тоже, как я, живое. Странно, но – приятно. Я осторожно потянулся на это прикосновение, неосознанно желая, чтобы оно повторилось, и тут увидел существо. То есть не существо даже, а только его личико – кругленькое, розовенькое, с маленькими закрытыми глазками. Личико находилось прямо передо мной, так близко, что расплывалось, превращаясь в размытое пятнышко. Но оно было! Оно существовало рядом! Я был не один! Я чувствовал чужое дыхание у себя на лице: это было щекотно и не так мягко, как прикосновение, но тоже очень, очень хорошо. Мне стало так хорошо, так спокойно и удобно, что я, не ведая, что творю, закрыл глаза. И уснул. И существование на этом прекратилось.

Марина Григорьева, она же Эгвина Фет, прозаик и поэт из Ставрополя. Генеральный директор издательства «Ставролит». Поэзия Эгвины – это своего рода звукопись, завораживающая и таинственная. Кажется, что тексты автора перетекают от строки к строке плавным потоком мысли и чувств. Не всегда оправданная в поэтическом тексте интертекстуальность в произведениях Эгвины Фет выглядит очень органично и не кажется попыткой автора блеснуть знаниями мировой литературы и культуры в целом.

***

распалится сердце – на огонь
не смотри подолгу
и не тронь!
ты его не тронь –
травинкой в поле
колыхнётся.
лошадь мимо тонет
среди белых шапок бузины.
я представлю,
будто это конь –
яблоки рассыпаны
по шкуре.
ты его не тронь –
на физкультуре
мы парили в метре над конём.
крылья не помеха
мотыльку,
дождь по ним
нескладно барабанит.
я его в ладошку заверну,
сердце постучит
и перестанет.
боли больше нет,
угасла жизнь,
как в анатомическом музее –
розовые лица ротозеев,
мумия застывшая в углу.
смерть вспорхнула,
села на плечо,
голову устало приклонила.

слабость это маленькая сила,
каждому дающая своё.
сердце распалится – на огонь
полетит и в свете растворится,
крылья полыхнут – от крыльев ситца –
всё займётся пламенем –
не тронь!
серая букашка или конь,
ты и я, травинка-небылица.

о мире вещей

1

и крылатые качели,
и крылатые ракеты,
траекторий биссектрис

чертят луч из точки света –
острый угол паритета
никогда не смотрит вниз.

– всё в природе ради меры, –
плакал сонный хайдеггер и
собирал в платочек соль,

но реке неважно было,
сколь прикладывал тот силы –
солью воды рек снабжать,

икр из рыб не вынимать.
– только воля, только разум
руководством стать должны,

чтобы рыба добровольно
выходила из реки,

и её встречали б, если
вдруг увидят рыбаки!

что касается ракет, и
малых, средних и больших,
пусть они летают мимо,
но не трогают земли.

2

декарт был прав, но поражён —
над городом, над крышами
висела ночь, и протяжён
над ними бог не слышно был.

а вдруг оптический обман.
декарт представил баклажан.
ах, если это баклажан
завис, как звук завис над ртом.

за темным тѣла полотном
всё смутно представлялось,

и даже ниже этажом,
где также бог был протяжен,
декарту быть случилось.

смущенье, стыд, а с ними страх —
и как же так, и как же так...

год-два назад, быть может,
бог был его моложе

***

простынь белая ложится
шарф на воздухе кружится
на излёте лета вслед
щёлкнет фотопистолет
шарф шифоновый алеет
в изумрудном льне аллеи
и белеет неба простынь
за стволами в полный рост их

... ..
щёлкнет фотопистолет
уходящему в ответ
за его упрямый нрав
точно вечность даровав
под ребром сквозя навывлет
из груди бумажной вынет
сердца слабый механизм
увлекая тело вниз

... ..
вопреки закону впрочем
силу тяжести отсрочив
в узкой раме на стене

растянулся по струне
силуэт с дырой в спине
... ..
и его уже не гложет
как он глупо расположен
на отравленной стене

Руслан БАКИДОВ

Прозаик из Каспийска, республика Дагестан. Журналист, специальный корреспондент ТАСС. Возможно, тексты Руслана Бакидова – это именно то, что принято ждать от прозы, написанной журналистом. Но это вовсе не делает их скучными или непредсказуемыми. Зато делает их четко организованными и динамичными, острыми и нескучными.

ТОЛЬКО БЕЗ ПАНИКИ!

(отрывок из повести)

*Что если мир – иллюзия и ничего нет?
Тогда я определенно переплатил за ковер.*

Один остряк

*Жизнь такова, какова она есть, и больше никакова.
Другой остряк*

*Ненавижу, когда у произведения несколько эпиграфов.
Кто-то ещё*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

в которой меня никто не придушил, хотя многие хотели

1

Я открыл глаз. Тот, который правый. Глаз, который находился у меня чуть левее, был надежно запечатан ударом и ни в какую не поддавался. Вчера я проигнорировал одно из главных правил Вселенной: не пей с ирландцами в День святого Патрика. Теперь я благоухал, как баварская пивоварня, и выглядел, как Дрезден после бомбежки. На всякий случай я прислушался к своему организму – не раздаются ли в его глубинах предсмертные проклятия печени? Печень пока молчала. Голова гудела, суставы ныли, желудок просился на волю. Не выпущу, разработает план побега и выберется сам.

Я стек с дивана на пол и обнаружил, что по всей комнате разбросаны не только вещи, но и люди. Дурно пахнущие и смутно мне знакомые.

Ирландцы – подсказала интуиция. Грёбанные – добавил разум и тут же скорчился от боли.

Собрав волю в кулак, я оторвал копчик от пола и придал себе более или менее вертикальное положение. Примерно как у Пизанской башни. Похмелье было настолько тяжелым, что могло исказить пространственно-временной континуум. Впрочем, хуже от этого он бы не стал – тут уже существуют геноцид, атомные бомбы и консультанты по питанию. Рискуя повредить ткань мироздания, я отправился на поиски штанов. Периодически я на кого-нибудь наступал (когда было лень перешагивать), но мои собратья по алкогольному опьянению не обращали на это внимания. По ним сейчас можно было проехаться танком, пройтись парадом или пронестись ураганом Катрина.

Лишь на второй минуте после пробуждения я сообразил, что спую туда-сюда не по своей квартире. Не судите меня строго. Во-первых, не судимы будете. А, во-вторых, моя голова по-прежнему работала с замедлением, отставая от реальности на несколько минут. Покалеченный накануне мозг не успевал обрабатывать данные (не исключено, что у него вот-вот начнется отдышка). Наверное, пора взяться за ум. Изменить свою жизнь к лучшему, завязать с пагубным (но веселым) саморазрушением и стать примерным гражданином и гармоничной личностью. Но это потом. Сейчас с меня хватит понять, где я, и перепроверить, кто я.

Я огляделся. Не помогло. Огляделся второй раз, повнимательнее... так, понятно, я у старины Макса. Интересно, где он сам?

Итак, шаг второй: самопознание. Я, журналист. И по совместительству Тим. То есть наоборот. Не Тимур. Не Тамерлан. Не Тимофей. Просто Тим и ни буквой больше. У меня и так переизбыток букв в другом месте. В фамилии. Их там семнадцать штук. Я сам долго запоминал собственную фамилию и не всегда могу написать её без ошибок. Только никому об этом не говорите, это моя маленькая грязная тайна.

Не найдя штанов, зато самопознавшись, я отправился на кухню – греметь посудой и заваривать себе кофе. Ну, а пока я гремлю посудой и завариваю кофе, вы почитайте одну маленькую историю. Она в любом случае интереснее, чем процесс приготовления двойного эспрессо. Там даже будет философская мысль. Ладно, полуфилософская. Хорошо, она философская процентов на двенадцать, не придирайтесь.

Жил-был мужик, и был он художником, но это неважно, ибо ни одной Моны Лизы он за свою жизнь так и не нарисовал. Однажды он сел в самолет, которому было не суждено добраться до пункта назначения. Несовершенство человеческих технологий вкупе с силой притяжения стряхнули его с небес прямоком на землю. Та не открыла объятий. Встретила жёстко. Лоб в лоб. Погибли все, кто в этот момент находился на борту. Кроме художника, естественно (иначе зачем бы я рассказывал эту историю). Каким-то образом мужик отделался всего парой ушибов

и испугом. И это целых три дня называли чудом. А на четвертый у него обнаружили неоперабельную опухоль головного мозга. В страшной катастрофе выжил лишь... смертельно больной. Что мне известно о Судьбе, так это то, что у неё не всё в порядке с чувством юмора. Мужик отказался от химиотерапии в пользу кругосветного путешествия. Помирать так путешественником, а не лысеющим пациентом, решил он. Мужик собрал чемоданы, перешагнул через порог, поскользнулся на банановой кожуре... И сломал себе шею. Он грохнулся на землю с кучей покореженного металла. У него нашли болезнь, несовместимую с долгой и счастливой жизнью. А умер он в итоге от того, что какой-то кретин не донёс мусор до урны. Вот, интересно, у Судьбы есть какой-то план, или она импровизирует? На протяжении своей жизни я задавался этим вопросом множество раз (и – спойлер – в конце этой истории я постараюсь на него ответить).

Ну, а пока я стою в одних труселях посреди чужой кухни, пью кофе и проговариваю вслух текст будущей колонки. Давайте меня послушаем, я главный герой все-таки.

– Мы загрязняем воздух, засоряем почву и отравляем воду, а потом удивляемся: куда это сгнули ледники? Почему меня жжет ультрафиолетом даже в дождливую погоду (а дождь, естественно, кислотный). И вообще почему эта рыба так подозрительно смотрит на меня своим пятым глазом? И куда она тянет свой хобот? Когда нас накроет что-то медное и в форме таза, с надписью «Экологическая катастрофа планетарного масштаба», знаете, что мы будем делать? Устранять проблему? Решать наболевшие вопросы? Да ладно вам, мы никогда так не поступаем – мы всегда думаем, что проблему решит «тот, другой парень». В это жуткое время мы будем заняты совершенно другим. Скорее всего – боготворить новые айфоны, которые к тому моменту научатся жарить яичницу и делать массаж. Новейшие гаджеты в куче дымящейся мусорной ямы под названием Земля, вот что нас ждет в ближайшем будущем.

В этот момент на кухне объявился Макс. И бросил на меня взгляд, которым можно оставлять ожоги третьей степени. Кажется, я вчера набедокурил (что было вполне в моем стиле). Возможно, с этим как-то связаны ирландцы (ну вы ж знаете этих ребят – буйные, веселые, пахнут лепреконами). В чем бы я ни провинился, это сильно разозлило Макса – у него был такой вид, будто он собирается распустить меня на квантовые нити и связать из них свитер с оленями¹. Я прожил всего тридцать шесть фильмов Вуди Аллена и планировал прожить как минимум столько же. Поэтому начал пассивную самооборону – приветливо улыбнулся. Не помогло. Взглядом Макса по-прежнему можно было забивать гвозди.

---

¹ Тим – идиот. Он имеет в виду квантовые струны. Но не будь он таким ослом в физике, у него бы не получилось прикольной метафоры. Так что простим Тиму его неосведомлённость, прикольные метафоры того стоят.

В крышку гроба. Моего. Я бы улыбнулся шире, но лицо кончилось. И тут Макс предложил разгадать загадку: мол, угадай, кто это?

– Во-первых, он сволочь, – начал Макс.

– Пока никого не напоминает, – солгал я.

– Во-вторых, паршивый друг, – продолжил Макс. – Ты на него надеешься – он тебя обломает. Ты уйдешь на важное мероприятие, а он ввалится в твой дом с кучей пьяных ирландцев.

– А фингал под глазом у него есть? – уточнил я.

– Есть, ага. И очень скоро появится второй. Если я не возьму себя в руки.

– Хорошо, что я совсем не похож на этого парня, да, – я сделал вид, будто облегченно вздыхаю, – но, если хочешь, мы можем поискать его вместе. У тебя есть его фотография? Отпечаток ноги? Слепок зубов?

Макс тяжело вздохнул.

– Дать бы тебе табуреткой по башке, – устало произнес он. – По твоей наглай пустой башке.

Макс прошел вглубь кухни. И вместо того, чтобы проломить табуреткой мою черепушку (не такая уж она и пустая – там обитают мои личные монстры), сел. Хороший знак. Кажется, я сегодня выживу.

«Это мы ещё посмотрим» – напомнил о себе желудок. На всякий случай я решил повысить шансы на выживание. И на помощь мне пришел один из самых ходовых товаров в мире – пустые обещания. Я сказал, что исправлюсь. И это была ложь, наглая, как сытый кот. Я заявил, что постигну мудрость Востока и...

– Что там хорошего на Западе? – спросил я.

– Кейт Бланшетт.

– А еще?

– Кажется, всё.

– Ну ладно, мудрости Востока хватит. Благодаря ей я обрету душевное равновесие и всякую пафосную внутреннюю херню.

– Совесть для начала обрети, – буркнул Макс.

– С этим будет сложнее, – честно признался я. – На дворе нынче 21-й век, самый бессовестный период в истории.

– Ага, на календарь всё свали, – оборвал меня Макс. – Молодец. В каменном веке одни джентльмены жили. И раз уж речь зашла о времени... объяснишь свое вчерашнее поведение?

– Признаться, на данный момент я выяснил только две вещи: меня зовут Тим и мне тридцать шесть фильмов Вуди Аллена.

– Чего?

– Это такая новая единица измерения времени. Сам придумал. Может, я получу за это премию.

– По морде ты у меня сейчас получишь, – опроверг Макс. – Ты действительно ничего не помнишь? Про церемонию, например.

– Я опять назвал кого-то идиотом?

– Нет.

– Очень странно. Насколько я себя знаю, я должен был назвать кого-нибудь идиотом. Иначе какой из меня Тим?

– Тебя на церемонии вообще не было.

И тут память проснулась. Взяла с полки вчерашний день и такая: «А, ну-ка, а ну-ка посмотрим, что у нас тут. Вот ты сталкиваешься в своем любимом баре с ирландцами. Вот пьешь с ними whiskey и распевашь Mick Maguire. Вон тот слева сильно фальшивит – ему не хватает таланта и, ещё сильнее, пары зубов. А с его слухом, очевидно, и вовсе произошла какая-то трагедия. Но это ничего. В человеке главное не слух. В этот день ты осознал, что самое главное в людях это... потеря данных! Потеря данных! Вот ты талдычишь о том, что журналистка откинула копыта и на её труп слетелся главный стервятник вся планеты – общественное телевидение, которое всегда знает, кого и куда целовать с помощью пропаганды. «Бунтуй, бунтуй! – кричат ирландцы. – Бунтуй против грёбаной системы. Жаль здесь нет англичан, но журналисты тоже сойдут, чтобы набить им морды». Но ты решаешь обойтись без мордобитиев. Ты пробираешься в театр, где проходит какая-то вычурная церемония, и тыришь одну из статуэток. Потеря данных, потеря данных!».

– Ой, – прокомментировал я.

– Ой? – уточнил Макс. – Это всё, что ты можешь сказать?

– Ой, как грустно... – предпринял я вторую попытку.

Но и этот драматический возглас не подействовал на Макса. Какой, однако, требовательный!

– Лауреат сильно обиделся?

– Не смешно пошутил, все посмеялись, – буркнул Макс.

– Ну, вот видишь, как всё хорошо обернулось, – я шлепнулся на стул, рядом с Максом. – А ты тут целую трагедию развел, прям как Уильям, значит, наш Шекспир. Но тот мужик со смешной лысиной это хотя бы в стихах делал, а ты – грубой приземистой прозой. Мне за тебя стыдно.

– Статуэтку верни.

– Если мне не изменяет память, это она плавает в аквариуме с рыбками. Макс с шумом выпустил из себя порцию углекислого газа.

– Тебе лечиться пора, придурок, – сказал он, – и я это не про фингал под глазом. Хотя и его осмотреть нужно.

– Мне что-нибудь грозит за невинное похищение никому не нужной...

– Нет. О подробностях инцидента знают только несколько человек.

Я помолчал.

Я произнес:

– А среди этих человек нет, часом, такой суровой безэмоциональной личности, без мимики на лице и, скорее всего, с дьявольскими копытами под туфлями?

– Ты ведь помнишь, что это мой отец, да? Не только твой шеф? Мой отец?

– Бьюсь об заклад, он тебя усыновил. Чтобы откормить и принести в жертву какому-нибудь хтоническому божеству.

– Да, он знает, – Макс кивнул, – это я ему рассказал.

Было заметно, что этот факт доставляет ему истинное удовольствие – произнес, как шоколадку съел.

– Я подошел к нему и сказал: «У тебя проблема». И он сразу назвал твоё имя. А знаешь, как он догадался? Так быстро? Всего за пару секунд?

– Черная магия?

– Ты – ходячая проблема. Спасает тебя только одно: ты ходячая и талантливая проблема. Но когда-нибудь мой отец разрубит тебя на куски.

– Всего-то навсего разрубит на куски, – я махнул рукой. – Я уж думал, что-нибудь действительно страшное: прочтет свою нудную лекцию, например. Ты, кстати, не в курсе, где мои джинсы?

– Ты подарил их в знак вечной любви одной официантке. Насколько мне известно.

– Как это на меня похоже, – прокомментировал я. – Теперь я должен на ней жениться?

– Судя по фингалу – нет.

– Так это она меня?

– Как я слышал – сковородой, – подтвердил Макс.

– Я ей штаны в знак вечной любви, а она меня сковородой, – возмутился я. – И как давно женщины перестали понимать романтические жесты?

– Ты мне лучше скажи, где ты этих ирландцев откопал?

– Хочешь закопать их обратно?

– Это ирландцы, я с ними вообще связываться не хочу.

– Вряд ли получится, – предупредил я. – Скорее всего, они весь день будут дружно блевать у тебя в ванной.

– Мило. Очень мило, – Макс устало потер глаза. – Ладно, вали пока в душ. А не то от тебя несет, как от...

– Бутылки дорогого коньяка? – понадеялся я.

– Как от сточной канавы, – разбил мои надежды Макс. – А я пока подыщу тебе одежду.

Макс вышел.

Я украл статуэтку, утопил ее в аквариуме, влез в его квартиру с оравой пьяных ирландцев, а он пошел искать мне одежду. Добрый отзывчивый парень. Надо будет еще пару раз этим воспользоваться.

Подборку подготовила Дарья Шомахова

Бейтуганов Исмаил Расулович, родился 18.12.1999 года в с. Нижний Чегем КБР, окончил школу им. Кайсына Кулиева. Студент Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова.

Член Союза журналистов России с 2018 года.

Исмаил начал писать стихи с 12-летнего возраста. Первые публикации – в детских литературно-художественных журналах «Нюр» и «Солнышко». Позже публиковался в республиканском литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Минги-Тау», в газетах «Заман» и «Советская молодёжь». В 2017 году его стихи были напечатаны в газете «Литературная Россия».

В 2017 году был делегатом «Встречи молодых писателей тюркского мира», которая проходила в Стамбуле, а в 2018 году был участником III Межрегионального фестиваля поэзии народов Северного Кавказа «Родники дружбы».

Молодой поэт и писатель И. Бейтуганов в 2016 году выпустил сборник стихов «Атламла» (Шаги) и в 2018 году – книгу рассказов и очерков «Ёр жол» (Крутая дорога).

Периодически участвует в различных литературных конкурсах, публикует в СМИ заметки и интервью с известными людьми нашей республики, делает фоторепортажи, является автором многочисленных очерков.

В школьные годы по его инициативе была создана газета «Школьная жизнь», которой он руководил три года. Под его руководством школьная газета на республиканском конкурсе юных журналистов заняла I место.

Был неоднократно награждён грамотами за активное участие в поэтических чтениях и за активную жизненную позицию в творчестве, учёбе и участие в культурно-мас-

совых мероприятиях, а также за активное участие в культурной жизни Кабардино-Балкарской Республики и плодотворную творческую деятельность.

Хочется отметить, что Исмаил был награждён дипломом за поддержку молодых талантов и вклад в культуру и искусство КБР.

В настоящее время работает редактором отдела литературно-художественного и общественно-политического журнала «Минги-Тау».

ГОРНАЯ РЕКА

Резва, как лань, бежит,
Из дальних мест, журча,
С высоких скал летит,
Игриво бормоча.

Мир без неё мне пуст,
Заснежен будто путь,
Я из реки напьюсь,
В ладони зачерпнув.

Вода твоя сладка,
Сквозь горы ты прошла,
Дойти чтоб до села,
Где любят так тебя.

Душа моя и кровь,
Я воду пью реки,
Нарзановых основ,
Друг, вкусы извлеки.

Пил из неё Кайсын,
И он купался в ней!
Бальзамом став моим,
Живет в крови моей.

Она из гор течёт,
Преграды поборов.
С камней реки влечёт
Нас снежных гор покров.

*Ахмед ХАПАЖЕВ,
ученик 10 класса МКОУ СОШ № 3 им. Т. К. Мальбахова,
Школы правового воспитания «Правовая республика»
г. Терек*

АСЛАНУ ШИПШЕВУ

Учитель мой! Мой Человек!
Ведёт меня твой твёрдый взор
Сквозь смутный и тревожный век
В огромный мир – за горизонт.

Учили вы, как в этой жизни,
Терпеть и верить. Драться. Ждать.
Словам учили – Дом, Отчизна,
Вставать с земли и побеждать.

Учитель мой. Друг и наставник.
Когда-нибудь, в час гаснущих свечей,
Почувствую, как в детстве давнем,
Я вашу руку на плече.

И если в день, назначенный судьбой,
Увижу, как в краю пустынном сохнет колос,
Я вспомню Вас, учитель мудрый мой,
И я услышу Ваш спокойный голос.

Вы напоили нас желаньем знать,
И наши дали, к ним ведущие дороги,
Уменье думать, взвешивать, решать
Всё это Ваши, Ваши всё уроки.

И в бликах солнца, и под светом звёзд
Пусть прозвучат прекрасные слова:
«Учитель мой!». Непостижим и прост,
Их вечный смысл адресован Вам.

Пусть будет вечен детский рыцарь света,
Нас выводящий на широкий путь,
Теплом учеников душа согрета
Пусть будет. И счастливой – пусть!

*Кашиф УНЕЖЕВ,
доктор философских наук*

Адыгский (нартский) эпос и его историко-культурное значение

В XIX в. началось широкомасштабное изучение истории и культуры народов Северного Кавказа, в том числе адыгов. Именно тогда начинается изучение устного народного творчества – богатейшего культурного наследия наших народов.

Первые адыгские просветители развернули беспрецедентную и нелегкую работу по сбору образцов устного народного творчества. Неоценимую помощь им оказали представители передовой русской интеллигенции, которые бывали на Кавказе. Они не только оказывали теоретическую, литературную помощь горской интеллигенции, но также содействовали обработке и публикации собранных материалов. Фактически все собранные материалы печатались в центральных краеведческих русских изданиях. В таких периодических печатных органах, как «Русский вестник», «Библиотека для чтения», и в специально учрежденных кавказских изданиях – «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборнике сведений о кавказских горцах», «Терском сборнике», «Кавказском сборнике», газетах «Кавказ», «Терские ведомости», «Ставропольские губернские ведомости» и др. печатались нартские сказания, легенды, сказки, песни и другие жанры устного народного творчества горцев Северного Кавказа. Благодаря им русская и мировая общественность ознакомилась с неповторимой культурой горцев.

Устное народное творчество адыгов занимает исключительно важное место в их духовной культуре. Оно являлось не одно столетие единственным и самым важным «инструментом» воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма и отваги. Через героический нартский эпос, сказки, сказания, легенды, пословицы и поговорки прослеживаются основные этапы истории народа. В фольклоре адыгов отражены их видение окружающей природы, история их взаимоотношений с другими народами. В произведениях устного народного творчества перед нами предстают не только легендарные герои, но и реальные исторические личности, которые играли важную роль в судьбе своего народа. Эти герои не одно столетие служили не только примером подражания для молодежи, но и важнейшим инструментом в ее воспитании. В фольклоре отображены не только основные вехи истории народа, но и его мудрость и талант.

Одним из главных жанров устного народного творчества адыгов является героический нартский эпос. Его значение в воспитании подрастающего поколения с течением времени только возрастает. Он – настоя-

щий золотой фонд духовной культуры народа. Нартский эпос не только история героев, но и народная мудрость, школа мужества и трудолюбия.

Героический эпос всегда занимает среди фольклорных жанров особое место. Эпос больше, чем любой другой жанр, связан с историческими судьбами народов, и в нем ярче, чем в любом другом жанре, выражается национальное самосознание народа. Основным содержанием героического эпоса всегда является борьба, притом борьба, имеющая не личное, а общественное и национальное значение. Героический нартский эпос является средоточием и хранилищем мудрости народа, в нем отражен нравственный облик народа, понимание окружающего нас мира и внутреннего мира человека, его духа во всем многообразии проявлений. В нартском эпосе показывается, как «выковываются» дух и характер его героев. Поэтому нартский эпос – это, прежде всего, кодекс чести и героизма. В нем воспеваются человек, его добрые и героические дела. В нартском эпосе мы находим традиции и обычаи, которыми регулировались взаимоотношения людей. Можно сказать, что в нартском эпосе представлена во всем многообразии традиционная культура народа. В нем четко показано, как она модернизировалась с учетом изменений социально-экономических и политических условий жизни народа. Народ, создавая свой героический эпос, воплотил свою жизнь, свой характер и духовный склад в монументальных эпических образах и этим внес свой неповторимый вклад в сокровищницу мировой культуры. Поэтому не случайно в своих вдохновенных стихах, посвященных тысячелетию эпоса «Давид Сасунский», армянский поэт А. Исаакян писал:

*«...В сказаньях этих величавых
Обрел бессмертие народ».*

Это сказано исключительно справедливо. Примечательно, что народ всегда верил в историческую реальность образов и событий эпоса и всегда четко различал сказание и сказку. Все народы, у которых имеется героический эпос, отчетливо различают эти два жанра и обозначают их разными наименованиями. Однако следует отметить, что эпические сюжеты бывают зачастую весьма близки к сказочным (примером может служить распространенный сюжет об Одиссее и циклопе) и «облачены» в такой же фантастический наряд. Но народ всегда ставил эпос над сказками, относился к нему с особой серьезностью. Это происходило именно потому, что в эпосе, в его образах и картинах, народ действительно видел сквозь фантастическую оболочку отзвуки своего реального прошлого, свою дополненную жизнь. Вот почему народный эпос по своему характеру глубоко национален. И все эпические памятники, в том числе нартские, невозможно оторвать от той национальной почвы, которая их породила. Сказку можно, обычно безболезненно, «пересаживать» из одной национальной среды в другую, меняя лишь некоторые детали

или даже ничего не меняя. С эпосом такое перемещение проделать невозможно.

Здесь следует отметить, что героический нартский эпос на Кавказе распространен у адыгов (черкесов), абхазцев, карачаевцев, балкарцев, осетин и отчасти у сванов, ингушей, чеченцев, дагестанцев. Даже беглое знакомство с нартскими сказаниями разных народов Кавказа убеждает, что при всей близости, эти сказания у каждого народа сохраняют черты глубокого своеобразия и самобытности. Но несомненно то, что нартский эпос имеет одно первоначальное ядро со своим единым пространством и народом-создателем. А затем этот эпос был воспринят другими, соседними народами, и по нарастающей он удалялся от первоначального ядра, видоизменяясь, заполняясь национальными чертами и особенностями народов, его воспринимавших. Поэтому общность и близость национальных вариантов нартского эпоса могут быть объяснены не одной причиной, а несколькими. В этом плане можно согласиться с В. И. Абаевым, который объясняет это несколькими причинами.

Во-первых, если данные народы находятся в генетическом родстве между собой, то общее может быть унаследовано от тех времен, когда эти народы жили еще вместе и составляли один народ. Так, общие черты, связывающие абхазский эпос с адыгским, объясняются единством их происхождения и некоего единого пространства, которое они занимали во времена становления нартского эпоса. Именно пространство, на котором жили предки абхазо-адыгов и их далеких предков в древности, является местом его формирования. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные названия мест, рек, гор и других топонимических и гидронимических названий, которые встречаются в нартских сказаниях.

Что касается других народов Кавказа, которые не являются родственными абхазо-адыгам ни по какому признаку, более того, некоторые из них – пришлые народы и сформировались как народность гораздо позднее, чем абхазо-адыги (например, осетины и тюркские народы как карачаевцы и балкарцы), то надо полагать, что они восприняли эпос у адыгов. Поэтому, во-вторых, тут приходится считаться еще с одним важнейшим фактором – субстратом. Будучи по языку не абхазо-адыгскими, некоторые кавказские народы, например, осетины, карачаевцы, балкарцы и т. д., формировались на кавказском субстрате, и очень многое в их языке, в фольклоре в целом, в том числе в эпосе перешло к ним из этого кавказского субстрата, сближающего их. Например, в нартских сказаниях и других эпических песнях осетин фигурирует бог охоты Афсати. Это слово перешло к ним от адыгов. Оно происходит от слов «псэ – «душа», «етын, тын» – «отдать», «псэтын» – «отдать душу», которое состоит из двух адыгских слов: «псэ» – «душа», и «тын» – «отдать»). Иранской же мифологии чужд этот образ. Зато все без исключения западно-кавказские

народы: кабардинцы, черкесы, абазыны, сваны, мегрелы – хорошо знают это божество, причем у сванов оно носит даже близкое к осетинскому наименование: Апсат. Совершенно очевидно, что образ Афсати проник в осетинский эпос из кавказского субстрата. Субстрат – это второй, наряду с генетическим единством, момент, который надо учитывать при объяснении общих элементов в фольклоре народов Кавказа.

В-третьих, причина, в силу которой мы находим часто поразительную близость в мифологии, фольклорных мотивах и сюжетах самых различных народов, это типологическое единство, связанное со спецификой фольклора, как форма общественного сознания. Одинаковые условия материального и общественного существования с необходимостью порождают одинаковые формы их фантастического отражения в сознании людей. Таких типологических совпадений было и есть множество у народов Кавказа, которые живут уже не одно столетие в одинаковых условиях. Наконец, в-четвертых, причина появления сходных элементов в фольклоре разных народов – это заимствование одним народом у другого многих элементов материальной и духовной культуры в результате длительного соседства и поддержания тесных экономических и культурных контактов. Так что в итоге можно с уверенностью сказать, что создателем героического нартского эпоса теперь уже многих народов Кавказа является абхазо-адыгский этнос.

Все остальные суждения относительно того, что его создателями являются якобы другие народы, несостоятельны. Подтверждение тому и абхазо-адыгские корни имен основных героев нартского эпоса.

Один из специалистов по нартскому эпосу А. Гутов пишет, что, признавая вероятность целого ряда заимствований у народов некавказского происхождения, можно считать правомерным мнение о местной природе основного ядра нартских сказаний. Это мнение является определяющим для авторов сборника «Сказание о нартах – эпос народов Кавказа», выпущенного Институтом мировой культуры им. А. М. Горького АН СССР на основе материалов научной конференции, посвященной проблемам изучения нартского эпоса, и, следовательно, отражает взгляды большинства ведущих ученых-нартологов. Однако следует отметить, что существует и принципиально иная точка зрения по этому вопросу. Например, В. И. Абаев и французский ученый Ж. Дюмезиль в своих работах пытались проводить мнение о скифо-аланском происхождении ядра Нартиады. А такие, не менее авторитетные, ученые из Абхазии, как Инал-Ипа, Ш. Х. Салакая, А. А. Аншба, и из Адыгеи – А. М. Гадагатль, придерживаются мнения, что основные сказания эпоса о нартах зародились в среде абхазо-адыгов. При этом следует отметить, их точка зрения совпадает с мнением таких крупных кавказоведов, как Е. И. Крупнов и Е. М. Мелетинский, а А. М. Гадагатль отстаивает «адыгоцентристскую» теорию зарождения нартского эпоса.

Исследователь Н. Р. Иваноков на примере сопоставления имен основных героев нартского эпоса, на наш взгляд, убедительно доказывает, что ядром его является именно адыгский этнос. Правда, он иногда полемизирует с крупнейшим и авторитетным специалистом нартского эпоса А. М. Гадагатлем. В частности, он пишет, что нартский эпос существует только на Северном Кавказе. Размах же эпоса от народа, считающего себя единственным его создателем (осетины), делает в определенной степени сомнительным подобное утверждение: у народов, живущих рядом с осетинами (ингуши, чеченцы, народы Дагестана, Грузии) эпос представлен заметно незначительнее во всех отношениях, чем у находящихся на почтительном расстоянии западных адыгов. Уместно здесь вспомнить пронизательное замечание благородного и не менее прагматичного П. К. Услара: «По мере удаления от центрального Кавказа на восток нартский эпос предается забвению, а сами герои превращаются в великанов». Заслуживает внимания и то, что в местах прежнего пребывания осетин нет следов нартского эпоса. Нет его ни у одного из тюркских народов, кроме балкарцев и карачаевцев, т. е. которые живут в непосредственном соседстве с адыгами. В этом принципиальном вопросе о народе-создателе основного ядра нартского эпоса необходимо в обязательном порядке учитывать тот культурный диалог, который проходил на протяжении веков еще с глубокой древности между древними предками греков и абхазо-адыгов. Дело в том, что мы обнаруживаем множество параллелей между мифологией древних греков, в том числе их эпосом, и адыгским нартским эпосом. Эти аналогии выработались у них еще со времен хаттов и касков. Как уже неопровержимо доказала наука, последние являются одними из предков адыго-абхазов. В то далекое время, когда создавались основные сюжеты нартского эпоса, в помине не было тех народов, которые пытаются присвоить себе авторство нартского эпоса. Это один из убедительных доводов в пользу того, что создателями нартского эпоса являются именно адыго-абхазы. Более подробно об этих параллелях в культуре в целом и в частности в мифологии древних греков и адыгов будет сказано в отдельном разделе данной работы.

Становление и развитие нартского эпоса охватывает не одно столетие. Его формирование началось на самой ранней стадии развития человечества – первобытнообщинного строя и продолжилось вплоть до феодализма. Каждая историческая эпоха накладывала определенный отпечаток на нартские сказания. Из их содержания четко видно, при каких социальных условиях происходит то или иное событие, которое описывается в сказаниях нартов.

До возникновения нартского эпоса существовали определенные формы художественного мышления. Об этом свидетельствуют дошедшие до наших дней древнейшие стихи и песни, которые слагались в

честь языческих божеств и покровителей, а также различные трудовые песни.

Древний фольклор адыгов, как и у других народов, стоявших на ступени патриархально-родовых отношений, выступает не самостоятельно, а в своем синкретическом единстве, когда разные его элементы – песни, пляски и музыка – составляли единое целое. Ритуальные и художественные формы народных зрелищ, календарных трудовых празднеств и религиозных церемоний у всех адыгов одинаковы. В адыгском (черкесском) фольклоре сохранилось много обрядовых и календарных песен, хохов (тосты), напевов символично-магического значения и стимуляционных речитативов. Особое место в фольклоре занимают древнейшие песни и хохи, посвященные различным родам трудовой деятельности людей. Трудовые песни, хохи и музыкальные произведения адыгов исполняются во время «мэлегъажьэ» (выгон отары), «вакIуэ дэКI» (начало пахоты) и т. д. Песни, хохи и речитативы в ту пору не имели еще самостоятельного художественно-эстетического содержания, главное их назначение состояло в ритуальном оформлении трудовых торжеств, в магическом воздействии на людей. Синкретическая первобытная идеология порожидала и синкретическое единство песни и хоха, танца и музыки. Идеология эта выражалась не только и не столько в религиозных представлениях, сколько в первобытно-материалистическом понимании древним человеком явлений природы, когда первоначальный материализм выступал в виде мифотворчества, когда искусство и поэзия служили единой цели общества – коллективному началу труда. Этот «дух коллективизма» отчетливо выражен во многих древнеадыгских песнях и хохах. В «Охотничьей песне», например, говорится:

*О, охотник, ты – охотник дальнорский,
Что приметит твой глаз – не уйдет,
Чья серая собака хвост по земле волочит,
Что добыли – всем нам поровну еда,
Что в норах остается – всем нам поровну добыча,
Что в жнивье скрывается – всем нам поровну дичь.*

В адыгском фольклоре много различного рода ритуальных и культовых церемониалов, посвященных различным божествам-покровителям животного и растительного мира. Кроме этого, много обрядов, связанных с рождением и смертью, свадьбой, излечением больного, освящением урочищ и т. д.

Многие языческие боги имеют свои гимны. В них воспеваются их сила. Вот имена некоторых из этих богов: Мазитха (бог лесов и охоты), Амыш (покровитель скотоводства), Тхаголедж (бог плодородия), Тлепш (бог кузнечного дела) и т. д. В гимнах им присутствуют элементы художественной типизации образа. Языческие боги-покровители с течением

времени, по мере развития художественного мышления людей, становились покровителями отдельных разновидностей трудовой деятельности. В народной поэзии они обретали некоторые черты художественной конкретности и нередко становились персонажами героического нартского эпоса. В частности, такой трансформации подвергались образы таких языческих богов-покровителей, как Мазитха, Тлепш, Амыш и Тхаголедж.

На примере языческого бога Тлепша – покровителя огня и кузнечного дела, можно наглядно проследить эволюцию его образа в становлении одним из главных персонажей адыгского (черкесского) нартского эпоса. В языческих гимнах Тлепш выступает как «огневой бог». Позже этот «огневой бог», имевший весьма нечеткое выражение в культовой поэзии адыгов, приобретает конкретные черты «покровителя работников по металлическим изделиям и крестьян», которых он снабжает «плугом и мотыгой». Вот в сказании «Тлепш и старуха Уорсар» пишется:

*В кузницу Тлепи удалился,
Молотом сплющил железо,
Выгнул хвостом петушиным,
Что – изнутри зазубрил,
Ручку приладил из чурки,
Вышел с подарком, и нарты
Сжали богатое просо
Первым на свете серпом.*

В нартском эпосе Тлепш сохраняет все атрибуты покровителя кузнечного ремесла и вместе с тем является первым кузнецом нартского эпоса. В эпосе Тлепш выступает в конкретных жизненных обстоятельствах как совершенно конкретный человек-образ со всеми человеческими страстями; он превращается из бога в земного человека. Иначе говоря, в эпосе Тлепш – уже художественный образ. Поэтому в фольклоре адыгов (черкесов) героический эпос «Нарты» занимает центральное место и является одним из главных жанров.

По признанию многих авторитетных специалистов, «Нарты» являются одним из самых древних эпосов мира. Один из крупных кавказоведов XX в. В. И. Крупнов утверждает, что основные циклы нартского эпоса зародились «именно в начальную эпоху железа», еще до скифского вторжения и появления ираноязычных племен на Северном Кавказе, на местном племенном субстрате, прежде всего предков абхазо-адыгов.

Действительно, многие нартские сказания указывают на это обстоятельство. И это еще раз доказывает, что именно на территории расселения предков абхазо-адыгов возник нартский эпос, а затем его восприняли те племена, которые появились здесь позже, в непосредственном с ними соседстве. В нартском эпосе центральное место занимает один из его главных героев – Сосруко. На примере этого героя, того, как он родил-

ся, какие подвиги совершал и как был убит, можно определить время формирования нартского эпоса. Он рожден от камня и закален Тлепшем, после чего становится «железным человеком». Все это говорит в пользу того, что нартский эпос действительно формировался в период перехода от камня к металлу. Однако это вовсе не значит, что в нартском эпосе не отразились и более поздние общественные формации. На примере таких нартских героев, как Шауей и Куйцук, мы видим наличие имущественного неравенства у нартов, хотя сказания о них зародились наряду со сказаниями о других героях.

При всем разнообразии содержания нартского эпоса одно из его центральных мест занимает тема беззаветной любви к Родине, бесстрашие и отвага героев в ее защите. Вместе с тем в эпосе достаточно полно представлены и такие жизненно необходимые темы, как трудолюбие, уважительное отношение к женщине, забота о младшем поколении и его воспитание, т. е. те проблемы, которым особое внимание уделяет Адыгэ Хабзэ, и которые являются основным его содержанием.

Нарты повторяли часто: «Для чего вечная жизнь, когда она бесславна? Лучше смерть и вечная слава. Именно в этом духе воспитывались молодые люди в Стране Нартов.

*Шли на Хасе Нартов речи
О героической сече грозной,
О путях непроходимых,
О конях неутомимых,
О набегах знаменитых,
О джигитах непоборных,
О могучих, смелых людях,
Что за подвиг величавый
Песню славы заслужили.*

Так, на примере грозных и неустрашимых витязей, воспитывалось подрастающее поколение нартов. В нартском эпосе не только человек-воин – защитник Родины – воспевается в песнях и прославляется в хохлах, но и человек-труженик. Они одинаково почетны в Стране Нартов. Поэтому в «Нартах» в полном объеме представлена материальная основа жизни. В частности, во многих нартских сказаниях присутствует железо, его культ. Очень широко представлены орудия труда из железа. В этом плане наглядным примером являются сказания о Тлепше, который неустанно работает с железом и орудиями труда и оружием из железа. Это и не случайно, ибо, как мы знаем, древние предки абхазо-адыгов хатты являются пионерами в получении железа из руды.

Особенно часто упоминается во многих нартских сказаниях конь. Он – неразлучный друг любого нартского героя. Он для нарта больше, чем конь. Это животное в нартском эпосе выступает таким же всесиль-

ным, как сам герой. Конь, имеющий невероятные силы и возможности, в эпосе выступает как человек, как говорящая сверхъестественная сила. Конь – это аристократ среди всех животных, наделенный в эпосе человеческим языком, и он разговаривает с человеком. Конь, пока не испытает своего хозяина на верность в дружбе, его отвагу, не доверится ему. Он не подпускает к себе слабых и трусов.

Вот как описывается конь, которого Сосруко впервые оседлал, чтобы доказать, что стал настоящим джигитом для совершения великих дел на благо нартов: «Если ты, Сосруко, сможешь сесть на этого коня, – говорит ему мать, Сатаней, – он будет твоим». После этих слов Сосруко одним прыжком вскочил на хребет коня, как ухватился за гриву, как вскрикнул: «Эй, джигиты, берегитесь!» – и поскакал по ущелью. Но не успела мать взглянуть вслед своему сыну, как взвился конь, подобно звезде, и, подобно звезде, скрылся за облаками. Там, в поднебесье, конь решил сбросить с себя седока, чтобы тот упал на землю и разбился. Что только ни выделывал конь! И на дыбы вставал в воздухе, и вниз головой бросался в бездну, и снова взмывал ввысь, и скакал вверх ногами, а Сосруко все держался за его гриву, не падал. А конь то в океан бросался, чтобы сбросить его, то скакал по крутым обрывам, то по темным ущельям, то пролетал сквозь горные кольца. В конце концов понял, что ему не сбросить с себя Сосруко, и тут он заговорил человеческим языком: «Клянусь Амышем, богом животных, буду я твоим верным конем, если ты станешь настоящим нартом!

Жизнь нарта была немыслима без верного коня. Почти ни один нарт не совершал ни одного подвига без него. Позже привязанность к этому «великому творению природы» была передана потомкам нартов. Поэтому не случайно «конь» по-адыгски означает «брат», т. е. «конь» по-адыгски – «шы» или «брат». Например, «шынэхъыжь» – «старший брат», «шынэхъыщIэ» – «младший брат». Это говорит о том, что любой уважающий себя адыг относился к своему коню, как к собственному брату. Вообще у черкеса конь был другим «Я». Конь и черкесский всадник создавали единое и неразрывное целое. У них была единая аура, и они оба в любых ситуациях понимали друг друга, и никто из них не предавал другого. Бывали случаи, когда конь вытаскивал своего раненого хозяина, ухватившись зубами за его одежду, с поля боя и относил на безопасное место. Или, когда всадник умирал после ранения, его боевой друг буквально плакал, т. е. из его глаз текли слезы, и так он провожал его в последний путь. Такими же чувствами отвечал и сам всадник, когда его конь погибал.

Многие авторитетные ученые, в том числе Е. П. Крупнов и Е. П. Алексеева, считают, что выращивание знаменитой кабардинской породы лошадей началось в глубокой древности, в эпоху бронзы – в VIII–VII вв. до н. э.

Таким образом, адыги на протяжении многих веков в тяжелейших условиях неустанно работали над созданием своего вечного спутника жизни – коня. У адыгов была целая система его воспитания и содержания.

Сам факт, что они вывели знаменитую кабардинскую породу лошадей, которая считается сейчас одной из самых выносливых на дальних дистанциях среди всех пород лошадей планеты, является красноречивым доказательством большой любви адыгского этноса к лошади. По свидетельству многих зарубежных авторов, которые бывали в Черкесии, черкес не только никогда не расстается со своим оружием и конем, но ни на что его не променяет. Таким образом, лошадь для адыга – это часть его культуры, это его национальное достояние. Его отношение к этому благородному животному так же строго и почтительно, как к самому человеку. Черкес скорее сам будет голодать, нежели оставит коня без корма.

В нартском эпосе воспеваются не только храбрость и любовь героев к своей родине, не только пропагандируется трудолюбие, в нем нашло достойное место и воспитание в человеке чувства прекрасного.

Страна Нартов гордилась не только своими храбрыми воинами и умелыми хлеборобами и пастухами, но она также была богата искусными плясунами, певцами и музыкантами. На нартских сходах – Хасах – устраивались не только соревнования по джигитовке, стрельбе из лука, метанию камня, борьбе, но и пляске, пению, красноречию и смекалке. Этим самым нарты уделяли огромное внимание не только физической подготовке, но и нравственному, интеллектуальному воспитанию.

В этом плане ярким примером из нартского эпоса являются образы молодых его героев: Ашамаз и Малечипху. В сказаниях о них, да не только о них, но и многих других героях нартского эпоса, мы часто видим, как проявляют нарты остроумие, смекалку, воспевают физическую красоту:

*Лик ее – солнцу подобен,
Стан ее с тополем сходен.
Славится кожей нежной,
Умной, прилежной слывет.*

Такими словами описывается в сказании «Песнь об Ахумиде и Ашамазе» физическая красота и ум Ахумиды. Это лишний раз подтверждает, что нарты придавали большое значение этим качествам.

В другом месте этого же сказания мы читаем:

*Взял Ашамаз справедливый
Жизни источник – свирель,
Тихо запел свой счастливый,
Свой задушевный напев.
Он на свирели играет,
И оживает земля,*

*Долы, поля расцветают,
Вновь улыбаются лица,
Веселы звери и птицы,
Снова струится река.*

Ашамаз наделен высоким чувством прекрасного. Его свирель божественно воздействует на окружающий нартов мир. Настолько умело Ашамаз играет на ней, что вокруг все оживает. Даже природа не может оставаться безразличной к задушевному напеву и игре на свирели. Это говорит о том, что нарты не только храбро защищали свой родной очаг, были умелыми наездниками, но могли также задушевно петь и играть на музыкальных инструментах, исполнять зажигательные танцы, то есть обладали и высокой внутренней культурой.

При внимательном изучении нартского эпоса, его сказаний можно обнаружить почти все элементы Адыгэ Хабзэ, все стороны которого в деталях представлены в нем. Это касается и семейно-брачных отношений, свадебных обрядов, принципов гостеприимства, воспитания детей и т. д. Даже такая деталь Адыгэ Хабзэ отражена в нартском эпосе: по обычаю, спустя несколько дней после рождения разнополых детей, делали зарубку в присутствии родственников и друзей и обручали младенцев с обязательным условием их женитьбы по достижении ими совершеннолетия, устраивалось торжественное угощение. Так, в сказании «Как Малечипх и Пануко плясали удж» мы читаем:

*У меня на колыбели
Сделали давно зарубку.
Нарт Пануко, ты другую
Выбирай себе голубку!*

Как видим, нартский эпос является замечательным памятником устно-поэтического творчества (фольклора) адыгов. До возникновения письменности устно-поэтическое творчество для адыгов было единственной возможностью выразить свое отношение к явлениям и событиям действительности. Нартские сказания у адыгов сохранились в поэтической (певческой) и прозаической (повествовательной) формах. Сюжеты эпоса адыгов группируются в циклы. Исторически нартские сказания отразили процесс перехода от матриархата к патриархату, зарождение военной демократии и переход к классовому обществу, они имеют элементы и феодальных отношений. В нартском эпосе всегда происходит борьба между злом и добром, где всегда добро побеждает. В сказаниях тема родины, ее защиты от внешних врагов представлена широко.

Нартские герои-витязи – это, прежде всего, защитники родной земли от ненавистных чинтов и великанов. Герои защищают не только свою родину, они добывают своим соотечественникам огонь, освобождают из

плена Насрен-Жаке – нартского Тхамаду. Кроме этого, они возвращают своим соотечественникам семена проса – главной сельскохозяйственной культуры нартов, которая являлась основой их экономики.

В эпосе воспевается не только герой-витязь, его подвиги, в нем широко показано, какое место занимает в жизни нартов женщина. Главная героиня – женщина Сатаней – выступает как мать всех нартов. К ней обращаются мужчины за советом. Кроме нее, воспеваются другие женщины: Даханаго, Адиох, Малечипх, которые отличаются своей красотой и обаянием. Они пользуются всеобщим уважением. Они не только умны и красивы, но и добры. Это все говорит о большом авторитете женщин, бытовавшем в Стране Нартов.

Внимательный анализ нартских сказаний позволяет сделать вывод, что нарты живут в основном по законам, похожим на неписанный свод законов адыгов – «Адыгэ Хабзэ». Кроме этого, следует отметить (это видно из нартских сказаний), что древние нарты поддерживали широкие и многолетние контакты со многими другими народами. Ареал действия нартского эпоса охватывает огромное пространство. Это, прежде всего, территория расселения предков абхазо-адыгов или родственных им племен, в том числе хаттов и касков – ближайших родственников синдомеотских племен. Поэтому не случайно мы наблюдаем параллели между нартским эпосом и мифологией Малой Азии III–II тысячелетий до н. э. Например, рождение героя от камня и гибель его от колеса имеет место в нартском эпосе и фольклоре Малой Азии – родине хаттов и касков. Столь же древние по своим истокам змееборческие мотивы эпоса и некоторые сюжеты, связанные с богом-кузнецом Тлепшем.

Ценность и уникальность нартского эпоса заключаются еще и в том, что не одно столетие этот памятник духовной культуры адыгов, одно из главных творений народного творчества, служил инструментом воспитания чувства доброты, непримиримости к несправедливости, хранителем народной мудрости. Нартский эпос не только история народа и народного творчества, он также хранитель этикета адыгов, их культуры в целом.

За всю многовековую историю мировой цивилизации народы имели контакты друг с другом не только в период опустошительных войн, но когда они в конечном итоге заканчивали эти военные столкновения, то устанавливали между собой мирные – экономические, политические и культурные – отношения. Происходило взаимовлияние, взаимопроникновение их образов жизни, мышления и культур. Следы этого воздействия культур мы находим и в материальной сфере, и в духовной жизни, и в художественном мышлении народов.

Исходя из всего этого, можно предположить, что Кавказ был не только одним из центров мировой цивилизации, но он был также своеобразной «лабораторией» великих открытий в духовной сфере. И, на

наш взгляд, совершенно прав адыгейский ученый, один из крупных специалистов по нартскому эпосу А. М. Гадагатль, когда утверждает, что греческие писатели задолго до нашей эры создали свои произведения по материалам сказаний народов Кавказа и первыми открыли их миру. Поэтому не случайно многие легенды адыгского народа воспринимаются как греческие, поскольку греки, которые первыми из чужестранцев столкнулись с предками адыгов, перенесли эти легенды на язык письма. В это нетрудно поверить, если учесть, что в греческой мифологии широко представлена кавказская топонимика, начиная с мифа об аргонавтах, заканчивая мифом о Прометее.

Ученый из Краснодара В. П. Федунов, ссылаясь на А. Гадагатля, пишет, что ядро мифа о Прометее (у адыгов – Насрена) намного древнее эсхилового Прометея, относится к середине I тысячелетия до н. э.

А. Гадагатль утверждает, что мы имели дело с фактом заимствования древнеадыгского имени «Насрен» древними греками (Прометей) путем калькирования. Многие сходные моменты из жизни и древних греков, и адыгов мы находим в мифологии этих народов. Как было сказано выше, об этих параллелях в культуре древних греков и адыгов будет сказано специально в отдельном разделе данной работы.

Гадагатль справедливо отмечает, что песни и «пшинатли» героического эпоса «Нартхэр» созданы в глубокой древности на живых наречиях племен и племенных союзов зихо-меото-адыгов. Эпос «Нартхэр», пожалуй, наиболее ценный фольклорный памятник древней культуры, свидетельствующий о том, что язык адыгов на протяжении многих веков относительно мало изменился.

Также автор указывает, что произведения адыгского эпоса «Нартхэр» оказали благотворное влияние на становление и развитие адыгской литературы народов Северного Кавказа. Адыгские поэты, прозаики и драматурги черпают из эпоса интересные темы в их творческой деятельности. О могучей силе классического фольклора весьма емко сказал член-корреспондент АН СССР В. Базанов. «Классический фольклор, – писал он, – представляет ценнейшее национальное наследие. Народный эпос – это история, написанная самим народом, художественное обобщение важнейших событий национальной жизни. Нартский эпос в ряду других народных поэм и сказаний является памятником мирового значения. Это – автограф, полученный из рук самого народа». Адыгские поэты и прозаики учатся у эпоса искусству слова, осваивают его идейно-эстетические принципы, систему художественного мышления, приемы изображения образов.

Светом народной мудрости, традициями народного эпоса одухотворены повести и новеллы «Дочь шапсугов», «Абрек», «Мечь табунщика», «Испытание мужества», «Урок жизни», романы «Дорога к счастью» и «Одинокий всадник» Тембота Керашева. Мотивами нартского эпоса и

эквивалентами народного эпического творчества навеяны и обогащены многие произведения адыгских писателей и поэтов. Они широко использовали и используют в своем творчестве лексические богатства эпоса, его традиционные приемы (сравнения, эпитеты, метафоры). К ним относятся, прежде всего, такие мастера художественного слова, как Юсуф Тлюстен, Аскер Евтых, Исхак Машбаш, Хамид Беретарь, Нальби Куек, Руслан Нехай, Хачим Теунов, Алим Кешоков, Аскерби Шортанов, Адам Шогенцуков, Абдулах Охтов, Хусин Гошоков, Алим Ханфенов, Курмен Тугуз и многие др.

С любовью к героям адыгского нартского эпоса Инной Кашежевой создано прекрасное стихотворение «О нарты!..»

*И в небе легенд непомеркишем
витает загадочный дым,
И пламя, раздутое Тлепшем,
пылает рассветом моим.
Адыги прожили без Бога,
без вас бы прожить не могли,
Сосрыко, и ты, Бадыноко,
отважные предки мои!
Без вас было б мне одиноко
в поэзии, в жизни, в любви,
Сосрыко и ты, Бадыноко,
отважные предки мои!*

Таким образом, эпос «Нарты» – неиссякаемый источник духовной культуры адыгских народов, их многовековая память. Адыгский нартский эпос является не только замечательным памятником духовной культуры народа, но он также является живым свидетельством взаимовлияния культур народов, их взаимопроникновения и взаимообогащения, в том числе древних греков и адыгов, которые установили тесные экономические, политические и культурные контакты еще с тех пор, когда греки начали появляться по соседству с предками адыгов (черкесов) – хаттами и касками в Малой Азии и в районе Северо-Западного Кавказа, – еще в глубокой древности.

«ОН ЖИЛ И ЖИВЕТ ПО СОВЕСТИ...»*(К 70-летию Мурадина Туменова)*

Удивительное дело, большинство моих знакомых не смогли точно ответить на вопрос, когда был построен тоннель в Черекском ущелье на автодороге Урвань-Уштулу. Проезжали, направляясь в основном в Верхнюю Балкарию, все; также все останавливались перед тоннелем, обходя его по старой дороге, нависающей над многометровой пропастью, а вот ответы звучали самые разные. Начиная от «При советской власти в семидесятых годах» и кончая категоричным: «Сколько себя помню, он был там всегда». Причем последнее сказал нерядовой чиновник республиканского масштаба, лет так уже двадцать переходящий из одного правительственного кабинета в другой.

Мурадин Хадисович Туменов

Хочу уточнить: в данном случае я веду речь не столько о незнании республиканских реалий, как о том, что данный объект настолько вписался в окружающий пейзаж, что не воспринимается сам по себе, а только как неотъемлемая составляющая Черекского ущелья. А ведь лишь в прошлом году исполнилось 20 лет, как был пробит этот единственный в республике тоннель на сложной высокогорной трассе. Стоит вкратце напомнить, как он появился, кто причастен к принятию решения о его строительстве, чьими усилиями эта непростая работа была успешно завершена.

С этого мы и начнем рассказ о герое нашего повествования – Мурадине Хадисовиче Туменове.

Колесная дорога, позволившая жителям отдаленных горных районов не быть оторванными от остального мира, была построена еще до революции 1917 года. Причем построена на общественных началах, по инициативе Балкарского общества. Усилиями жителей, с помощью примитивных инструментов и техники, а именно: кирки да лопаты, лошадей и быков. И сразу же горы проявили свой нрав: обвалы, сели то и дело по-прежнему отрезали жителей Верхней Балкарии от цивилизации.

В советское время дорога была расширена, облагорожена, в ряде мест заасфальтирована. Но для гор что один общественный строй, что другой значения не имеют, и состояние дороги по-прежнему зависело от при-

родных явлений. Одно из них – грандиозный обвал камней, вызванный продолжительными сильными дождями, – случилось в мае 1994 года. Дорога оказалась полностью перекрытой, а трехтысячное население Верхней Балкарии отрезанным более чем на две недели от внешнего мира.

Понятно, что первым на месте обвала побывал Мурадин Туменов, глава администрации Черекского района. Тут же доложил о случившемся в Нальчик. На следующий день в район приехал Валерий Коков.

Оставив машину у водопада, который местные жители называют «Девичьи слезы», президент республики и руководитель района пешком направились к месту катастрофы.

Взору предстала следующая картина: завал перекрыл дорогу полностью; более того, на достаточно протяженном участке от нее не осталось практически следа. Виднелись лишь огромные валуны, слившиеся с нависающими скалами. При ярком солнечном свете, голубом бездонном небе, пронзительной тишине, которую нарушал лишь гул несущегося в глубине ущелья Череха, буйная мощь природной стихии особенно потрясала.

Президент глядел на это зрелище молча. Потом поднял глаза вверх, обвел взглядом нависающие скалы; подошел к краю дороги, где разверзлась многометровая пропасть.

– Мурадин, – наконец обратился он к своему спутнику, – и часто тут такое происходит?

– Регулярно, – коротко ответил Туменов.

– Получается, люди постоянно подвергаются смертельному риску?

– Именно так, особенно автобусы с пассажирами. Рейс ведь ежедневный, а кроме того ведь и туристов приезжает немало.

Президент еще раз огляделся по сторонам. Потом легко взобрался на огромный валун, попытался пройти хоть немного вперед, но глава администрации решительно его остановил: «Здесь по-прежнему опасно; камни продолжают срываться».

Еще помолчав какое-то мгновение, Валерий Мухамедович сказал:

– Помнится, Мурадин, ты уже поднимал тему строительства тоннеля. Речь шла об этом участке?

– Да, именно так. Я ставил вопрос о тоннеле и раньше, еще когда Елисеев был первым секретарем обкома КПСС, но в ответ услышал, что такое дорогостоящее строительство республике не по карману.

– А что я ответил, напomini? – Валерий Мухамедович взглянул на Мурадина, и впервые за этот день его лицо посветлело.

– Всему свое время, так вы ответили, пообещав вернуться к этому вопросу.

– Считай, что это время пришло!

Дальше события развивались следующим образом. По поручению президента уже на следующий день начались восстановительные работы: взрывники расчистили трассу, а дорожники «Каббалкавтодора» в течение двух

неделя полностью привели ее в порядок. Все это происходило на глазах Мурадина Туменова, начинавшего свой рабочий день с поездки к месту завала.

Одновременно Валерий Мухамедович поднял вопрос о необходимости строительства тоннеля в Черекском ущелье на заседании правительства; поручил проработать его непосредственно председателю правительства Георгию Маштаевичу Черкесову. Выяснилось, что одной республике такой финансово-затратный объект не поднять, нужна помощь центра.

Надо напомнить, каким непростым периодом для России была вторая половина девяностых годов прошлого века, сколь сложной экономической обстановка. Тем не менее, после придания дороге Урвань-Уштулу статуса федеральной трассы, что взял на себя лично Валерий Мухамедович, дело сдвинулось с места. Далее вопрос строительства тоннеля был поднят на самом высоком уровне, решен положительно, распоряжением правительства РФ началось проектирование. А спустя три с половиной года и его непосредственное строительство.

Зимой 1997 года теснину Черекского ущелья заполонила горнопроходческая техника. На строительстве было занято множество организаций – шахтостроительное управление Тырныауза, дорожно-строительные управления Урванского, Прохладненского, Черекского районов и Нальчика. Среди них особо надо отметить уже названный выше «Каббалкавтодор», который возглавлял Мухарби Амальчиев. Мурадин Туменов, когда бы ни приезжавший сюда (а это случалось практически ежедневно), постоянно заставлял его на объекте. И тоннель (сооружение весьма технологически сложное) был построен в рекордные сроки – за год.

Открытие его состоялось в день возрождения балкарского народа – 28 марта 1998 года. Это было незабываемое зрелище – присутствовало на нем более тысячи жителей Черекского района, многочисленные гости, члены правительства республики, депутаты парламента КБР. Выступил с речью Валерий Мухамедович Коков, а Мурадин Туменов, как глава района, объявил о возобновлении транспортного сообщения, и вереница машин под непрерывные звуки клаксонов двинулась вверх по ущелью. Там, в селе, состоялся еще один митинг, на котором старейшины предложили присвоить тоннелю имя первого президента Кабардино-Балкарии В. М. Кокова. Именно с ним связано его рождение. Но по полному праву, говоря о тоннеле, мы должны помнить и о вкладе в его строительство Мурадина Туменова, Мухарби Амальчиева и многих других, имевших непосредственное отношение к возведению этого жизненно необходимого жителям горной Балкарии сооружения.

Но вовсе не причастностью только к этому объекту ознаменовано время М. Х. Туменова на посту руководителя Черекского района. Именно в годы его интенсивной деятельности началось строительство знаменитого каскада ГЭС на реке Черек. Того самого величественного по масштабам республики комплекса сооружений, которые дают свет

и тепло тысячам жителей Кабардино-Балкарии, постоянную, хорошо оплачиваемую работу многим черекцам. Сегодня львиную долю бюджета Черекского района составляют поступления от организаций ГЭС.

И здесь надо вспомнить время, в которое принималось решение о строительстве, и с чем столкнулись власти республики. Конец восьмидесятых, самое начало девяностых... На волне горбачевской перестройки гражданское общество пробудилось, стало заявлять вначале о своих правах, а потом выставлять и свои требования. В Кабардино-Балкарии это, в частности, выразилось в противодействии строительству Черекского каскада, так как многие увидели в нем угрозу экологии республики, чем тут же воспользовались национальные лидеры определенного толка (Мурадин называет их горлопанам), понявшие: появилась возможность личного пиара, завоевания при помощи одного лишь славословия авторитета у толпы.

Начались митинги в поселке Советский, нынешнем Кашхатау, в селении Бабугент. Собирались на них местные жители, но кукловоды-то, задававшие тон на собраниях общественности, приезжали из Нальчика. Появились материалы в республиканской прессе, тон которых прекрасно передает заголовок всего лишь одной статьи: «Черекская ГЭС – угроза Балкарии». Стало расти возмущение простых людей, не понимающих, по причине демагогического давления противников строительства, что оно даст жителям, району, республике.

Приходилось раз за разом на митингах, встречах разъяснять, какие блага, помимо тепла и света, сулит строительство, а именно: рабочие места, развитие энергоемкого промышленного производства. Что сооружен объект будет с учетом соблюдения самых высоких экологических стандартов, и ущерб природе, окружающему ландшафту сведут до минимума.

Каждую свободную минуту от основных обязанностей Мурадин Туменов уделял работе с людьми: встречался, объяснял, убеждал. Приглашал на эти встречи специалистов, пытаясь донести до противников строительства каскада следующее: веление времени – возведение средних и малых ГЭС, особенно в горных районах, где главное богатство не пашня, а строительное сырье, древесина. Но чтобы их переработать, нужны источники энергии, той самой энергии, которая сделает жизнь местного населения комфортной. Старые времена ушли безвозвратно, на дровах и угле долго не проживешь. Более того, при таком подходе в наших ущельях вскоре не останется молодежи, не желающей, что вполне справедливо, жить вчерашним днем.

Таких встреч, убедительных бесед были не одна, не две, а многие десятки, и отношение к возведению каскада стало постепенно, но верно сдвигаться в его пользу. Это мгновенно почувствовали противники строительства. Как-то в кабинет Туменова, на тот момент (начало девяностых) первого секретаря Советского райкома КПСС, ворвался один из активных горлопанов (не будем называть его фамилию, этот человек

впоследствии достаточно быстро «перекрасился» и влился во властные структуры) и буквально с порога без обиняков заявил: «Туменов – ты враг Балкарии, ты предаешь интересы народа!».

Мурадин, всеми силами стараясь сдержать себя, не стал кричать, выпроваживать незваного гостя из кабинета, а спокойно поднялся из-за стола и сказал так: «А по-моему, враг народа именно ты, не понимающий, точнее – прекрасно понимающий, какие блага сулит Балкарии в частности и республике в целом эта грандиозная стройка. Самое печальное, что, разглагольствуя о судьбе Балкарии, ты на самом деле заботаешься не о народе, а о себе, своей карьере, своем благополучии».

Случайно или нет, но после той встречи отрицательное отношение местных жителей к возведению каскада стало меняться. После завершения проектирования была проведена его государственная и общественная экспертиза, началось само строительство. Это было непростое, напряженное время. День Мурадина Туменова начинался на строительной площадке, а порой и заканчивался на ней. И каждый приезд сюда вызывал у него настоящий духовный подъем.

Кое-кто выразит сомнение, что деятельность районного руководителя могла что-то определять на столь грандиозной стройке, стройке российского масштаба, и будет неправ. Множество вопросов приходилось решать – и решать успешно, оперативно – именно главе района. А когда что-то стопорилось, замедлялось, Туменов спешил за помощью к руководителям республики – В. М. Кокову, Г. М. Черкесову, Г. С. Губину, которые стали частыми гостями в Черекском районе. Неоднократно приезжали сюда и руководители РАО «ЕЭС России» Анатолий Чубайс, Анатолий Дьяков.

Просматривая районную газету тех лет, я нашел отрывок из выступления главы районной администрации на митинге, посвященном торжественной закладке первого кубометра бетона на канале подвода воды к строящейся Аушигерской ГЭС. Каким воодушевлением наполнены его слова, какой радостью дышат они от величия и судьбоносности происходящего: «Наши потомки сохранят в памяти имена людей, которые сегодня строят каскад Нижнечерекских ГЭС, каскад, устремленный в будущее и приближающий это будущее».

Мало кто в республике знает, что из себя представляет это грандиозное сооружение в Черекском районе, каких колоссальных усилий стоило его возведение. Ведь один только отводной канал, скрытый в скалах, – это протяженный (почти шесть километров!) тоннель, в котором могут спокойно разминуться два «КАМАЗа». Когда Мурадин Туменов рассказал об этом канале президенту КБР Валерию Кокову, тот вначале даже не поверил, что это построено, причем за столь короткий срок, не где-нибудь, а в Кабардино-Балкарии. А потом, когда сам, сидя за рулем автомобиля, проехал по тоннелю, причем на скорости, долго не мог найти слова, чтобы выразить свое восхищение увиденным.

И еще один момент из истории Черекского района, непосредственно связанный с благополучием его жителей. Речь пойдет о газификации. Так получилось, что в конце 80-х годов прошлого века район оказался единственным в республике, не имеющим сетевого газоснабжения. Баллонный привозной газ не спасал положение – его хватало только на приготовление пищи, а отапливали дома по старинке: дровами и углем. Для чего санкционировано, но в большей степени нет, вырубались огромные лесные площади, наносился ущерб экологии.

Вопросы сетевого газоснабжения района приобрели особую актуальность в свете перестройки, происходящей в стране. В 1991 году началось строительство первой очереди газопровода Урвань-Аушигер, а 1 декабря 1995 года состоялось открытие газопровода Аушигер-Кашхатау-Жемтала, протяженностью более 23 километров. К началу 2000 годов магистральный газопровод был проведен в 7 из 10 населенных пунктов района.

И каждый этап его строительства был на контроле у главы администрации Черекского района Мурадина Туменова – руководителя, который где бы он ни работал, всегда был на своем месте. Будучи ли секретарем Советского райкома партии, главой администрации Черекского района, председателем Совета представителей Парламента КБР, министром труда и социального развития республики, заместителем министра по охране окружающей среды и природопользования.

Ибо какой бы пост он ни занимал, всегда ответственно относился к порученному делу, умел видеть перспективу, а главное – воплощать эту перспективу в реальность. Его всегда отличали высочайшая работоспособность и полная самоотдача, внимательное отношение к людям и личная скромность. Он никогда не лез на глаза начальству, не выпрашивал наград. Достаточно сказать здесь хотя бы о том, что у Мурадина, к 70-летию которого пишутся эти строки, нет ни орденов, ни медалей, а из государственных наград лишь Почетная грамота КБР. Я лично не могу вспомнить имя руководителя подобного ранга столь обделенного почестями и регалиями. Но сам Мурадин так не считает, считая главной наградой уважение людей – ему посвящают стихи, пишут картины, называют его именем своих детей. Его регулярно поздравляют первые лица государства, ведь М. Х. Туменов был доверенным лицом В. В. Путина.

И при всем при этом он всегда оставался тем, кем был – тружеником, работающей, настоящим слугой народа.

...Более сорока лет мы знакомы с Мурадином. Помню, как будучи корреспондентом газеты «Советская молодежь» беседовал в 1979 году с ним, первым секретарем Советского райкома ВЛКСМ, о молодежи. Детали того разговора, естественно, подзабылись, но сохранился в памяти неподдельный энтузиазм молодого человека, увлеченного своим делом, буквально горящего им, уверенного, что юношам и девушкам района по плечу самые большие свершения. Причем ясно чувствовалось, что со-

беседник не прожектор, не карьерист, а лидер, уверенный в реальности поставленных целей.

Он рассказывал о комсомольско-молодежных бригадах, созданных в Советском леспромхозе, на чабанских кошах и молочнотоварных фермах, рассказывал с такими подробностями и деталями, что сразу становилось ясно: он бывает там часто, изнутри знаком с проблемами молодежных коллективов, которым в те годы ВЛКСМ уделял пристальное внимание.

До назначения на комсомольскую должность Мурадин, после окончания Кабардино-Балкарского университета, более четырех лет проработал главным зоотехником колхоза «Голубое озеро». Каждый день бывал на фермах и кошах, проезжая на лошади десятки километров. И как, будучи зоотехником, он знал каждый уголок земли, принадлежащей колхозу, так – став руководителем районного уровня – за короткое время узнал район в прямом смысле ногами, а проблемы хозяйств – головой.

После той, сорокалетней давности встречи наши пути с Туменовым в силу разного рода причин практически не пересекались. И только в последние годы, когда Мурадин вышел на пенсию, мы стали регулярно встречаться – совершать исследовательские поездки по необычным местам Черекского района. Поразило и поражает, как он любит родную землю, свою малую родину, где знает любой уголок, где побывал практически всюду. Более того, оставил свой личный след. Едем по малоизвестной лесной дороге, и оказывается, что решающую роль в ее проложении сыграл именно он. Осматриваем горный водовод, благодаря которому вода самотеком поступает в село, и выясняется, что к его строительству непосредственно причастен Туменов.

В какой-то момент я, пораженный столь многогранной деятельностью Мурадина на благо черекцев, предложил ему составить список всего осуществленного на посту руководителя района с 1987 по 2001 год. Но не дождался и попытался сделать это сам. И вот что получилось. В его активе открытие дома-музея Кязима Мечиева с восстановлением интерьера жилища, кузни, пробивкой дороги к родному гнезду поэта, осуществленные к 130-летию родоначальника балкарской литературы; строительство мечетей в Бабугенте, Кашхатау, Аушигере; дорог на целый ряд сенокосных угодий, а также к нарзанам на поляне Уштулу; строительство погранзастав в Верхней Балкарии и Безенги, погранотряда в Зарагиже, а еще школы, дворцы культуры, детсады, поликлиники...

Вклад М. Х. Туменова в развитие Черекского района неоценим. И как тут не вспомнить слова Валерия Мухамедовича Кокова, обращенные к нему: «Мурадин Туменов может смело смотреть в глаза жителям Кабардино-Балкарии – он жил и живет по совести, ему не пристало краснеть за неблагоприятные проступки, ибо он не совершал их, его ценят за порядочность и скромность, его авторитет руководителя зиждется на значимых делах, заботе о народном благе, уважении к людям».

НЕГАСНУЩИЙ ОГОНЬ СЛАВЫ

Метроном памяти

Одно из самых ярких воспоминаний моего детства: разговоры взрослых о том, что в нашей белорусской столице, Минске, на площади Победы зажжен вечный огонь. Тогда мне, маленькой девчужке, в небольшой деревеньке это казалось невероятным чудом.

Я любила заглядывать в печку, где по дровам, облизывая их, прыгали желто-синие языки пламени. Не терпелось, чтобы они скорее превратились в пылающий жар. В тот момент бабушка чепелкой подсовывала поближе к жару триножек. На нехитром приспособлении из зачерпанного деревянной ложкой в дежи теста на сковородке вырастал пузатый блин, вкуснейший запах которого наполнял не только весь дом, но через трубу пробирался и на деревенскую улицу, соблазняя неповторимым запахом каждого прохожего.

Помню, как под вой вьюги за окном потрескивали дрова в печурке. Длинными зимними вечерами можно было долго любоваться огненным танцем, зачарованно наблюдать, как гаснут тлеющие угольки. До утра нагретая печка держала мягкое тепло. Таким было мое представление об огне, на котором основывался деревенский быт, а значит, и связанный с ним источник жизни для сельского человека.

– И в печи, и в печурке огни гаснут. После чего бабушка ставит заслонку. Говорит, важно, чтобы дух не выходил из печи, – рассуждала я про себя, исходя из собственных познаний. – А какой же он, вечный огонь? Неужели горит всегда-всегда? Никакая заслонка ему не помеха?

Тогда, в силу возраста я, конечно, многого не понимала. Но видела, как серьезнели лица моих родных, когда те, говоря о вечном огне, вспоминали про недавнюю войну. Такие разговоры случалось часто. Теперь я понимаю, как же тем, кто ее пережил, болело на душе, как тревожилась их память от неимоверных страданий, горьких утрат.

В Беларуси нет той семьи, дом которой обошла война. Моя мама родилась в декабре 1942 года. Свидетельство о рождении получила только в 45-м, с Победой. В годы войны детей практически не регистрировали – в деревне фашисты установили свои законы. Да, собственно, и зачем было регистрировать – из малышей выживали немногие.

Едва оправившись от родов бабушку, деревенскую учительницу, заставили возобновить работу школы, требовали учить детей немецкому порядку. Та, собрав волю в кулак, шла, открывала на школьный двери поржавевший замок, звала детей на занятия. Рисковала. Местный полицейский строго следил за исполнением указаний. Но учительница смело говорила об отцах, матерях, которые сражались с врагом, передавала

детям свою большую веру в Победу. Горя натерпелись и тогда, когда дед ушел в партизаны. Немцы панически боялись людей из леса, расплатой за их страх становились сожженные деревни. Два соседних с нашим селения в огненном смерче враг стер с лица земли. Только чернели на пожарище обгорелые печные трубы на месте бывших домов. Трубы с немым укором взирали в небеса с надеждой найти объяснение тому, как человек смог снизойти до такого кощунства? Как он утратил в себе все человеческое?

– Это тоже был огонь, – думалось мне. – Но каким он может быть страшным, зловещим. – Я ближе подвигалась к бабушке, чтобы укрыться, как мне казалось, от беды, настолько чувственно моя юная душа воспринимала трагедию военного лихолетья. Да, иначе и быть не могло. Война и сейчас тревожным эхом будоражит память о каждом третьем, погибшем белорусе. Да будут прокляты все войны на земле!

На Площади Победы в Минске

Как-то раз приехавший в деревню из города мой отец сказал: «Собирайся. Завтра поедем в Минск». До школы моим воспитанием занималась бабушка. И как мне хорошо с ней в деревне ни было, все же предложение отца вызвало большой восторг.

Мы долго тряслись в автобусе по ухабистой проселочной дороге, добирались в столицу на пыхающем парами дизеле. Столица нас встретила непривычно шумной суетой, стуком колес бегающих трамвайчиков, рогатыми жуками-троллейбусами, сладкой газировкой из автомата. У меня разбегались глаза от новых, доселе невиданных впечатлений.

Не помню, как мы оказались, как сказал папа, на Круглой площади (так минчане продолжительное время называли площадь Победы, на самом деле очень напоминающую круг). В центре площади возвышался огромный памятник. Отец предложил: «Подойдем ближе. Там горит вечный огонь».

Что для меня могло быть более притягательным, чем тот загадочный вечный огонь...

...Теперь каждое утро я выхожу из метро на Площадь Победы. В пяти минутах ходьбы от нее моя работа – Дом литератора, где размещен Союз писателей Беларуси. Каждый раз от волнения на миг замираю при виде монумента-обелиска в честь Победы в Великой Отечественной войне, огня, который трепещет у самого его основания. Огонь этот такой же – немеркнувший, негаснувший – каким увидела его в 70-е годы своего давнего детства...

Сколько же таких вечных огней горит на территории бывшего Советского Союза в честь героев той проклятой войны? Мои детские воспоминания об огне Славы вероятно присущи многим поколениям, чьи отцы, деды, прадеды достойно боролись с врагом.

Знаковый вклад на алтарь нашей общей Победы внесли и народы Северного Кавказа. Более того, пройдя дорогами войны, многие защитники нашей общей земли стали эпохальными героями литературного «пера» народного поэта Дагестанской АССР Расула Гамзатова. Его песня-реквием «Журавли», как и вечный огонь, стала знаком общей судьбы всех народов, символом памяти о погибших в годы Великой Отечественной войны. В столице Дагестана Махачкале действует Международный общественный фонд Расула Гамзатова, где очень многое связано с именем великого поэта. Вице-президент фонда Габибат Азизова рассказывает о том, как гамзатовские журавли разлетелись по миру и замерли в многочисленных памятниках, которые тревожат душу взмахами крыльев белых птиц.

Тепло Северного Кавказа

В очередной раз по приглашению дагестанских коллег лечу в Махачкалу. Это происходит в первые дни апреля, когда долгожданная всеми весна начинает расправлять свои широкие крылья. Белой птицей самолет спускается на посадочную полосу в аэропорту Махачкалы. И вот он – Кавказ! Очевидно: поросль молодой травы зеленее, в розовой метели утопают миндаль и абрикосы, салютуют нежные гиацинты, улыбаются солнечные нарциссы. Кажется, и многовековые горы, скалистые и седые, делают легкий вдох, расправляют свою усталую грудь навстречу пробуждению новой жизни. Хоть Кавказ и Северный, но здесь явно в эту пору теплее, чем в моей родной Беларуси. Знаю, что буду здесь согрета и душевным теплом дорогих мне людей.

Приезжаю в дагестанскую столицу для участия в «круглом столе», посвященном Дню единения народов Беларуси и России. Таким образом с председателем ОО «Уздени Дагестана» Керимханом Умахановым осуществляем совместный литературно-исторический проект «Беларусь-Дагестан: духовное родство».

Нас познакомил известный поэт, создатель, а ныне почетный член Клуба писателей Кавказа Салих Гуртуев. Все началось с литературных контактов, участия Керимхана Амирхановича в Дне белорусской письменности в городе Рогачеве. Налаживая сотрудничество литераторов, мы поняли, что «подогреть» интерес к взаимному общению можно и в других сферах. Например, в составе нашей делегации был Владислав Цыдик, долгое время занимающий в Беларуси серьезные государственные посты, ныне член Союза писателей Беларуси, активный общественный деятель. Вместе с ним представляем творческий проект «Вижу Беларусь такой».

Наш проект популярен в Беларуси. И за ее пределами с помощью фотографий, изданной книги знакомим наших друзей с Беларусью ближе. Слышим, с какой любовью дагестанцы говорят про Беларусь. Многие

делятся воспоминаниями о том, что когда-то на нашей земле им удалось побывать. И это стало хорошим впечатлением на всю жизнь. Есть те, у кого особая гордость – они в Беларуси жили, трудились. Волей судьбы вернулись на родину, но белорусская «закваска» осталась. С годами к знакомым местам, может быть, еще больше крепнет притяжение, как к чему-то очень родному, близкому, дорогому.

Говорят, много у наших народов общего: войны не однажды нещадно испытывали, как металл, на прочность, бед хватило – кувшин, наполненный до краев. Но и доброты, щедрости, гостеприимства – как самородных камней, из которых возвышаются величественные горы.

За «круглым столом» в Доме дружбы в Махачкале, где по приглашению Керимхана Умаханова собрались представители руководства страны, различных общественных организаций Дагестана, говорим о тех же общечеловеческих ценностях, которые объединяют белорусов и дагестанцев – многоязычную многонациональную республику. И разговор наш выходит значительно шире за рамки желаний и чаяний двух народов.

Поэтому мы, организаторы белорусско-дагестанского гуманитарного проекта, на его примере, средствами народной дипломатии стараемся укрепить еще большую веру в духовном родстве наших народов, найти пути для сотрудничества белорусов и дагестанцев, повторюсь, в самых разных сферах. Нам есть, чем еще больше обогатить наши народы, через различные пути познания проникнуться уникальной культурой, национальными традициями, понять самобытный характер белорусов и дагестанцев. Это наш ответ на тревожные вызовы современного мира. Пример того, что навстречу один одному надо идти с добром. И тогда обязательно встретишь друга.

Слова огромной благодарности адресуем директору Национальной библиотеки Дагестана имени Р. Гамзатова Али Джаватовичу Алиеву. Благодаря ему и помощи его коллег в библиотеке была организована и продолжительное время действовала фотовыставка «Вижу Беларусь такой», с которой познакомились многие дагестанцы и гости Махачкалы. Все признали Беларусь очень современной и красивой страной. Понятно, что такую страну строят и светлые, добрые люди. Значит, у дагестанцев, самих открытых и щедрых, есть все основания для еще более тесной с белорусами дружбы. Многие не скрывают своего желания побывать в нашей стране, особенно путешествия, новые впечатления влекут к себе молодежь. Огромный интерес к громкому спортивному событию – II Европейским играм, которые пройдут в июне 2019 года в Минске по 15 видам спорта, здесь будут разыграны 50 комплектов наград. Дагестан известен своими спортивными достижениями. Такой вид спорта, как борьба, уходит вглубь веков. Дагестан и сейчас называют кузницей чемпионов.

Шум леса – шум моря

Задолго до 2 апреля 2019 года Керимхан Умаханов начинает подготовку к очередному Дню единения народов Беларуси и России. Наш проект приобретает все более широкое звучание, желание примкнуть к нему выражают не только в Дагестане, но и в Ставропольском крае, Кабардино-Балкарии, Чеченской Республике. Мы понимаем, что это искреннее желание людей общаться, быть чем-то полезными друг другу не только в масштабах своей страны, но и получить белорусский опыт, как полезен для белорусов и опыт дагестанских коллег.

На сей раз отправляемся в путь в более чем за две тысячи километров с профессором, доктором исторических наук Анатолием Шарковым. Нас встречают, как добрых друзей. Интересуются: что в Беларуси нового? Спрашивают о белорусском Президенте, к которому не скрывают своего почтения.

Каждая новая встреча с Дагестаном по-своему покоряет белоруса. Махачкала удивляет своей старинной архитектурой, женщинами в хиджабах, множеством кафешек с традиционной кавказской кухней, влекущих соблазнительным запахом шашлыков.

О, Дербент! Этот город-крепость требует отдельного и очень основательного разговора. Настолько впечатляет самый южный город России – где за многовековую историю пересекались пути скифов, сарматов, аланов, гуннов, хазар... И ты, ошеломленный, вдыхая запах глубокой древности, замираешь, кажется, в самом поднебесье, не можешь шелхнуть на этих исхоженных тропах!

В то же время Махачкала – город, жизнь в котором очень похожа на стремительные ритмы любой столицы, куда-то вечно спешащих ее жителей. Но Махачкала – это еще и самое большое на земле озеро – Каспийское море. Хотя трудно определить, что тут для кого важнее: море для города, или город для моря? Веками все слилось здесь в едином порыве. А вот белорусу, свикшемуся с шумом леса, который занимает почти 40 процентов территории страны, действительно непривычен ночной шум морской феерии.

Беларусь помнит героев Дагестана

На сей раз в качестве подарка везем в Дагестан песню. Ее автор – известный в Беларуси бард Геннадий Парыкин. Когда Геннадий Анатольевич узнал о предстоящей нашей поездке, признался: ночь не спал. Так ему хотелось свои мысли, чувства к прекрасной горной стране, её удивительным людям выразить в песенной форме.

Мы тоже волнуемся: как пройдет премьера песни? Что скажут сами дагестанцы – насколько тонко сумел автор уловить здешние высокие нотки, чтобы и слова, и мелодия затронули душу, чтобы песня полюбилась.

... При вылете из Минска дорогу нам освещало утреннее солнце, Москва в полдень встретила снегом, в вечерней Махачкале накрапывал дождь.

Такая перемена климата тоже создавала свое настроение. Думалось, что даже в этом есть сакральный смысл: сама природа благоволит к тому, чтобы мы больше общались, ощущали этот удивительный мир в различных его проявлениях.

Настроение приподнялось, когда в аэропорту нам навстречу вышел министр по национальной политике и делам религий Республики Дагестан Энрик Муслимов. Это в значительной мере подтвердило поддержку со стороны государства тех инициатив, которые несет народная дипломатия. Чуть позже руководители высшей государственной власти Дагестана примут участие в мероприятиях нашего «круглого стола». Энрик Муслимов в своей речи отметит значимость ставшего традиционным Дня единения народов Беларуси и России, который помогает расширять горизонты сотрудничества, преодолевая географические расстояния, позволяет крепить братскую дружбу.

Решаем, прежде чем сесть за «круглый стол», провести встречу в парке. Точнее, это будет митинг с возложением цветов. Парк имени Ленинского Комсомола – то священное в Махачкале место, где поколения дагестанцев отдают дань памяти погибшим соотечественникам в годы Великой Отечественной войны.

В центре парка – памятник Воину-освободителю, у которого, как и в Минске, трепещет на ветру алое пламя неугасаемого вечного огня. Впечатляет своей масштабностью и расположенный в парке Музей боевой славы, и Аллея славы с портретами участников Великой Отечественной войны – Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы.

Склонив головы, стоим у подножия памятника. Сколько их, вот таких величественных монументов вознеслось в небо по всей великой стране – бывшему Советскому Союзу! Тогда гитлеровская Германия для всех стала общим врагом. Свою цену, и очень дорогую, за Победу заплатил и дагестанский народ. Как известно, в первый же день войны в городах и районах Дагестана стихийно возникали многолюдные митинги, на которых население выражало свою готовность защищать Родину. Идти в армию настраивались целыми семьями.

В это же время вдалеке от Родины – в Брестской крепости – дагестанцы совместно с представителями других национальностей насмерть стояли в схватке с мощнейшим агрессором. От шквального огня плавилась стена крепости, горела земля.

В числе героических защитников Брестской крепости были Даниил Абдуллаев, уроженец Чародинского района, Максуд-Герей Шихалиев из Хасавюрта, Гасан Сальгириев и Алиахмед Абакаров из Бабаюртовского района, Аслан Сурхайханов из Лакского района и другие представители Кавказа.

«Беларусь помнит» – акция под таким названием проходит ежегодно 9 мая в Беларуси. Беларусь действительно помнит про защитников Брестской крепости, как и чтит тот огромный вклад, в том числе и дагестанских патриотов, который был внесен в освобождение нашей республики.

Неспроста главной темой белорусско-дагестанского проекта Беларусь-Дагестан: духовное родство» в 2019 году стала глубоко патриотическая тема: 75-летие освобождения Беларуси и празднование в 2020 году 75-летия Великой Победы.

Анатолий Шарков летел в Дагестан специально за тем, чтобы со знаниями ученого рассказать о тех незабываемых годах, о том, каким было людское братство, боевое содружество.

Анатолий Васильевич напоминал и о том, что патриотизм народов Дагестана в годы войны выразился не только в боевых подвигах на фронтах, но и в самоотверженной работе на производстве, в добровольном внесении в фонд Победы своих личных сбережений, теплых вещей, ценностей. Как нужна была эта поддержка обездоленной, израненной Беларуси! Разве может время разрушить это людское единство, стереть из памяти те испытания, которые довелось, поддерживая друг друга, совместно пережить? Не покорились врагу ни гордые кавказцы, ни свободолюбивые белорусы. У нас единые помыслы и сейчас: жить, дружить, беречь мир!

Об этом говорят многочисленные участники «круглого стола» в зале приемов Национальной библиотеки Республики Дагестан имени Р. Гамзатова. Одновременно строим новые планы: в Минске, в книжном магазине «Дружба», хотим организовать продажу книг дагестанских авторов. В этом очень заинтересован журналист, художник Марат Гаджиев, который в Беларуси бывал не однажды и уже многое сделал для духовного сближения наших народов. Очень надеемся на дружбу двух колледжей – Минского педагогического и Дербентского профессионально-педагогического имени Г. Б. Казиахмедова. Помогаем руководству учебных заведений обменяться контактами. И, наконец, включаем песню, ту самую – «Дагестан», подаренную нам в путь Геннадием Парыкиным.

*Салам алейкум, Дагестан!
Салам алейкум, аксакалы!
Вы – гор кавказских талисман,
Святых традиций идеалы.*

Звучат эти строки. Звучат и другие, наполненные глубокого смысла слова, от которых светлеют лица наших дагестанских друзей, они начинают аплодировать, подпевать. Мы радуемся Дагестану. Радуемся Беларуси. Улыбаемся друг другу...

Пусть на наших площадях горит вечный огонь – символ неугасаемой памяти. Пусть новые поколения берегут мир. Он, как и Победа, – один для всех!

В номере:

<i>К 85-летию Танзили Зумакуловой</i>	2
<i>Адам Гутов</i> . Емук. <i>Рассказ</i>	44
<i>Лариса Маремкулова</i> . Теория неперево­димости... <i>Статья</i>	50
<i>Аскерби Шортанов</i> . Горцы. <i>Гл. из романа</i>	53
<i>Юрий Тхагазитов</i> . Всадник чести. <i>Статья</i>	79
<i>Адам Гутов</i> . Эпоха великих поэтов. <i>Статья</i>	84
<i>Хангери Баков</i> . Мэтр адыгской поэзии. <i>Статья</i>	90
<i>Елена Кешокова</i> . «Вы – моя вторая жизнь...» <i>Статья</i>	105
<i>Алим Кешоков</i> . Вид с белой горы. <i>Гл. из повести</i>	111
<i>Дарья Шомахова</i> . Третья в Нальчике, тринадцатая на Кавказе. <i>Стихи</i> . <i>Проза</i>	137
<i>Исмаил Бейтуганов</i> . <i>Стихи</i>	160
<i>Ахмед Хапажеев</i> . <i>Стихи</i>	162
<i>Кашиф Унежеев</i> . Адыгский (нартский) эпос и его историко-культурное значение. <i>Статья</i>	163
<i>Виктор Котляров</i> . «Он жил и живет по совести...» <i>Очерк</i>	177
<i>Елена Стельмах</i> . Негаснущий огонь славы. <i>Статья</i>	184

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотоматериалы из фондов Национального музея КБР
и фотографии А. Елканова*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 02.07.19. Подписано к печати 02.08.19.

Выход в свет 26.08.19. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 1245 экз. Заказ № 172. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.,
за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-03-24,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронно-версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

23 июля 2019 года в Нальчике, в актовом зале здания Федерации профсоюзов КБР состоялось общее собрание Регионального отделения Политической партии «Российская экологическая партия «Зеленых».

В повестку дня были включены следующие вопросы:

1. Вручение удостоверений кандидатов в депутаты Парламента КБР шестого созыва;

2. Прием в Российскую партию «Зеленых». Вручение партийных билетов;

3. Выборы в Региональный политический совет российской экологической партии «Зеленых».

Все поставленные перед собранием задачи на данном этапе успешно завершены.

